

МАКСИМ ВИНОГРАДОВ

КРАДУГОЛЬНИКОВ

Москва, недавнее прошлое. Главный герой книги — гражданин Краеугольников — по нелепому стечению обстоятельств становится свидетелем серии убийств. И так уж распорядилась судьба, что ему приходится взяться за расследование жутких преступлений.

Попутно парень устраивается на работу в загадочное «Аналитическое Агентство», где подвергается серии неожиданных и не слишком приятных проверок.

Приходится сделать сложный выбор между справедливостью и правосудием в мире, где у каждого своя правда. И пускай суровая действительность давит на героя с мрачной неотвратимостью — он остается верен себе. В конце концов зло будет наказано, а добро вознаграждено... Или нет?

Существует всего несколько базовых правил безопасности. Не ходить по неосвещенным улицам; не совать носа в темные подъезды; при виде подозрительной компании перейти на другую сторону. И все в таком духе.

Правила довольно простые, очевидные, можно даже сказать — банальные. Детям их в школе на уроках безопасности жизнедеятельности рассказывают. Только вот почему-то не воспринимаешь их в том возрасте с должной ответственностью. Может, дело в преподавателях?

Есть еще такой типаж, что сознательно игнорируют голос разума, стремясь нарваться на неприятности. С какой целью — лично для меня загадка. Видимо, нравится им ощущение опасности, любят адреналин, острые ощущения. В конце концов, есть люди, обожающие драться. Вот и бродят по значным местам, вызывая поглядывая вокруг.

Но я точно не из таких. Мой собственный свод правил поведения ковался в маленьком провинциальном городке, где, кажется, девяностые так и не собираются заканчиваться. Да, там можно вляпаться в историю совершенно на ровном месте. Кому-то покажется, что ты как-то не так выглядишь. Или слишком вызывающе себя ведешь. Или еще проще — без всякого повода — если вдруг зашел «не в тот» двор в неудачное время.

В таких обстоятельствах либо становишься частью какой-то полукриминальной тусовки. Либо учишься осторожности. Порой граничащей с паранойей.

Москва, как и любой большой город, несколько расхолаживает выработанные рефлексy. С одной стороны, здесь больше людей, соответственно — больше шансов нарваться на неадекватa. С другой — тут лучше следят за порядком. Улицы освещены, полиция так или иначе работает, да и население совсем с другим менталитетом.

Но — так или иначе расслабляешься. Привыкаешь к хорошему. Забываешь о том, что надо чего-то опасаться.

Не сказал бы, что я из тех, кто боится высунуть нос из дома. Нет, я не чураюсь людей, хоть и не слишком их люблю. Но в то же время всегда стараюсь соблюдать режим безопасности, даже не осознанно. Эти правила словно записаны на подкорку.

Меня не напряжет прошагать лишний квартал, чтобы не срезать сквозь темный проулок. Без особых сомнений перейду улицу, чтобы разминуться с подвыпившей шумной компанией. Пусть для кого-то я выгляжу трусоватым перестраховщиком, зато так гораздо меньше шансов оказаться в травмпункте. Как говорится: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Есть еще и другая поговорка, менее благозвучная: лучше перебдеть, чем недобдеть.

Ирония в том, что несмотря на все вышесказанное, я сам же и нарушил собственные правила. И рад бы сказать, что виной всему женщины и алкоголь, но... Если копнуть глубже, виноват все равно именно я, самолично. Никто ведь рук не выкручивал и не заставлял выпивать. Это мой личный, осознанный выбор.

Не думаю, что это было свидание. Хотя сейчас, пожалуй, так именуют любую встречу противоположных полов. Но реальность несколько обыденней: случайно пересеклись с бывшей одноклассницей, слово за слово — договорились посидеть вечером в баре.

Посиделки затянулись допоздна, одна тема плавно и совершенно естественно сменялась другой. Болтала все больше Ленка, я слушал и с умным видом поддакивал. Что ж — ей

оказалось есть, чем похвастаться. Удачное замужество, большая квартира, дорогая машина. Регулярные поездки за рубеж. Все атрибуты успешной жизни. Не говоря уже о том, что она, в общем-то, еще довольно молода и весьма хороша собой.

В противоположность Лене, мне хвастать особо нечем. Случайные приработки не назовешь успешной карьерой; немногочисленные мимолетные романы не тянут на серьезные отношения. Несусь по жизни, как щепка, подхваченная бурным потоком. Хочется верить, что все это лишь подготовка к чему-то настоящему, стоящему. Но чем дальше, тем меньше остается надежд на «чудо».

Расстались поздно, около полуночи, когда улицы давно накрыло полумраком. Ленка довольно прозрачно намекала на возможное продолжение, но я сразу решил, что оно того не стоит. Не хочется секса ради секса, тем более с такой шумной особой. Впрочем, может это все мои выдумки? И ничего такого девушка и не предполагала... Поди их пойми, этих женщин.

Попрощавшись, она укатила на такси с несколько обескураженным видом. А я остался у выхода из полуподвального бара, где мы коротали вечер.

Огляделся, качнул головой, стараясь разогнать остатки опьянения. В лицо ударил холодный весенний ветер, бросив на щеки россыпь мокрой мороси.

И не сказать ведь, что много выпил. Неторопливо цедил весь вечер пару бутылок пива. Но и этого для непривыкшего организма оказалось достаточно. В теле поселилась приятная расслабленность, истома. Разум слегка затуманился, наполнившись радужным, излишне позитивным настроем. Как ни крути, а даже минимальной дозы алкоголя мне достаточно, чтобы утратить рациональный взгляд на мир.

Где-то, по-моему в буддистской мифологии, есть целая притча на эту тему. Содержания не помню, но суть такова: сколько бы у тебя не было заповедей, если хочешь нарушить их все — выпей вина. А дальше все произойдет само собой...

Тяжело вдохнув не по-весеннему морозный воздух, я неторопливо двинулся в сторону дома. Шапка прикрыла уши, руки сунулись по карманам. Рассеянный взгляд блуждал по широкому проспекту, выхватывая редких, в этот поздний час, прохожих.

Думал о совершенно отстраненных вещах. Удивлялся тому, что несмотря на холод, многие не носят головных уборов. Боятся испортить прическу? Или это страх выглядеть не модным? Забавно, но во мне боязнь заработать условный энцефалит всегда перевешивала соображения стиля. Лучше выглядеть дураком в шапке, чем потом полным идиотом на больничной койке.

Впрочем, судить других всегда легче, чем видеть собственные промахи. А я умудрился за один вечер нарушить несколько самолично установленных правил. Пусть не писанных, но все же однажды сформулированных.

Во-первых, я зарекался выпивать с малознакомыми людьми в неизвестных местах. Если уж хочется травить себя алкоголем — пей дома, в кругу друзей и родных. Там, где вероятность заработать неприятности заведомо невелика.

Во-вторых, почему не взял пример с Ленки и не уехал домой на такси? Тоже, конечно, рискованно, но гораздо меньше, чем при пешей прогулке. Все же, таксисты по большей части адекватные и вменяемые. Если сам на рожон не полезешь, то проблем быть не должно.

А я? Решил проветриться, подышать свежим воздухом. А если уж быть до конца честным — пожалел денег. Все-таки работу пока что так и не нашел, а накопленная загодя денежная подушка тает на глазах.

И ведь, что характерно — подобные ошибки имеют свойство накапливаться. Собираются до поры до времени, пока не образуется критическая масса. А уж потом вываливаются на голову всем скопом.

Так и со мной: одну оплошность судьба, быть может, и не заметила. На вторую закрыла глаза. Но когда вслед за ними идет третья, еще более идиотская...

Какого черта я решил свернуть в этот проулок? Ведь знал же, и сам не раз многозначительно вещал друзьям-приятелям, что короткая дорога может оказаться длиннее длинной. Однако, именно в эту ночь побрезговал собственным умным советом.

Самое смешное, что и выигрыш по скорости выходил смехотворный. Что тут прошмыгнуть — шагов сто. Что в обход — ну максимум вдвое дальше. С той лишь разницей, что там — свет и относительное спокойствие. В то время как здесь — настоящая ночная тьма, разгоняемая разве что блеклым сиянием звезд.

Я шагнул во тьму, не особо задумываясь о своем поступке и возможных его последствиях. В голове по-прежнему плескалась некая озорная бесшабашность, свойственная всем, кто слегка «навеселе». Смотрел в основном под ноги — чтобы не наступить в открытый люк, например. И это тоже сыграло свою роль.

Нет, следить куда наступаешь, тоже важно, никто и не спорит. Однако, в который раз убеждаюсь, что стратегическое мышление на порядок важнее тактического. А именно: обходя очередную колдобину, желательно не терять из вида всего маршрута. Ну или хотя бы его ближайшую значимую часть. Может такая привычка, знаете ли, убережет от серьезных неприятностей.

Ступал я неторопливо, осторожно, по привычке держась правого края тротуара. Не сказать, чтобы прям крался, но и внимания лишнего точно не привлекал. Если на фоне светлой улицы различить приближающийся силуэт еще было вполне реально, то стоило смешаться с тенями, и заметить меня стало уже весьма проблематично. Особенно, если специально не всматриваться.

Ночная свежесть проникла под тонкую куртку, я зябко поежился. Хмель выветривался, оставляя после себя неприятный осадок головной боли и усталости. Сонная доза — самое то, чтобы добраться до постели и завалиться часов этак на десять.

И все же именно в этот момент я что-то почувствовал. Ощутил тень опасности или, не знаю, предчувствие какое-то кольнуло. Будто холодок пробежал по позвоночнику, заставив разом замереть на месте.

К тому моменту я почти миновал центр переулка: узкая темная каменная кишка тянулась в обе стороны, одинаково неприветливая как сзади, так и спереди. Но только теперь, подняв взгляд, я заметил кое-что не совсем обычное прямо по курсу.

Поперек дороги застыл темный внедорожник. Длинный и высокий, абсолютно черный, с погасшими фарами и заглушенным мотором. Явно не из дешевых: то ли кадиллак, то ли мерс... Не силен я в марках, а разобрать во тьме значок оказалось невозможно.

Казалось бы — ну что такого? Стоит и стоит. Очередной мудака припарковался, как удобно именно ему. И плевать на остальных прочих.

Вот только тут в глаза сразу бросились странности.

Во-первых, зачем ставить поперек дороги? Можно ведь спокойно тормознуть вдоль. А так он, выходит, весь проезд перегородил.

Во-вторых, автомобиль припаркован так, что тронуться вперед возможности нет —

сразу упруешься в стену. Только сдавать назад, и то придется выкрутить руль на полную.

Ну и, в-третьих. Прямо как в анекдоте: «А главное — дров нет!» Водительская дверь машины оказалась открытой. Да еще так, что чуть ли с петель не сорвана.

Должно быть, я простоял секунд пять, проклиная себя за рассеянность и глупость. Ну зачем я сюда поперся? Ну что стоило обойти вокруг? И почему сразу не глянул, издали, что здесь творится нечто неладное?

Возможно, именно эта задержка позволила мне остаться незамеченным. В полной тишине, стараясь даже не дышать, я слился со стеной, превратившись в часть уличного интерьера. И вроде бы по жизни никогда не приходилось быть таким уж мастером скрытного передвижения, но вот именно в тот миг посчастливилось стать невидимкой.

Так и вышло, что я их заметил, а они меня — нет. Два темных силуэта застывшие за машиной. Одежду не разглядеть, не то что лиц. Видны только фигуры: высокие, статные, явно мужские. Стоят рядом, на расстоянии вытянутой руки.

И разговор, кстати, слышен. Ну почему я до сих пор не обратил внимания на чужеродные звуки? Ведь голоса звучат явно, разлетаются по переулку настоящим рыком. Неужели настолько погрузился в мысли, что проспал все на свете?

Слов не разобрать, слышны только отдельные фразы, прерываемые секундами тишины. Застыв статуей, стараюсь понять: что же теперь делать? Ждать? Потихоньку двигать назад? Или пройти мимо как ни в чем не бывало?

Ну а что, собственно, такого? Ехали два приятеля, остановились отлить в темном проулке. Стоят, дышат свежим воздухом, никому не мешают. Ну и мне им мешать незачем.

Несостоятельность этой версии стала понятна сразу же, как только тон голосов повысился. Один из мужчин говорил что-то резкое, злое, экспрессивно размахивая руками. Второй слушал, стараясь вставить хоть слово.

Он сделал шаг, но первый оттолкнул собеседника подальше. Миг — и две фигуры сцепились в борьбе. Пару секунд никто не мог взять верх, они сосредоточено толкались, схватившись руками.

А потом тот, что стоял чуть дальше, нанес резкий удар. Ближний силуэт с хрипом схватился за горло и начал медленно оседать на асфальт.

Я застыл, вжавшись спиной в стену. Кровь застыла в жилах, сердце билось с удвоенной скоростью, остатки хмеля выветрились в один момент. Захотелось оказаться подальше отсюда, желательно — дома. В крохотной уютной съемной квартире. Где никто злобно не рычит и не бьется в агонии на земле.

Адреналин и страх. Руки дрожат в предвкушении чего-то нехорошего. Ощущение реальности чуть размыто, как и всегда в подобных ситуациях. Ну да, что уж тут поделать — не герой я. Совсем.

А что лучше делать попав в такую переделку? Помню, как-то раз, в большой компании приятелей, мы долго разглагольствовали на эту тему. Кто-то доказывал, что нужно бросаться на помощь; кто-то, напротив — что вмешиваться нельзя ни в коем случае.

Во время той беседы я лишь загадочно улыбался. Потому что знал достаточно случаев, подтверждавших обе точки зрения. На слуху инцидент, когда спятивший мужчина насмерть забил жену на виду у соседей. И никто не вмешался, не помог.

С другой стороны — сколько обратных случаев! Когда незванный герой влезает в чужие разборки. А на поверку оказывается, что была-то просто пустяковая ссора. И жертва уже

давно простила обидчика. А то и заявление в полицию пишет именно на того, кто старался ее защитить.

Да, всякое бывает. А потому мой выбор всегда очень осторожный. Предпочитаю не загадывать наперед, а действовать, исходя из ситуации. Ведь невозможно точно предусмотреть все нюансы и решить: вот в такой позиции буду делать так-то, ну а если сложится по-другому, то и поведу себя иначе.

Одним словом — растерялся. Раскрыл рот, не сводя взгляда с копошащихся противников. Пока что еще ничего решить не мог. То ли вмешаться, то ли окликнуть. Или просто убежать? Вызвать полицию я сумею и с гораздо более безопасного расстояния.

Между тем, первый мужчина распластался на асфальте, издавая какие-то подозрительные булькающие стоны. Второй присел рядом, опустившись на корточки. Он произнес нечто угрожающее — слов я снова не разобрал.

А вокруг — ни души. В переулке пусто, тихо и темно. Шум машин где-то далеко, до освещенного проспекта топтать и топтать. Рядом — ничего. Только потухшая витрина какого-то то ли магазинчика, то ли мастерской, непонятно как затесавшейся в этой глуши.

Нет, к черту все! Надо бежать! Решение созрело одновременно с осознанием того, что в руках у сидящего — нож. А поверженный, судя по всему, истекает кровью.

И чем же ему помочь? Самое логичное и верное — звонок в полицию. И пусть ситуацию разрешают компетентные органы. Желательно — совершенно без моего участия.

Не успел сделать и шага, как судьба своенравно воспротивилась неугодному решению. Лежащий в кармане куртки смартфон противно звякнул, возвещая о входящем сообщении. Не то чтобы звук такой уж громкий, но в тишине переулка он прозвенел, подобно фанфарам.

Сидевший с оружием мужчина резко вскинул голову, устремив взгляд в мою сторону. Можно не сомневаться — теперь-то он меня точно заметил! Черт бы побрал мессенджеры! И позабытую привычку переводить телефон в беззвучный режим!

И ведь, как назло, с собой ничего нет. Карманы пустые. Даже перцовый баллончик не прихватил, не говоря уж о чем-то более серьезном. С тоской припомнил тяжесть самолично выплавленного свинцового кастета, лежащего сейчас где-то в прихожей. С ним, конечно, тоже проблем можно поиметь. Могут в приличное место не пустить, да и полиции лучше подобные шутки не показывать — противозаконно. Зато в сложных ситуациях холодная сталь в кулаке придает толику уверенности.

Толкнулся от стены, сделал шаг вперед. Нога ткнулась в нечто твердое. Мимолетно зыркнул вниз, нагнулся, ладонь ухватила шершавый огрызок кирпича. В памяти всплыло как нельзя кстати пришедшееся изречение: бульжник — оружие пролетариата. Самое время проверить истинность революционной пословицы. Во всяком случае, твердый тяжелый камень лучше обычного кулака.

— Эй, мужик! — окрикнул темный силуэт, стараясь придать тону как можно больше солидности, — Хорош беспродельить!

Голос предательски сорвался, дав писклявого петуха. Отчего вся фраза получилась какой-то совсем не внушительной. Скорее — издевательской. Или испуганной.

Но отступать было поздно, да и глупо. Задирая руку для броска, я шагнул ближе к противнику.

Пройти успел шагов пять, не больше. Мужчина, разогнувшись, поднялся, вытягивая в мою сторону руку.

«Неужели пистолет?» — мелькнула шальная мысль.

Мысль мелькнула, а испугаться как следует даже не успел. Потому что в следующий миг что-то громко щелкнуло и стало очень больно.

Если вас когда-нибудь били электрошокером, то эти впечатления трудно с чем-то перепутать. Мне и раньше доводилось испытывать подобные устройства на себе. Но тогда это была дешевая китайская игрушка, с небольшой мощностью и работающая при прямом контакте. К тому же испытание проводилось среди друзей, никто не старался меня вырубить.

Так вот, удар китайской поделки ни в какое сравнение не шел с тем коктейлем ощущений, что сейчас скрючил меня дугой. Тогда я мог терпеть, даже с горем пополам сопротивляться. Теперь же чудовищная судорога настолько перекосила тело, что и пальцем пошевелить оказалось невыносимо.

Помогло мне только то, что противник поторопился с выстрелом. Мог бы выждать еще чуток и всадить заряд прицельно. Ну а сейчас получилось так, что электроды вонзились в левое плечо, гораздо выше грудной клетки.

Кстати говоря, это миф, что при попадании в область сердца шокером можно убить. Ну, если только внутри нет кардиостимулятора. Иначе бы не одно такое устройство не прошло сертификации.

Впрочем, болью садануло так, что разум из головы выбило мгновенно. Даже крикнуть толком не получилось — воздух вышел из легких вместе с невнятным бляением. Скрутило, согнуло, жуткие спазмы свели мышцы, в глазах сверкали вспышки боли.

А он все не отпускал, держал разряд. Ждал, наверное, пока я вырублюсь. Свалился-то почти сразу, потом только дергался на асфальте, как припадочный червяк. Сколько длилась мука? Мне показалось, что вечность.

Но наконец отпустило. Ощутил себя распластавшимся на дороге, кое-как постарался собрать по кусочкам разлетевшееся вдребезги сознание.

Мучитель не подходил, стоял все там же. Наверное, оценивал дело своих рук. А я пытался оценить собственную боеспособность.

То, что я в сознании, уже хорошо, уже повезло. Такой разряд, выданный адресно, свалил бы и слона. Правда, левая рука онемела совершенно. Да и подниматься на ноги нет никакого желания. Ввиду отсутствия возможности.

Резко вдохнув, перевалился на левый бок, разом стаскивая куртку вместе с электродами. Теперь жми не жми, новый разряд меня не достанет. И противник это тоже осознает: отстегнутый картридж бухнулся вниз, а шокер исчез из вида.

Поверженный мужчина уже и шевелиться перестал — ему, наверное, пришлось похуже моего. Вражина шагнул вперед и нерешительно остановился.

И я его хорошо понимаю. Одно дело ударить ножом ничего не подозревающего собеседника. И совсем другое — нападать на противника, осведомленного и готового сопротивляться. Понятно, что боец из меня сейчас никакой, но за жизнь цепляться буду крепко!

А выбор-то у него весьма простой: либо прикончить меня заодно с первой жертвой. Чтобы никаких свидетелей. Либо... Лица-то я не видел. Да что там лица — в темноте и силуэт кажется расплывчатым. Понятно, что мужчина; понятно, что не маленький. Но искать по таким приметам — можно пол-Москвы пересажать.

А подтолкну-ка его к нужному решению!

Вновь перевалившись с боку на бок, махнул единственно действующей рукой, запуская камень в полет.

Конечно, снаряд пролетел мимо. Убийца даже саркастично хмыкнул. Но я и целил совсем не в него.

Звон стекла возвестил о том, что обломок кирпича свою работу выполнил. Витрина магазинчика осыпалась с мелодичным грохотом. А вслед за этим завывла сработавшая сигнализация.

Вот так, дядя. Можешь провозиться со мной, но тогда шансы скрыться уменьшаются. Или — уходи прямо сейчас.

Убийца среагировал почти мгновенно. Огляделся и, что-то злобно буркнув, растворился в ночи. Еще несколько секунд я слышал быстрый перестук шагов, а потом и он стих. Осталась тьма, воющая сирена и два тела разной степени помятости.

Преодолевая жуткую слабость, подполз к поверженному мужчине. Он лежал тихо и спокойно, будто во сне. Не разглядев, вляпался во что-то мокрое, липкое. Лишь потом дошло, что это лужа крови, растекающаяся вокруг неподвижной жертвы.

Зашарил рукой по телу, стараясь хотя бы отыскать рану. Куда этот гад ударил? То ли в область сердца, то ли в горло, то ли под ключицу. Чертыхнувшись, начал сдирать с лежащего плащ и рубашку.

Словно почуввав чужое присутствие, он неожиданно вздрогнул и открыл глаза. Жив, чертяка!

— Сейчас, сейчас, — я суетливо запыхтел, ощупывая грудную клетку бедолаги.

Мужчина судорожно выдохнул и захрипел, изо рта полился темный ручеек. Однако, он справился, и последнее чудовищное усилие не пропало даром. Шипящие, еле различимые звуки сложились в прощальную фразу.

— К...а...р...а...н...д...а...ш... — просипел он и замолк.

Глаза бедолаги закрылись, голова обмякла.

Не обращая внимания на перепачканную в крови ладонь, полез в карман за телефоном. Разблокировать экран удалось не сразу — аппарат не принимал отпечаток грязных пальцев. Кое-как набрав номер скорой, прижал смартфон головой к плечу.

Динамик надрывался длинными гудками. Я нажимал ладонью на грудь убитого, пытаюсь остановить льющуюся кровь.

Если честно, лежанка в машине скорой помощи не отличается большой комфортабельностью. Наверное, специально сделана так, чтобы больные хотели поскорей с нее слезть. Не засиживались. Во всяком случае, желания прилечь у меня не возникало.

Впрочем, жаловаться грех. И полиция, и скорая — все приехали довольно оперативно. Время не засекал, но, субъективно — прошло не больше получаса.

Народу в переулке значительно прибавилось. Да и света стало больше. Кроме включенных фар натащили еще каких-то осветителей. Стало не то чтобы, как днем, но место преступления видно здорово.

А преступление налицо. Несмотря на мои попытки помочь, а может — и вопреки им — неизвестный мужчина умер. Тело все еще лежало на асфальте, в широкой луже собственно крови. Убийца скрылся без следа.

Мне оказали не хитрую помощь. Что-то вкололи — думаю, обычное обезболивающее. Неприятные ощущения в плече и правда отпустили, хотя подвижность толком не восстановилась. Но это побочки электрического удара: через пару дней должно пройти само собой. Также, как и покраснение на коже.

Чувствовал я себя не слишком хорошо. Точнее — довольно паршиво. Тошнота и головокружение после шока никак не отпускали. Вот и усадили здесь, вручив в руки маску с кислородом. Дышишь из нее через раз, сознание заметно проясняется.

Руки скованы наручниками. Больно и чертовски неудобно. Даже почесаться толком не получается. А чешется теперь, как на зло, везде и всюду. Извозился, пытаюсь дотянуться до зудящей спины.

Еще и постовой снаружи меня стережет. Присматривает, чтобы не удрал. На мои выкрутасы с попыткой почесаться глядит весьма настороженно. Но я не в обиде, понимаю: такая работа. В конце концов, здесь труп, а я — единственный свидетель. А может и подозреваемый. Убегать мне никак нельзя.

Куртка, руки, рубашка — все в чужой крови. Перемазался я знатно, пока старался помочь. Теперь-то оно все подсохло, застывшая корка отходит от кожи с неохотой. Попросил влажных салфеток, чтобы вытереть хотя бы лицо и ладони. Дали с неохотой, словно отрывая последнее. Ну, хоть так.

Насидевшись вдоволь, медленно выбрался наружу. Ночной холод взбудрил лучше всякого кислорода. Застегнул куртку доверху, голова невольно вжалась в плечи. В очередной раз захотелось домой, но теперь, похоже, окажусь там совсем не скоро.

Отпускать меня никто не собирался. Оперативная группа работала у места преступления. Ну, как работала... Мне кажется, свое дело мужики сделали, теперь просто топтались вокруг, словно ожидая неизвестно чего.

Полицейские машины стояли чуть поодаль. У самого въезда в переулок сверкал мигалкой уазик. Скорую запустили внутрь, но и она тут больше не нужна. Врачи забрались в кабину, дожидаясь команды отбоя.

Скучковавшись в небольшие группы, полицейские тихо переговаривались. Кто-то курил, где-то то и дело бурчала рация. Непонятно, чего ждут. И сколько тут еще торчать.

Интересно — куда меня теперь? В отделение? В КПЗ? Понятия не имею, как у них там

все устроено. Отпускать меня, наверно, нельзя. И задерживать без обвинения не имеют права. Но вот мурыжить с допросами могут долго.

И ведь главное — я уже все рассказал. Расспрашивали меня сразу трое, долго и старательно. Начал с истории посиделок, продиктовал даже телефон Ленки, чтобы проверили, что не вру. Описал путь до переулка, вспоминал все подробности.

Очень их почему-то заинтересовала степень моего опьянения. И психологическое состояние на момент прогулки. Один из следователей так и заявил: находился в расстроенных чувствах из-за расставания с девушкой, был возбужден, на взводе. Под действием алкоголя плохо себя контролировал.

Ну я, конечно, все отрицал. Никакого стресса ведь и в помине не было: ни злости, ни агрессии. Да и хмель подействовал постольку-поскольку. Не до такой же степени, чтобы с катушек слететь.

В общем, все попытки приплести себя к убийству я старательно отметал. Не знаю уж, насколько успешно. Но настойчиво и последовательно.

Как мог описал настоящего убийцу. Впрочем, примет оказалось не слишком много. Широкоплечий мощный мужчина чуть выше среднего роста. Совершенно не разглядел лица, не видел даже прически. Разве что голос... Да и то, разобрать какие-то оттенки среди злобных выкриков вряд ли возможно. Даже услышав его снова — не опознаю. Или спутаю с десятком похожих.

Единственное, в чем покривил душой — про стекло. Уперся и все тут: не я, мол, разбил. Убийца это, псих ненормальный. Зарезал человека, потом пошел витрины громить. А у меня нет никакого желания разбираться с владельцем магазина, платить за повреждения. Спасибо, конечно, сигнализация мне как-никак жизнь спасла. Но денег на новое стекло у меня точно нет.

Еще не стал рассказывать, что хотел убежать. Просто опустил этот момент, как малозначительный. Решил помочь — и все тут. Не смог пройти мимо. Такой вот герой.

А про финальную фразу умершего и вовсе умолчал. Вернее, сначала запомнил, а потом уже вроде как поздно стало. Последнее дело — путаться в показаниях. Только новые расспросы начнутся: как забыл, почему забыл. Что еще забыл? Не нужно ли провести терапию от забывчивости...

Да и что, если подумать, он сказал? Бред какой-то. То ли слово, то ли просто непонятный набор букв. Никакого смысла, никакой реальной помощи следствию. Только повод для дополнительных расспросов. И очередные сомнения в моей вменяемости.

В общем, показания у меня получились в меру правдивыми. Половинка на серединку. С одной стороны — старался не врать без надобности. С другой — рассказал не все и душой слегка покривил. Глупо, конечно. Но уж как есть.

Так и мялся на улице, поглядывая по сторонам. Даже подмерзать начал, за невеселыми размышлениями. А про меня будто и вовсе позабыли, даже внимания не обращали. Ну, если не считать персонального охранника.

Никак не мог понять — чего все ждут? Пока вдруг в переулке не появились новые действующие лица.

В дальнем конце, у въезда, рыкнул двигатель. Мигнув фарами, в поворот вписался огромный гелендваген. Высокий, длинный и абсолютно белый. Выглядел он здесь жутко неуместно. Ну и круто, конечно, этого не отнять.

Преодолев смешное расстояние, автомобиль остановился в десятке метров. Глухо затонированные стекла скрывали от любопытных глаз не только пассажиров, но и водителя. Интересно, он сам-то изнутри хоть что-то видит?

После короткой паузы пассажирская дверца машины отворилась. Оттуда высунулся изящный высокий сапожок с острым каблуком. Следом показалась обладательница стройных ножек.

Не люблю, когда о людях говорят, будто о лошадях. Да и вообще, навешивание ярлыков — дело неблагодарное. Но в данном случае на ум пришло только одно сравнение: породистая! А по-другому и не скажешь.

Невысокая, фигуристая, с надменным выражением лица и манерами светской львицы. Такое ощущение, что явилась сюда напрямиком с представительного раута. Непослушные темные волосы рассыпались по спине манерными завитушками. Тесные джинсы, длинный кожаный плащ, скрывающий выпуклость груди. А вот внушительную филейную часть никакой плащ скрыть оказался не в состоянии.

В ладони она держала смартфон, откуда практически не отводила взора. Размеренно цокая каблуками, подошла к лежащему телу. К моему великому удивлению, оперативники почтительно расступились, пропуская красотку на место преступления.

Продолжая безостановочно тыкать пальцем по экрану телефона, женщина рассеяно поздоровалась. Следователь приветливо буркнул, показывая рукой на труп.

Барышня обошла тело, кидая взор то на потеки крови, то на тускло светящийся смартфон. О чем-то быстро переговорила с оперативником. Осмотрела брошенную машину, разбитую вдребезги витрину.

Проследив за ее взглядом, я заметил установленную над магазинчиком камеру. Сердце предательски екнуло, но тут же успокоилось — вряд ли в объектив попало хоть что-то. А уж тем более учиненный мною акт вандализма.

Между тем, закончив осмотр, дама вновь оказалась рядом со следователем. Что-то спросила, а мужчина покорно кивнул в мою сторону.

Да что ж такое? Это вообще кто? Какой-нибудь особый отдел? ФСБ?

Роскошной походкой уверенной в себе дивы женщина двинулась напрямиком ко мне. За ее спиной засуетились санитары, начав упаковку мертвеца. Вот ведь, выходит — ждали только, пока труп осмотрит эта фифа?

Красотка подошла, оказавшись еще ниже ростом, чем почудилось издали. Даже с учетом внушительных каблуков она едва дотягивала макушкой мне до переносицы. Я не стал отказывать себе в удовольствии полюбоваться модельной внешностью дамы. Правда, таких низких не берут в модели, наверное...

Барышня замерла, остановившись в двух шагах. Мой конвоир, почуяв неладное, отошел на почтительное расстояние, оставив нас наедине. Дама наконец оторвала взор от телефона. Устало зыркнула на меня, не пытаясь скрыть равнодушия. Чувственные губы красотки изогнулись в ироничной усмешке.

— Это ведь ты разбил стекло? — непринужденно поинтересовалась она, — Спасал свою шкуру, решил привлечь внимание... Сам догадался или увидел где?

Не дожидаясь ответа, дама шагнула вбок, обходя меня по широкой дуге. Стало как-то неуютно, будто теперь она осматривает жеребца, стараясь определить *мою породу*.

— Правильно, что не сознался, — фыркнула женщина, пуская глазами озорные

искры, — Ни к чему это... Магазин все равно застрахован, вешать на себя разгром совсем не обязательно.

Она внезапно шагнула вперед, оказавшись совсем близко. Настолько, что я почувствовал ее дыхание, легкий аромат духов, возбуждающий запах волос. Пришлось смущенно отшатнуться — не люблю такого вторжения в личное пространство.

Дамочка кивнула, будто подтверждая свои догадки. Улыбка на ее лице стала еще шире.

— Предположу, что и вмешиваться ты не собирался, — размеренно произнесла она, — Стоял в тени, заметил неладное, решил улизнуть, — красotka с удивительной точностью указала взглядом на стену, служившую мне убежищем, — Но что-то пошло не так... Телефон?

Усмехнувшись, женщина вновь уткнулась в смартфон, утратив ко мне, казалось, всякий интерес. Ее большой палец порхал над экраном с невероятной скоростью, печатая сообщение неведомому собеседнику.

— А ведь ты застал труп еще живым, так? — невинно поинтересовалась дама, не отрываясь от своего занятия, — Он что-нибудь говорил?

Я продолжал молчать, как воды в рот набрав. Будто боялся сболтнуть лишнего. И она, как ни странно, поняла молчание правильно.

Тряхнув волосами, маленькая головка поднялась, обратив ко мне прекрасное личико. Ее взгляд стал вдруг невероятно гипнотическим, цепким. И в то же время — просящим. Она подошла, на этот раз медленно, не торопясь, давая мне осознать факт своей близости.

— Что он сказал? — вкрадчиво проворковала женщина, продолжая давить взором.

Глаза у нее оказались невероятно чистыми, голубыми. Без всякой примеси.

Сказалась ли усталость? Или женские чары подействовали? Не знаю, но я решился. И не стал говорить всей правды.

— Да ничего членораздельного, — выдавил из себя, недоуменно пожимая плечами, — Хрипел, чихал, а потом и вовсе отрубился. Он ведь уже одной ногой в могилу залез...

Дамочка не выглядела ни удивленной, ни разочарованной. Чуть заметно кивнула, левая бровь картинно взлетела вверх.

— Что, только непонятные хрипы? — уточнила она ровным голосом, — И больше ничего?

Я подтвердил, женщина еще раз кивнула.

Нет, ну действительно же бред! Что убиенный успел выдавить? «Карандаш» какой-то. Явная бессмыслица, а потому я, получается, даже и не соврал. И, вероятно, именно поэтому дамочка не почувствовала обмана.

Протянув руку, красotka разгладила ткань на моем плече. Следы от удара шокера остались впечатляющие — куртку придется покупать новую. Да и рубашка вся в чужой крови, вряд ли отстирается.

— Здорово он тебя саданул, — с легким оттенком сочувствия заметила дама.

— Повезло, что в грудь не попал, — буркнул в ответ.

— Неприятно, но терпимо, — выдала красotka с видом знатока, — Дня через три ожег рассосется без всяких последствий.

Откуда ей знать? Трудно поверить, что такую фифу кто-то пользовал шокером. Хотя... сам же решил не наклеивать на людей ярлыков. Тем более, исходя из одного внешнего вида.

Женщина отвернулась, поднося телефон к лицу. Изящный пальчик вновь забарабанил по экрану.

— И копам лишнего не болтай, — небрежно посоветовала она, — Про стекло... и вообще.

Дождавшись подтверждающего кивка, дама удовлетворенно хмыкнула.

— Ну и хорошо, — заявила с легким одобрением, — И пусть наш разговор останется между нами.

Повернувшись, она уверенно зашагала прочь. Не стала утруждать себя даже банальным «до свидания». Я ошалело провожал взором, изо всех сил стараясь понять — а что это вообще было?

Не один я пялился вслед: добрая половина мужской аудитории не могла отвести взгляд от красотки. А та словно бы и не замечала всеобщего внимания. Спокойно прошествовала мимо, не отрываясь от телефона.

Интересно — да что там у нее такое? Книга? Чаты? Соцсети? Что вообще можно постоянно делать в смартфоне, без пауз и перерывов? Как по мне, так это уже мания какая-то. Нарушение психики.

Цокая каблучками, женщина подошла к ожидающему автомобилю. Открыла дверь, занесла над порогом ножку, но сесть внутрь не успела. Судя по взгляду, брошенной дамой, ее окликнули с заднего сиденья. И кто бы это ни сделал, этот кто-то явно имел привилегию повелевать. Во всяком случае, на лице барышни не отразилось ни недовольства, ни нетерпения. Скорее — внимание и нечто вроде почтительности.

Слов, конечно, с такого расстояния не разобрать. Что там слов — я и говорившего голоса-то не услышал. Только смотрел за тем, как дамочка внимает сказанному: слегка удивленно, но без пренебрежения.

Короткий диалог закончился за пару секунд. Женщина кивнула, прикрывая дверь гелендвагена. Не выпуская из ладони телефона, она целенаправленно шагнула к следователю.

Теперь красотка заговорила с полицейским. Смысл речи от меня ускользнул, единственное, на что обратил внимание — как вытягивается лицо оперативника, приобретая обреченно-траурное выражение. Он попытался что-то возразить, но барышня изящно взмахнула рукой, начисто отменяя контраргументы. Бархатистый голосок взлетел на тон выше, диктуя мужчине свою волю.

Я настолько откровенно разглядывал красотку, что даже смутился, когда она резко повернулась в мою сторону. Оба — дамочка и следователь — подошли прямо ко мне. Я замер, совершенно не представляя, чего ожидать.

Женщина приветливо подмигнула, протягивая руку. В длинных пальцах мелькнул картонный прямоугольник. Завороженный пристальным взглядом, я невольно принял визитку, толком даже не рассмотрев.

— Позвони, — настойчиво проговорила дама, — Скажем... завтра.

Не дожидаясь ответа, она ретировалась. Каблуки процокали по асфальту, сопровождая перестуком обворожительную походку. Я и следователь — оба так и застыли с приоткрытыми ртами, провожая брюнетку взглядами. Если она рассчитывала на подобный эффект, то явно достигла желаемого.

Грациозно нырнув внутрь автомобиля, красотка захлопнула дверь. Гелик мигнул фарами, рыкнул движок, машина уверенно попятилась задним ходом. Вывернув из переулка, гелендваген спокойно скрылся из вида, беспрепятственно влившись в разряженный поток.

Словно очнувшись от помешательства, следователь повернулся ко мне. Лицо оперативника осунулось, взгляд помрачнел. Щелкнул замок, освобождая ладони от сковывающих наручников. Я удивленно моргнул, растирая затекшие руки.

— Можете быть свободны, — безрадостно изрек следователь, отводя взгляд в сторону.

Я ошеломленно кивнул, все еще не веря в такой подарок судьбы. Меня что — просто отпустят? Никаких допросов, никакой кутерьмы? Вот так просто — гуляй?!

— Это что, все? — ошалело уточнил я.

Следователь кивнул с таким видом, что сразу стало понятно: он отнюдь не рад такому повороту событий.

— Единственная просьба — будьте на связи, — мрачно выговорил опер, отворачиваясь, — И город не покидайте!

Судорожно сглотнув, побрел в сторону, все еще не веря своему счастью. Сначала шагал медленно, недоверчиво, словно ожидая что сейчас окликнут. Оглянулся — нет, про меня уже и думать забыли. Это не розыгрыш и не шутка — я действительно свободен!

Теперь уже шаг ускорил, норовя побыстрее покинуть проклятый переулок. Чтобы я еще хоть раз свернул с торного пути!

Можно сказать, легко отделался! А все благодаря таинственной дамочке и ее невидимому собеседнику в гелендвагене. Припомнив красотку, скосил взгляд на визитку, все еще бестолково сжатую в пальцах.

Твердый картонный прямоугольник, целиком закрашенный черным. На одной стороне — телефон, на обороте — три заглавные буквы «А».

И что, черт возьми, все это значит?

Я стоял в обычном офисном центре, каких в Москве великое множество, особенно в некоторых районах — буквально один на другом громоздятся. А что, удобно: вся инфраструктура, связь, комфортные помещения на любой вкус. Для арендаторов рай. Опять же, кафешки, магазины — все под рукой. Да и от метро недалеко, если это кому-то тут важно.

Передо мной возвышалась внушительная стальная дверь, подходящая, если честно, не очередному офису, а какому-нибудь силовому ведомству. Темная, мощная, прочная. А может — чем черт не шутит — и пуленепробиваемая? Поди их разбери...

На двери красовалась прямоугольная табличка, дизайном напоминающая врученную мне визитку. Черный прямоугольник и три большие буквы «А». Правда, чуть ниже, мелким шрифтом имелась расшифровка: «Аналитическое Агентство».

Ну, положим, с двумя «А» все понятно. Но что означает третья? Какое-то время я перебирал слова на «а», но так и не придумал ничего подходящего. В конце концов, решил, что не так уж это и важно. Хватит время тянуть!

В кармане прожужжал смартфон. Глянул на экран: календарь прислал напоминание о встрече. «Визит в три-а, 14:00», а чуть ниже — адрес и телефон. Ну да, я из тех, кто любит все записывать. Просто чтобы не держать информацию в голове.

Смахнув уведомление, глянул на время. Есть пять минут в запасе. Зайти сейчас или подождать? Изображая из себя воплощение пунктуальности.

Когда я позвонил по номеру, указанному в визитке, ответили почти сразу. Приятный женский голос даже не поинтересовался — кто и зачем. Неизвестная собеседница просто продиктовала адрес и время, не уточняя, что же меня там ожидает. Надавлив хрипловатым тембром, она промурлыкала «до встречи» и положила трубку. Я осознал, что обречен.

И вот я тут, перед дверями непонятного «Аналитического Агентства». Стою в нерешительности, как школьник перед кабинетом злого директора.

Глубоко вдохнув, я обреченно взялся за ручку. Тяжелая с виду дверь отворилась на удивление легко. Моему взгляду предстало просторное фойе с широкой стойкой посередине. Из-за нее на меня заинтересованно глянула светловолосая секретарша.

Шагнув внутрь, прикрыл за собой створку. Кивнул и представился. Блондинка улыбнулась, как мне показалось — с некоторым облегчением.

— А я-то думала, что за террорист мается под дверью? — хихикнула девушка, — Еще бы чуть и полицию вызвала!

Голос я узнал — именно с ней разговаривал по телефону. Изобразил усмешку, так толком и не поняв — то ли блондинка шутит, то ли действительно перепугалась. Но как минимум один вывод сделать можно: где-то в коридоре установлена камера наблюдения. Не через стену же она меня увидела?

— Вас ждут, — между тем подтвердила секретарша, отводя почему-то глаза в сторону, — Правда, Бат... Андрей Андреевич сейчас немного занят. А вы пройдите в офис, там посидите, ладно? Вас позовут.

Она указала на дверь — вполне обычную, наполовину стеклянную офисную дверь. Сдержанно поблагодарив, я протопал к проходу.

Не сказать, чтобы я удивился. Так везде. Не может же большой начальник вдруг взять —

и принять тебя без проволочек, точно в назначенное время. А как же тогда показать собственную важность? Нет, надо обязательно посетителя промариновать. Глядишь — и сам уйдет, не придется и разговаривать.

Войдя в офис, быстро огляделся. С первого взгляда — обычное помещение для какой-нибудь айти-компании средней руки. Ряды компьютерных столов, комфортабельные кресла на колесах, прямоугольники мониторов. Вдоль одной стены — панорамные окна с видом на торговый центр. В дальней стене еще одна дверь: готов поспорить, что кабинет начальства. Того самого Андрея Андреевича.

Странно тут было одно: пустота. По самой беглой прикидке в просторном офисе легко уместилось бы человек двадцать. А то и больше, но уже так — поприжавшись.

Но я заметил только двоих сотрудников, сидящих друг напротив друга. Услышав звук открывающейся двери, они разом повернулись в мою сторону. От пронзительных внимательных взглядов возникло неприятное ощущение, будто находишься на перекрестье двух рентгеновских лучей.

Вчерашнюю дамочку я узнал сразу. Ее вообще трудно с кем-то перепутать. Она почти утонула в огромном кресле, непринужденно закинув ногу на ногу. Волосы убраны в свободный хвост, на лице слегка надменная улыбка. Легкая белая блузка расстегнута на одну пуговицу больше, чем позволяет офисный этикет. Монитор перед красоткой светится, но смотрит она, конечно, в неизменный телефон. Пальчик с длинным красным коготком так и порхает над экраном.

Ее коллега, пожалуй, мог бы похвастаться не менее колоритной внешностью. Натуральный бандит! Вернее, как: если взять стопроцентного абстрактного бандита и вырядить в безупречный костюм-тройку — результат будет точь-в-точь!

Круглая голова, похожая на здоровенный кожаный мяч. Стрижка под ноль, почти налысо. Морда кирпичом, без всякого намека на мыслительные процессы. Большой лоб, мощные надбровные дуги, маленькие цепкие глаза со взглядом голодного хищника. Плоский нос, небольшой рот, выпуклый подбородок. Черт, да он просто набор маргинальных стереотипов! Встретишь такого в темном подъезде — всю ночь икать от страха будешь!

— Добро пожаловать, — ехидно выдавила красотка, игриво подманивая пальчиком.

Не чтобы я попался не ее чары, но что оставалось делать? Медленно подошел, протопав между рядами никем не занятых столов.

Где-то вверху чуть слышно гудел кондиционер, в воздухе плавала приятная свежесть. Да и вообще, обстановка здесь... правильная. Работать в таком месте должно быть вполне комфортно.

Остановился перед крайним столом, застыв под неотрывными взглядами парочки, столь контрастирующей друг с другом.

— Так-так... — с долей нескрываемого удивления вымолвил «бандит», — И кто же это тут у нас?

Голос у него оказался под стать внешности: неприятный, режущий, злобный. От подобных интонаций легко по коже мурашки побегут. А то и волосы дыбом встанут.

— Да вот, знакомься, новичок, — беспечно взмахнула ладонью дама, — Сейчас посмотрим, что про него известно...

Она выпрямилась в кресле, опершись локтями на столешницу. Телефон переместился из «игрового» положения в «рабочее»: напрямик перед лицом. Палец завозился по экрану,

открывая и перелистывая невидимые мне документы.

— Александр Сергеевич Краеугольников, — она усмехнулась, произнеся фамилию, — Двадцать шесть лет отроду... На свет появился... у-у-у! Провинция! — красотка трянула головой, перекинув темный волосяной хвост с одного плеча на другое.

Ну да, провинция, и ничего в этом нет зазорного. Я всегда так считал и сейчас считаю. Но почему-то слегка покраснел. Будто в чем-то провинился.

— Школа с медалью, институт, местный филиал питерского, — продолжала перечислять барышня, зачитывая с телефона, — Жил в областном центре... Служба в армии, — она удивленно подняла бровь, — Потом сбежал в Москву, очевидно — в поисках лучшей жизни.

Я удостоился мимолетного оценивающего взгляда из-под полуопущенных ресниц. Затем дамочка потушила смартфон, закончив речь без его помощи.

— Родители остались в захолустье, семьи нет, постоянных отношений тоже, — вывела она, будто вынося вердикт, — Не судим, не привлекался, в порочащих связях замечен не был. Идеальный субъект!

Насупившись, я ответил на ее взгляд хмурым кивком. Не люблю, когда в моей биографии копаются совершенно незнакомые люди.

— Э-э-э, парниша, — разочарованно протянула красотка, — Что это ты надулся? Ничего секретного, только открытые источники, — она взмахнула смартфоном, демонстрируя заблокированный экран, — Ты же сам старательно все это заполнял! Соцсети, форумы... Сколько профайлов о себе ты написал? Информации полно, нужно только уметь искать!

Сконфуженно кивнул, признавая правдивость сказанного. Действительно, никто не скажет о человеке больше, чем он сам. Особенно, если дать ему возможность и хороший стимул. А соцсети умеют выуживать личную информацию. Все же проектируют их профессионалы.

— А вы...

— Я-то? — перебила женщина, — Вот же, все написано!

Она ткнула пальцем в яркий бэйдж, прикрепленный к ткани.

— Диана Попова, — прочитал я, старательно отводя взгляд от глубокого выреза блузки.

— Гляди-ка, Василий, — дама со смешком повернулась к напарнику, — А шутки-то прямиком из детского сада! Ты точно школу закончил?

Отступив на шаг, я непонимающе воззрился на красотку.

— Попова, идиот! А не Попова! — рявкнула женщина, — Разница ясна?!

Поднял руки, демонстрируя полную капитуляцию. С трудом согнал с физиономии довольную ухмылку. Вот так, дамочка... Будем считать, что мы квиты.

— Подожди, Диана, не третируй новобранца, — спокойно подал голос тот, кого женщина назвала Василием, — Фокусы с интернетом впечатляют, особенно людей, мало знакомых с информационной безопасностью... Однако, это не то, чем следует похваться. Посмотрим, что можно сказать о госте, прибегнув к поверхностному осмотру и основам дедукции...

Его интеллигентная, даже в чем-то наукообразная речь настолько не вязалась с бандитским обликом, что невольно вызывала диссонанс. Складывалось ощущение, что сидит передо мной один человек, а говорит совершенно другой. Выдавал собеседника разве что голос — такой же маргинальный, как и внешность.

Между тем, мужчина чуть наклонился вперед, впери в меня пронзительный взгляд маленьких хищных глаз. Мне стало крайне неудобно — будто препарировать, да еще в живую и без наркоза.

— Аккуратный, опрятный, обязательный, — перечислил «бандит», постукивая по столешнице толстым пальцем, — Пришел вовремя, секунда в секунду. Готов поспорить, парень из тех, кто составляет план заранее и расписывает каждый шаг загодя. Одежда чистая, выглаженная, хоть и не новая. Затруднения с деньгами? Ну да, ты же пришел на работу устраиваться...

Открыл было рот, чтобы возразить, но оказалось, ответной реплики никто и не ждет. Мужчина продолжал перечисление, несколько не смущаясь моей реакцией.

— Так... Костюм подобран без всякого стиля. Скорее — из утилитарных соображений. Что удобнее, то и носит. Армейская привычка? Кстати, отметим воспитание и терпеливость — другой бы на его месте давно послал нас обоих куда подальше!

Диана кивнула, сопровождая жест мечтательной полуулыбкой. Я вновь открыл рот, но не успел вставить и слова.

— Фигура спортивная, хоть и без излишеств, — резонно заметил Василий, — Тренажерка? Не похоже... Точно не борец... Обрати внимание на набивку рук! Боксер вряд ли, конституция не та. Я бы сказал — каратека. Киокушин? Рискну предположить — коричневый пояс. На первый дан не сдавал?

Мне осталось только покачать головой. Кем бы не был этот интеллектuala с внешностью бандита, но все высказанные догадки попали в яблочко. Как будто я сам рассказывал.

— А что так? — театрально удивился мужчина, — Дай отгадаю — физику не хватило? Сдать тесты не так-то просто. Ну ничего, физику мы тебе подтянем! Станешь, как новенький!

Как будто удовлетворившись осмотром, Василий хмыкнул, выпрямился и резко поднялся из-за стола. В два быстрых шага обойдя препятствие, он оказался прямоком передо мной.

— Как насчет легкого спарринга? — не сбавляя хода, мужчина поднял сжатые кулаки к лицу, — В учебно-тренировочных целях? Без жесткого контакта.

Он двинулся вперед, резко качнув корпусом из стороны в сторону. Молниеносный нырок, подшаг, смещение — грузный мужчина перемещался на удивление быстро, можно даже сказать неуловимо.

И теперь я понял, кого он мне напоминает... Майк, мать его, Тайсон! Такой же коренастый, мощный, резкий. С угрожающей физиономией и взглядом маньяка на тропе войны. Только белый. И без татуировок.

Пришлось невольно отступить на шаг, а потом и еще на два. Честно говоря, у меня не возникло никакого желания боксировать с этим тяжеловесом. Не за тем я сюда пришел, да и боязно как-то.

Поднял руки перед собой, лихорадочно соображая, как бы с честью выйти из поистине идиотской ситуации...

Дверь в кабинет открылась абсолютно беззвучно, на пороге появилась статная властная фигура. От нее веяло ощутимой силой и умением поставить на место. Высокий седовласый мужчина застыл в проеме, окидывая офис недоумевающим взглядом.

Диана тут же выпрямилась в кресле, сложив руки, как прилежная ученица. Неразлучный смартфон нырнул под стол.

Василий мгновенно остановился, вытянув руки по швам. Весь его скучающе-монотонный вид как бы говорил: «А я что? Просто прогуливаюсь...»

Один я, не успев среагировать, замер посреди офиса в наполовину завершенной боевой стойке. Будто сопливый неопит, в первый раз демонстрирующий ката.

— Ребята, хватит дурачиться, — с легкой укоризной проговорил седовласый, — Займитесь делом! Александр Сергеевич? — он повернулся ко мне, — Прошу сюда!

Повинуясь повелительному жесту, я прошел в кабинет, смущенно втянув голову в плечи. Нехорошее начало — предстать перед начальником, как полный идиот. Не слишком располагает к плодотворному сотрудничеству.

Пропустив меня, мужчина прикрыл дверь. Указал на стул, сам прошел к огромному высокому столу. Представился Андреем Андреевичем, предложил кофе или чай, на что я, конечно, тактично ответил отказом.

— Прошу извинить за этот... небольшой спектакль, — Андрей Андреевич небрежно указал в сторону двери, — Ребята любят... подшучивать друг над другом. А уж разыгрывать новеньких — почти традиция. Воспринимайте это... как своеобразный тест. На профпригодность.

— И как же узнать результаты теста? — поинтересовался, устраиваясь на роскошном стуле, — Прошел я или нет?

— Ну раз вы здесь, значит прошли, не так ли? — хозяин кабинета удивленно поднял брови.

Он уселся перед компьютером, на удивление бодро пробежался пальцами по клавиатуре. Несколько секунд разглядывал что-то на мониторе, потом вновь обратился ко мне.

— Александр Сергеевич, вы ищете работу аналитика, так?

— А вы собираете досье на людей?

— Досье? — искренне удивился Андрей Андреевич, — Это еще зачем?

Он демонстративно повернул экран так, чтобы я мог видеть его содержимое. С монитора на меня смотрела собственная улыбающаяся физиономия, чуть ниже красовались строчки резюме.

— Это ведь вы ищете подходящую вакансию? — уточнил мужчина, — И профиль заполняли сами?

Опять пришлось краснеть, проклиная себя за глупость. Конечно, самолично регистрировался на сайте трудоустройства, расписывал свои трудовые подвиги и неоспоримые преимущества перед другими кандидатами. А потом, за событиями последнего дня, это все как-то из головы вылетело.

— Не стану скрывать, мы вас проверяли, — спокойно произнес Андрей Андреевич, возвращая монитор на место, — В наше беспокойное время, солидной фирме вовсе не пристало приглашать на работу первого встречного, какое бы первоклассное резюме он не составил. Однако — прошу заметить — все данные брались из открытых источников! Все официально. Строго в рамках закона.

Он поднял руки, демонстрируя мне ладони. Подразумевается, что чист перед совестью и законодательством. А причин сомневаться у меня пока что нет.

— Итак, почему выбрали именно вас? — непринужденно продолжил мужчина, —

Очевидно, ваша биография говорит сама за себя. Образование, спорт, служба... Все это хорошо. Хорошо, но не уникально.

Он слегка наклонился над столом, буравя меня пронзительным взглядом.

— Главный решающий фактор совершенно иной, — проговорил Андрей Андреевич, четко чеканя слова, — Мне понравилось, как вы повели себя в нестандартной ситуации! Во-первых, не прошли мимо, как повело бы себя абсолютное большинство. Во-вторых, не растерялись, не запаниковали. Не остались в стороне, но и не бросились в самоубийственную атаку. В проигрышной ситуации не потеряли контроль. Трюк с витриной, конечно, далеко не нов, но до него тоже нужно додуматься!

Мужчина откинулся в кресле, слегка сбавляя напор.

— Вы до последнего пытались спасти... жертву. И очень толково повели себя в разговоре с полицией. Выдали всю необходимую информацию, оставив при себе то, что копам знать не обязательно.

Я молчал, не зная, что ответить. В самом деле — не говорить же, что все так вышло по счастливой случайности. Еще за дурака примут!

Андрей Андреевич покрутил между пальцев увесистую ручку, не спуская с меня глаз. Он кивнул собственным мыслям и завершил длинную речь.

— Одним словом, мне кажется, что из тебя выйдет неплохой... аналитик.

На секунду задумавшись, я посмотрел в глаза хозяину кабинета. Кануло мгновение сомнений, когда в голове крутились разнообразные варианты продолжения беседы. Наконец, я насупился и решительно вдохнул воздух.

— Не знаю, чем занимается ваше агентство, — тихо, но вполне уверенно проговорил я, — Но никакие вы не аналитики.

Криво усмехнувшись, Андрей Андреевич откинулся на спинку кресла. Его руки оперлись на подлокотники, пальцы скрестились в замысловатую фигуру. Во взгляде появилась ехидная заинтересованность.

— Это почему же? — как будто подначивая спросил он.

Я пожал плечами, повел головой, окидывая убранство кабинета многозначительным взглядом.

— Весь этот офис... не похож на другие. Вернее, офис-то вполне обычный. Только аналитики так не работают. Никто не станет арендовать помещение, чтобы держать его полупустым. В любом нормальном агентстве все столы были бы заняты, работа кипела с самого утра. А у вас... Даже секретарша больше похожа на помесь топ-модели и спецназовца. Чуть копов не вызвала из-за того, что я минуту постоял у двери. Что уж говорить о двух других... сотрудниках.

Андрей Андреевич слушал с довольной физиономией, время от времени благосклонно кивая. Я же, почувствовав некое вдохновение, продолжал балаболствовать.

— Нет, в жизни, конечно, всякое бывает. Почему бы не быть аналитику с внешностью бандита и навыками убийцы? Или эта ваша Диана... Словно шагнула с рекламы института благородных девиц. Эй место в... не знаю... в кремле! На ковровой дорожке, среди высшего общества. Но никак не в офисе или темных переулках.

Раздухарившись, я даже позабыл, что в общем-то пришел не на митинг. Продолжал разглагольствовать, дополняя речь бурной жестикуляцией. Хозяин кабинета покорно внимал пространную отповедь.

— Ну и, наконец, то, как Диана вела себя с полицией! — выдал я главный свой аргумент, — Не скажу, что я повидал в жизни всякого... Вот только никогда копы не стали бы слушать каких-то там... аналитиков. Да даже разговаривать бы не стали. И на место преступления точно бы не пустили. Не говоря уже о том, чтобы принимать во внимание их мнение.

Совершенно выдохшись, я замолчал. Пришло запоздалое осознание, что, возможно, наговорил сейчас лишнего. Однако, Андрей Андреевич не выглядел обескураженным — напротив, удовлетворенно кивнул сам себе, словно подтверждая: ну вот, я же говорил!

— И кто же, по-твоему, мы такие? — с усмешкой поинтересовался мужчина.

— Ну... Какое-нибудь ФСБ? Или другая спецслужба?

Он хмыкнул, по достоинству оценив догадку. Выпрямился в кресле, запустив правую руку в карман пиджака.

— Ты одновременно и близко, и довольно далеко от истины, — мягко заметил седовласый, — Но мне нравится ход твоих мыслей. Действительно, когда-то я работал... в КГБ. Но это давно в прошлом. Сейчас же...

Протянув руку, он продемонстрировал мне красные корочки. Пробежав глазами по заполненным строчкам, я испытал даже какое-то разочарование.

— Так вы все — частные детективы? — удивленно восклицание сорвалось с губ помимо моей воли, — Тогда причем тут аналитическое агентство?

Пожав могучими плечами, Андрей Андреевич взялся за последовательные разъяснения.

— Ну, во-первых, не все, — спокойно заметил он, — Юлия Семеновна, например, действительно секретарша. Хотя и не вполне обычная... Ну а во-вторых... Разве частный детектив — не аналитик? Разве ему не приходится анализировать множество данных в условиях частичной неопределенности? Разве не нужно применять системный подход? Индукцию и дедукцию? Работать головой?

— Э-э-э... в какой-то мере, конечно, — я покорно согласился.

— Вот то-то и оно, — ухмыльнулся мужчина, — Видишь ли, Александр, — он уже давно легко и непринужденно перешел на «ты», — Мы занимаемся теми делами, за которые полиция просто не берется. Или не хочет, или не может ими заниматься. Поэтому нам и не нужна реклама. Сюда приходят *очень* серьезные люди с *очень* деликатными проблемами. То есть, фактически, наша работа — решать чужие проблемы.

— Ну а... — запнувшись, я мотнул головой куда-то вбок, — Что случилось вчера?

— Ты про убийство? — поморщившись, Андрей Андреевич наклонился вперед, — Дело в том, что Виктор... пострадавший — позвонил мне буквально за несколько часов до происшествия. Он был явно чем-то сильно взволнован, просил о срочной встрече. Сказал, что готов выехать немедленно. И вот... Чем все закончилось, ты знаешь.

На несколько секунд в кабинете повисла мрачная тишина. Я проматывал в голове события вчерашней ночи, Андрей Андреевич терпеливо ждал, делая вид, что разбирает какие-то бумаги.

— Так что конкретно вы предлагаете мне? — спросил, собравшись с духом.

— Должность младшего аналитика, — сразу же, уверенно, без паузы ответил хозяин кабинета.

Усмехнувшись, я сдержанно покачал головой.

— И что это значит фактически? Что мне придется делать? Сидеть за компьютером в

офисе? Или... Бегать по темным переулкам? Ловить жуликов, выявлять нечестных партнеров, следить за неверными женами?

Честно говоря, ожидал, что Андрей Андреевич будет отнекиваться. Но он просто кивнул, соглашаясь с моими словами.

— Все это, в той или иной степени, — легко заключил мужчина, — Скажем так, ты будешь специалистом широкого профиля.

Услыхав эту фразу, я невольно рассмеялся. На недоуменный взгляд собеседника пришлось пояснить.

— Нас препод так в институте называл. И я не уверен, что он имел ввиду что-то хорошее.

Андрей Андреевич не ответил, даже не счел нужным изображать заинтересованность.

— Но я надеюсь, все законно? — чуть встревоженно уточнил я, — Агентство не занимается ничем противоправным?

— Конечно, нет, — сурово пояснил мужчина, — Ты даже не представляешь себе, насколько в *этой* стране у частных детективов мало прав. Зато надзор за деятельностью весьма строгий. Так что... — он демонстративно развел руками, — Впрочем, как и обычно, жестокость законов с лихвой компенсируется необязательностью их исполнения...

Он слегка запнулся на этой многозначительной фразе, но закончил уже вполне уверенно.

— У нас очень хорошие отношения с правоохранительными органами. Об этом можешь не волноваться.

Я смотрел на седовласого «аналитика», и чем дальше, тем больше сомнений рождалось в голове. В самом деле — если у них такая серьезная контора, то почему меня так легко приглашают? Ну не бывает такого! Не берут на подобные должности людей с улицы. Или по благу, или с какими-то воистину невероятными способностями. Но уж точно не в силу удачного стечения обстоятельств.

Уж не пытаются ли меня заманить на «расстрельную» должность? Взять в качестве пушечного мяса? Подвести под какую-нибудь уголовщину? Не похоже, конечно, но все же...

Словно заметив мои сомнения, Андрей Андреевич что-то быстро написал на бумажном квадратике и протянул листок. Взяв стикер, я увидел на бумаге несколько цифр, выведенных небрежным росчерком.

— Что это? — понять предложенную шараду оказалось выше моих сил.

— Твоя зарплата, — просто ответил мужчина.

Сказать, что я удивился — ничего не сказать! Признаться честно, число превышало мои собственные запросы если и не на порядок, то в несколько раз точно.

— Вы меня покупаете?

— Я — хочу заполучить ценного сотрудника, — абсолютно серьезно проговорил хозяин кабинета.

Какого черта?! А почему я сомневаюсь? Разве меня что-то не устраивает? В конце концов, никогда не поздно уволиться. Главное, внимательно прочитать трудовой договор. Чтобы не осталось никаких обязательств и прочего... Но какие деньжищи!

— Где поставить подпись? — с обреченно усмехнувшись, я сдался.

— Оформишься у Людочки, — Андрей Андреевич тут же засуетился, давая понять, что аудиенция окончена, — Добро пожаловать во внутренний круг!

Я встал, все еще не веря своей удаче. Пошел к двери, ожидая, что все внезапно

обернется в шутку. И действительно — оклик настиг у самого выхода.

— Саша, — мягко, но требовательно произнес Андрей Андреевич, — Еще кое-что...

Обернувшись на носках, я превратился в само внимание. Мой будущий босс слегка задумался, формулируя собственные мысли.

— Теперь ты — один из нас, часть агентства, — размеренно отчеканил седовласый, — Но учти — у круга множество ступеней, а ты пока что на самом его краю. Обычный стажер, не более.

Кивнул. Ну да, стажер. Испытательный срок и все такое. Вроде ничего нового босс пока не открыл.

— Каждый из нас проходил... и будет проходить множество разнообразных проверок: как простых, так и довольно сложных, — вкрадчиво продолжил Андрей Андреевич, — И ты тоже не исключение.

Опять кивнул. Проверки. Ладно, чего бояться-то? Он меня что, теперь отговаривает?

— Ты хоть трудовую-то принес? — рассмеялся босс.

Досадливо крякнув, я суетливо принялся шарить по карманам куртки.

Синий треугольничек на карте мигнул и плавно пришел в движение. Я встрепенулся, одним движением положив планшет на колени. Есть! Объект выехал!

Не знаю, почему внутри вдруг родился такой охотничий азарт — ведь весь план операции был заранее согласован. И время выезда, кстати, тоже. Объект движется даже с небольшим опережением графика — мы рассчитывали на пробки, а их, как на зло, не оказалось.

Поелозив пальцами по экрану планшета, растянул карту в стороны, увеличивая масштаб. Теперь можно не только различить, по какой улице едет искомый автомобиль, но даже, при желании, вычислить и полосу движения. Благо софт позволяет. Такого в открытом доступе не найдешь — нечто внутреннее, конторское, самописное. На основе открытых карт, конечно, но со своеобразной доработкой.

А вот жучок на машине стоит самый что ни на есть китайский. Кто угодно может заказать по интернету такой же, хоть целый чемодан. Только вот агентству приходится их покупать через третьи руки: чтобы обязательно с фсбшной приемкой. Маленькая печать на упаковке не только переводит полулегальное устройство в разряд разрешенных, но еще и повышает его стоимость. Причем сразу — на порядок.

Итак, метка на экране неторопливо движется, а значит, передвигается и автомобиль, к которому прикреплен «жучок». Простенький передатчик с геолокационным модулем — ничего сложного по теперешним временам. Возможно, самая хитрая часть устройства — крепление к корпусу. Это нечто вроде магнитной присоски, цепляющейся за любую металлическую часть.

Пронаблюдая, как цель повернула на перекрестке. Проводил взглядом метку, ползущую через мост. До встречи с подопечным осталось совсем не много. Благо, маршрут соблюдается с беспрекословной точностью.

Самое смешное, что в России следить за человеком можно только с его согласия. То есть частный детектив, чтобы выследить условного злодея, должен сначала взять у него письменное разрешение. Конечно, есть свои способы, как обойти ограничение, но такая деятельность в любом случае напоминает танцы на канате, натянутом над пропастью. Шаг влево, шаг вправо, неосторожное движение — и закон нарушен. И будешь потом в суде доказывать, что ты не верблюд. А там столько всяких нюансов и правовых издержек — голову сломишь! Кстати, именно поэтому в агентстве работают два первоклассных адвоката: молоденькая Оля и матерый, уверенный в себе Алмаз.

Впрочем, на этот раз я абсолютно, кристально чист перед законом и собственной совестью. Потому что в тонкой кожаной папке, под планшетом, хранится то самое согласие, добровольно подписанное объектом слежки. Да, бывает и такое.

Посмотрел на приближающуюся метку и азартно скосил глаза вбок.

— Объект приближается, двухминутная готовность, — проинформировал водителя.

Гена понятно, но не слишком заинтересованно кивнул. Рука метнулась к ключу зажигания, двигатель тихонько фыркнул, загудел.

Можно конечно, наблюдать и в одиночку, естественно при наличии водительского удостоверения и нужных навыков. Но Андрей Андреевич, как всегда, перестраховывается. Наверное, он и прав — мало ли что может случиться. Порой все внимание шофера должно

быть сосредоточено на дороге. Но кто-то должен неотрывно следить за планшетом. Вот и выходит, что наблюдение ведем такими вот двойками.

А водители отнюдь не простые ребята. Тот же Гена — бывший собровец. После спецслужб успел поработать в банке, как раз шофером у инкассаторов. Причин увольнения я не уточнял — как-то совестно. Может, проблемы с алкоголем или что-то вроде. Знаю только, что босс приютил Геннадия, помог ему и материально, да и вообще, по жизни. Так и получил работника, трудящегося не за страх, а за совесть.

— Минута до контакта, — сказал, хоть дополнительное предупреждение и необязательно.

Стоим мы на небольшой улочке, целиком свободной от машин. Небольшое расширение проезжей части, предназначенное для парковки, практически не занято. Движение тут тухлое, не центр все же. Так что и выехать никто не помешает, и промчавшуюся машину заметить не проблема.

Наш киа-рио характерной бело-желтой раскраски смотрится тут вполне гармонично. Таких машин в городе полно — самая популярная модель у таксистов. Чем мы и пользуемся, сливаясь с общим урбанистическим пейзажем. Взглянет случайный прохожий — и толком не поймет: вроде такси стоит, а вроде и нет. Что, в общем, и требуется. Таксистам многое прощают, да и парковаться так удобнее. Вопросов лишних ни у кого не возникает.

Синяя метка практически совпала с нашим местоположением. Высокий, вальяжный, дорогуший мерс, тонированный под самое «не могу», медленно проехал мимо. Почти следом за ним прошмыгнула среднестатистическая шкода, спустя десяток секунд — выдавший виды фургон и еще парочка легковушек.

Взглянув на камеры, убедился, что запись ведется. Разбираться с информацией будем после: сначала сбор данных. Точно такие же камеры фиксировали движение в момент выезда объекта, а теперь мы. Осталось еще несколько контрольных точек. А уж потом начинается работа айтишного отдела: совместить данные с камер, выявить совпадения, найти одинаковые машины, лица. И сделать заключение: охотится кто-то за объектом или нет.

— Гена, поехали, — проговорил вслух, хотя команда водителю, в общем-то и не требуется: он и сам все понимает.

Плавнов сдав задом, киа вырулила на проезжую часть. Я проверил фронтальные камеры: включал-то все, но убедиться лишний раз не помешает. Чтобы потом конфуза не вышло.

— Ближко не прижимайся, — подсказал с некоторым стеснением.

Никак не привыкну к этому новомодному стандарту, принятому в агентстве: общение на «ты» между всеми сотрудниками. А мне вот как-то воспитание не позволяет. Я вообще не могу тыкать малознакомым людям. Тем более, тот же Гена — больше чем вдвое меня старше, не говоря о реальном боевом опыте. Мне бы его Геннадием Олеговичем звать, да уважительно, на «вы». Впрочем, сам-то он вполне нормально «тыканье» воспринимает.

Выехав на трассу, машины проследовали пару километров по прямой. Это полезно: можно с большой точностью заснять все попутки. Мы преследовали на некотором отдалении, фиксируя на камеры все полосы впереди и сзади.

В мерсе, кстати, камеры тоже установлены. Так что преследователи — если они, конечно, имеются — точно попадут в кадр. Там правда объективы только назад направлены, но оно и логично: невозможно ведь охотникам нестись вперед жертвы.

— Через километр расходимся, — я продублировал подсказки навигатора.

Гена кивнул, не выказывая никакого недовольства. Он, конечно, и сам знает маршрут не хуже моего. Да и по навигатору ориентируется свободно. Но понимает, что я нервничаю, переживаю. Потому и повторяю очевидные вещи по десять раз.

Мерседес умчался вперед, а мы свернули на съезд. Преодолев пару незамысловатых развязок, выбрались на тихий широкий проспект.

— Теперь к точке «Б», — произнес очевидное, не в силах противостоять бурлящей внутри энергии, — Подождем объект на месте.

Следующая точка маршрута — конечная. Объект едет к ней по широкой окружности, мы же срезали по короткой дороге. Встали в удобном месте, дожидаясь прибытия мерса. Если его кто-то провожает, то должен довести до пункта назначения. И, желательно, засветиться на наших камерах.

Объект слежки — Теплова Светлана Аркадьевна, жена Виктора Ивановича Теплова бесславно погибшего в темном московском переулке. В ходе того-самого инцидента, в результате которого я попал на радары правоохранительных органов. А по факту — оказался на работе в агентстве. И теперь, благодаря заковыристым превратностям судьбы, наблюдаю за супругой убиенного.

Вернее, теперь уже не супругой — вдовой. И, как бы пафосно это не прозвучало — скорбящей вдовой. По крайней мере, женщина производила впечатление убитой горем: следы слез, отсутствие сна, постоянное погружение внутрь себя. Разговаривать с ней оказалось довольно проблематично — каждое слово пришлось выдирать чуть ли не клещами. Да и тяжело это — говорить с тем, кто потерял близкого.

Смерть мужа Светлана Аркадьевна переживала тяжело, и сама, по собственной воле, пожалуй, никогда не ввязалась бы в такие вот шпионские игры. Но Андрей Андреевич настоял. Он, оказывается, умеет быть очень убедительным, когда того требуют обстоятельства. И вдову растормошил, и подчиненных — меня в частности — зажег необходимостью отнестись к делу с максимальной серьезностью.

Как оказалось, покойный Виктор Иванович — один из постоянных, уважаемых клиентов агентства. Несколько раз обращался ранее с весьма деликатными поручениями, суть которых Андрей Андреевич раскрыть отказался, ссылаясь на тайну следствия. Но смысл от этого не меняется: наниматель платит, контора отрабатывает гонорар до последней копейки.

И как раз вечером, часов за семь перед тем, как его убили, Теплов позвонил напрямую Андрею Андреевичу. Был мужчина чем-то сильно взволнован, причем не испуган, не подавлен, скорее — несказанно обрадован. Так, словно только что сорвал джек-пот или откопал давно забытый клад. Деталей по телефону раскрывать не захотел, назначил встречу, обещал подъехать. И, кстати, сразу же перевел щедрый аванс за услуги. Который мы, в том числе, сейчас и отрабатывали.

Так и получается, что Виктор Иванович позвонил, оплатил щедрый чек. Спустя несколько часов запрыгнул в автомобиль. Шеф ждал посетителя в полной уверенности, что тот скоро появится. Однако, в дороге что-то произошло. Почему Теплов остановился в темном переулке? Кого он там встретил? Или убийца приехал вместе с жертвой? Наконец, в чем мотив преступления? Большинство вопросов так и остались без ответа.

Преступнику удалось уйти, причем он сделал это на удивление профессионально. Во-

первых, само место оказалось выбрано таким образом, чтобы не попасть в прицел ни одной камеры наблюдения. Во-вторых, покидая переулок, убийца также нигде не засветился. Казалось бы: большой город, столица, повсюду десятки, если не сотни камер. Однако, в определенных местах их внимания можно избежать. Если знать, как. И пройти четко между зонами перекрытия.

Короче, убийца как в воду канул. Растворился в миллионнике без следа. Как его искать — у меня не было ни малейших идей. Если только он сам не проявится тем или иным образом.

Поэтому мы тут и страхуем вдову. Сказать по правде, затея эта кажется не слишком перспективной. Ну в самом деле — на кой ляд убийце сдалась супруга покойного? Даже если допустить, что преступление совершено не просто так, а с каким-то тайным умыслом. Жена тут в любом случае ни причем. Лично мне кажется, что слежка за Тепловой — довольно бессмысленное занятие. Ну не работают так маньяки.

Но... деньги уплачены. Андрей Андреевич решил, что нужно отработать все возможные ниточки. Ну, так тому и быть.

Гена неспешно провёл автомобиль вдоль серии новых многоэтажек. В последнее время таких строят много, целые районы, обзывая это растяжимым понятием «жилой комплекс». Уж не знаю, что должно по проекту входить в подобный «комплекс», лично я ничего комплексного не наблюдаю. Больше похоже на обычную коробочную штамповку, когда по одному проекту клепают с десятков абсолютно одинаковых домов. А потом, оказавшись в таком районе ночью, с трудом сможешь отличить собственное жилище от соседнего.

Впрочем, у целевого дома имелась подземная парковка — а это, по сегодняшним меркам, уже признак некоторой зажиточности. Квартира с персональным местом под машину — такое не каждый нищеврод себе позволит. Я вот, например, не могу.

Заезжать внутрь мы не стали: слежка, если и есть, на стоянку явно не пойдёт. К тому же, там все вдоль и поперек просматривается внутренними камерами. А посему — встали поодаль, но так, чтобы видеть и въезд, и ближайшие подступы.

Мельком глянув на планшет, я перевёл взор за окно. Судя по показаниям датчика, искомый автомобиль вот-вот должен возникнуть в поле зрения. Прошла пара секунд, прежде чем я заметил неторопливо приближающийся мерс.

Присмотрелся — никто за ним следом не ехал. Вообще. Улица, как по заказу, опустела. Это, конечно, ни о чём ещё не говорит. В любом случае нужно довести операцию до конца, тщательно проанализировать записи. Но уже сейчас, основываясь только на своих ощущениях, могу сказать — никакой слежки за Тепловой нет. Такое вот неофициальное предварительное мнение.

Оказавшись у съезда, мерс немного притормозил, дожидаясь, пока поднимется шлагбаум, преграждающий путь. А потом дорогуший автомобиль нырнул вниз, в недра подземной парковки.

Пожалуй, все. На этом наш этап работ можно считать завершённым. Остается только собрать записи камер воедино да передать на обработку в технический отдел.

Одну за другой выключил камеры, доставая из каждой пластиковый квадратик флешки. Аккуратно сложил все во внутренний карман, взглянул на планшет: сигнал жучка пропал из вида, задавленный громадой бетонного здания. Значит, и приложение можно закрывать.

— Погнали в офис, — разочарованно кивнул Геннадия.

Все-таки, подспудно ожидал каких-то более очевидных результатов. Если уж Андрей Андреевич лично дал команду проверить вдову, значит что-то почуял. А его опыту и интуиции не доверять было бы глупо. Но вот же — факты налицо: никакого преследования обнаружить не удалось.

Есть, конечно, шанс, что айтишники что-нибудь накопают с видео. Но я в этом сильно сомневаюсь.

Водитель тронул машину, плавно разгоняя до предельно разрешенной скорости. Мы успели проскочить на мигающий зеленый сразу два последовательных перекрестка, а потом вырвались на МКАД, легко влившись в плотный поток машин.

Если по уму, то мне нужно было бы спуститься на стоянку и забрать записи из камер в мерсе. Чтобы все видео оказались в одном месте. Но тут я сделал себе поблажку: все равно вечером пошлют техника снимать жучок и камеры. Даже такую простую работу мне пока не доверяют — не натаскали еще. С другой стороны, раз для этого есть специально обученный человек, так пусть делает свое дело. Заодно вот и записи заберет к себе в подразделение.

В общем, решил, что мне лень. Ничего страшного до вечера не случится, никуда эти записи не денутся.

Промчались по МКАДу, обогнув едва ли не четверть города, потом легко и незаметно свернули в отворотку. Еще десять минут аккуратной езды, и киа решительно остановилась у входа в офисное здание.

Попрощался с Геней, пожал протянутую руку. Водитель умчался обслуживать автомобиль — это тоже входит в его обязанности. Я же направился к помпезно оформленному входу. Преодолею условную вахту; лифт послушно вознес на девятый этаж. Немного поплутав по коридорам среди представительств разнообразных контор, преодолев бесконечные офисные лабиринты, я вновь оказался у массивной створки с аббревиатурой «ААА».

Открыв дверь, уверенно шагнул внутрь. Поприветствовал секретаршу, сполна оценив ее обворожительную улыбку. Юленька или Юлия Семеновна, как ее зачастую величает босс, стрельнула глазками, кокетливо поправила белокурые локоны. Сексуальный хрипловатый голос напомнил, что нужно иногда появляться в офисе, не забывать оформлять и подписывать бумаги.

Впрочем, я вовсе не обольщался на ее счет. Не думаю, что Юлия испытывает ко мне какие-то чувства. Просто такой у девушки стиль общения: подчеркнуто флиртующий и хм... дружелюбный.

Получив свою порцию улыбок и приветствий, прошел в офис. Здесь, как и обычно, оказалось пусто. Ни Дианы, ни Василия, только за столом возле самого входа застал сгорбленную над клавиатурой спину еще одного «аналитика».

Николай Иванович — пожилой сотрудник пенсионного возраста, что, однако, не мешает ему оставаться весьма востребованным. В некоторых делах сила и молодость не решает, зачастую богатый жизненный опыт гораздо важнее. Но вот общение с компьютером у «старичка» не слишком-то ладится.

Поприветствовав коллегу, сразу свернул вбок, в соседнее помещение. Бережно открыл непрозрачную дверь, с гордо красующейся надписью «IT».

Эта комната была поменьше предыдущей, и здесь оказалось не в пример многолюднее. Почти все столы заняты, из-за мониторов торчат головы в наушниках. На экранах — что

угодно: какие-то коды, программы, записи...

На меня внимания почти не обратили. Так, пара взглядов, невыразительные кивки. У них это в порядке вещей — айтишники живут в своем, особом виртуальном мире. Считают происходящее на экране гораздо более захватывающим, чем окружающая действительность. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Прошел между рядов к столу начальника отдела. Ко мне повернулось смуглое лицо с густой копной черных волос.

Да, айти отделом тут заведовал индус. Все так его и называли — Индус. Ну или по имени — Джаеш. Выговорить фамилию никто даже не пытался. Был этот Джаеш невероятным трудолюбивым и весьма компетентным в своей области. Ну и чувство юмора у него отменное. Иначе бы точно не смог стерпеть шуточки окружающих про «индусский» код.

Передал индусу стопку флешек, не забыв напомнить про оставшиеся в мерсе камеры.

— Я сам заберу, ближе к вечеру, — подтвердил Джаеш, возвращаясь к созерцанию экрана, забитого непонятными строками.

Ну, сам — так сам. Ты начальник, ты и выбирай, кому по мелким поручениям мотаться. Хотя, кто знает — может ему просто надоело тут сидеть и хочется немного развеяться?

Покинув вотчину компьютерщиков, протопал на собственное рабочее место. С удовольствием плюхнулся в кресло, вытянул ноги далеко под стол. Ткнул кнопку — тихо зашуршал системник, по экрану поползли строчки загружающейся винды.

Пока комп запускался, ухватил увесистую кипу документов, небрежно брошенную на столе. Договора, отчеты, соглашения — бюрократии накопилось предостаточно всего лишь за несколько дней работы. А я, если честно, терпеть не могу беспорядка на рабочем месте.

Только теперь, начав просматривать содержимое кипы, я понял, что за «бумаги» имела ввиду Юля. Большинство, конечно, просто пустяки — ознакомиться, подписать, да и убрать в стол. Но какая-то часть все же требует пристального внимания. Например, четырехстраничная анкета.

Блин, ну неужели в наше время, в двадцать первом веке, нельзя делать такие вещи в электронном виде? Обязательно нужно марать бумагу? Мне же теперь придется где-то ручку искать... Опять же, леса вырубаются и все такое, экология.

Вольготно растекшись ко креслу, я занялся разбором макулатуры. Внимательно читал, по возможности аккуратно заполнял, рассортировывал по ящикам стола. Как уже говорил — не терплю беспорядка. А по сему, у каждой вещи должно быть свое собственное место, где ее легко найти.

За механической бумажной работой время пролетело незаметно. Должно быть, прошло больше часа — стали побаливать глаза, да и в голове как-то поубавилось свежести. А потому я даже обрадовался раздавшейся трели телефона. Наконец-то появился вполне законный повод отвлечься.

Прежде чем принять вызов, взглянул на экран — Андрей Андреевич. Непроизвольно выпрямился и сел чуть ли не по стойке «смирно». Как будто босс мог за мной наблюдать.

— Александр? — голос на том конце трубки не предвещал ничего хорошего.

Как, впрочем, и обращение по полному имени. Сразу же возникло предчувствие приближающегося нагоняя.

— Да, Андрей Андреевич, — отозвался как можно увереннее.

— Саша, ты забирал флешки из машины Тепловой?

— Да. То есть — нет! — сразу же поправился я, понимая, что врать нет никакого резона, — Джаеш вечером съездит за камерами, заодно и флешки притащит.

— При чем тут Джаеш?! — в голосе босса слышна плохо сдерживаемая ярость, — Это твои обязанности!

— Ну... я подумал... все ведь так делают...

— При чем тут все! — взревела трубка, — Я спрашиваю с тебя, а не со всех! Не нужно равняться на других, если хочешь хоть чего-то достичь в жизни!

Сглотнув, я медленно досчитал до трех. По всему выходило, что произошло нечто из ряда вон, иначе шеф не стал бы так горячиться из-за каких-то там записей.

— Что случилось, Андрей Андреевич? — спросил максимально серьезно, снедаемый невероятно дурным предчувствием.

— Что?! — босс гневно засопел в трубку, — А то, что Светлана Аркадьевна Теплова убита! Найдена мертвой у себя дома, в двух шагах от постели.

Бум! Словно невидимка отвесил мощный подзатыльник. Мир разом поплыл, теряя очертания реальности. Только голос шефа заставил меня кое-как собраться.

— И если бы ты, лоботряс, сделал все, как положено по инструкции, — безжалостно констатировал Андрей Андреевич, — То, возможно, беды бы не случилось!

Смутно могу вспомнить, как примчался через полгорода на место преступления. Ехал на такси, причем всю дорогу не оставляло ощущение, что мы плетемся черепашным шагом. Оказавшись у нужного дома, мгновенно влетел в подъезд.

Помня слова босса о квартире, спускаться на стоянку даже не стал — сразу сунулся к лифту. Поднялся на этаж, выбрался на лестничную клетку, и тут натолкнулся на настежь распахнутую дверь, возле которой мялись двое патрульных.

Внутри успел заметить врачей, оперативников, а возле входа в гостиную — задумчивый силуэт Андрея Андреевича. Заметив меня, босс повернул голову и сделал недвусмысленный приглашающий жест. Так что задерживать у двери меня не стали.

Прошел внутрь, все еще не веря происходящему. Сознание отказывалось осознавать убийство — второе к ряду! Но разум настойчиво давал понять — иначе бы столько важного народа не собралось.

Андрей Андреевич заботливо ухватил меня за шкурку и как-то бережно продвинул вперед, прислонив к косяку.

— Смотри! — сурово приказал он.

Я заглянул в комнату, едва сдержав вскрик. Слишком все оказалось банально и нелепо. Как в каком-нибудь фильме ужасов.

Посередине спальни стояла широкая кровать. Постельное белье, разворошенное непродолжительной борьбой, частично свалилось на пол. Рядом, в двух шагах, широко раскинув руки лежала Теплова. Вернее, ее тело. Душа, должно быть, уже почивала на небесах.

Ноги женщины оказались спеленаты импровизированной веревкой. На лице, шее, груди — многочисленные раны и кровоподтеки. Крови натекло столько, что хватило бы на пару ведер. Одежда почти вся порвана; волосы растрепаны до состояния мочалки. Во рту — кляп из полотенца. Безжизненный взгляд уставился в белоснежный потолок.

Мир в очередной раз пошатнулся, меня замутило. Издав булькающий звук, я отвернулся, с трудом сдерживая рвотные позывы. Повезло, что давно не ел, иначе точно стошнило бы.

Не дожидаясь окончания пантомимы, шеф одним мощным движением выпроводил меня прочь. Прямо вот так — взял за шкурку, как нашкодившего котенка, и вынес из комнаты. Очнулся я только на кухне, возле приоткрытого окна, откуда струился на удивление свежий воздух.

Уютная кстати кухня — большая, читая, светлая. Свежая и ухоженная. Прямо как ее хозяйка. Бывшая.

— Видел? — тихо спросил босс, — Вот что бывает, когда допускаешь оплошность. Вот, Саша, для чего пишут инструкции.

Осторожно пройдя к мойке, я вытащил чашку и напился из-под крана. В голове несколько просветлело, даже стал с горем пополам соображать. Андрей Андреевич явно остыл, от недавней ярости не осталось и следа.

— Не бери в голову, парень, — мягко произнес он, — Это я, дуралей, виноват. Недооценил опасность, хотя, вроде бы, все признаки были налицо. А ты... Даже если пошел бы за камерами, убийство все равно не отменил. Разве что чуть отсрочил. Не наблюдение нужно было Светлане Аркадьевне, а круглосуточная охрана.

Головой-то я понимал, что босс прав. Но в душе почему-то зачернела мрачная туча отчаяния. Такое бывает, когда осознаешь свою полнейшую несостоятельность в чем-либо. Да еще стоившую кому-то больших проблем.

Побулькивая пузырьками, закипел чайник. Андрей Андреевич щедро сыпанул растворимого кофе по двум чашкам, залил кипятком. По кухне поплыл запах свежесваренного напитка. Шеф взял одну порцию сам, вторую сунул мне, заставив слегка обжечь пальцы.

— Взбодрись, Александр, — приказным тоном выдал он, — День еще не окончен!

Хлебнул из чашки и едва не закашлялся — таким горьким оказалось содержимое. Не понимаю, как можно пить кофе без сахара? Говорят, сахар крадет вкус, да только какой же тут вкус — горечь одна. А посему я бухнул сверху пару ложек из сахарницы, добиваясь некоторой приторности. Опять же, сахар, глюкоза — источник быстрой энергии. И для тела, и для соображалки.

На кухню то и дело заглядывали новые действующие лица. Опера, полицейские, криминалистические эксперты всех мастей. Осмотр места преступления шел своим ходом. По счастью, на нас никто не обращал внимания, считая, по-видимому, что раз двое непонятных людей тут находятся, значит — имеют право.

— Не раскисай, Саша, ну же! — подбодрил Андрей Андреевич, одним богатырским глотком осушив свою чашку, — Нужно работать! Давай-ка полный анализ ситуации. Что ты видел? Что думаешь? Какие выводы можно сделать?

Покорно кивнув, я поставил кофе на стол и с усилием потер лицо ладонями, разгоняя кровь.

— Мы с Геной проводили... объект... до стоянки. Проконтролировали прибытие на место. Дальше... я отключил маячок, и дал команду возвращаться в офис. Мерседес Тепловой не обследовал, камеры должен был забрать Джаеш вечером.

Не щадя собственное самолюбие, выдал весь исходный расклад. Так сказать, условия задачи. Андрей Андреевич кивнул, поощряя продолжать.

— Вернувшись в офис, я сел за бумаги, — как можно точнее восстанавливал ход событий, — Когда вы позвонили, прошло... — посмотрел на часы, — ... около двух часов. Час сорок — час пятьдесят, я бы сказал. Значит, смерть... объекта... произошла в этот промежуток.

— Хорошо, — сдержанно похвалил босс, — Дальше.

— Судя по характеру повреждений и их количеству... Тут явно не самоубийство. Кто обнаружил тело?

— Горничная. Приходит каждый день, чтобы приготовить ужин.

— Полагаю, она сама вне подозрений?

— Именно так. Вряд ли шестидесятилетняя барышня могла сотворить подобную бойню.

— Ее допрашивали? Женщина что-нибудь видела?

— Ничего необычного. И никого, если быть точным. Она пришла в шесть вечера, значит временной зазор был еще меньше. Час с небольшим, не более.

— Камеры! — воскликнул я, едва ли не подпрыгивая на месте, — В подъезде и лифте должны быть камеры наблюдения!

— Камеры-то есть, — совершенно спокойно подтвердил шеф, не выказывая желания никуда бежать, — Вот только они еще не подключены. Это же чертова новостройка.

Чертыхнувшись, я в сердцах хлопнул кулаком по столу. Вот почему так — когда нужно, ничего не сходится! А ведь было бы так просто: посмотреть, кто и когда приходил, уходил.

— Полиция ведет опрос соседей, — словно читая мои мысли выдал Андрей Андреевич, — Но я не рассчитываю на что-то важное. Есть еще какие-то мысли?

Я задумался, по частям восстанавливая в голове картину смерти.

— Почему столько крови? — принялся рассуждать вслух.

— Хороший вопрос, — довольно кивнул босс, — Думаю, жертву не просто убили. Ее пытали.

— Получается, все же маньяк?

— Не обязательно. Мы не знаем цели убийцы, но это не значит, что ее нет.

— Подожди-ка! — воскликнул я, обращаясь скорее всего к себе самому, — Как маньяк попал в квартиру? Как вошел в здание? Возможно, он встретил жертву на подземной стоянке! А там камеры точно работают!

Босс благосклонно кивнул, поднимаясь со стула.

— А вот это — правильный вопрос, — согласился Андрей Андреевич, — Рад, что ты сам додумался!

Мы вышли из квартиры, не привлекая лишнего внимания. Андрей Андреевич на ходу с кем-то раскланивался, здоровался; на меня же просто никто не смотрел. Долго ждали лифта, так что даже возникло желание прогуляться по лестнице. В итоге створки раскрылись, когда запас терпения уже подходил к концу.

Спустились вниз, в полуподвальный этаж, где и располагалась парковка. И оказались в большом продуваемом помещении, тускло освещенном редкими фонарями.

В принципе, это была вполне себе обычная стандартная подземная стоянка, каких в Москве великое множество. Два съезда-выезда с противоположных сторон, прегражденные полосатыми шлагбаумами. Шахты лифта, рассредоточенные по периметру там, где находятся жилые подъезды. Бетонный пол, бетонные же сваи. Стены, выкрашенные в серо-белую расцветку с яркими указателями направления езды. Ну и разметка на полу — под парковочные места, с небольшими номерами напротив каждого.

Очень тихо и безлюдно. Гулкое эхо шагов затухало где-то вдалеке. И на удивление мало машин! Не больше десятка на целый дом, это точно. То ли не все вернулись с работы, то ли часть жильцов еще вообще не переехала — новостройка же. А может, и не каждый прикупил парковочное место в придачу к квартире. Все-таки удовольствие не из дешевых.

По большому счету, автомобили сосредоточились у восточного въезда. Видимо, эту часть дома сдали в эксплуатацию раньше других, потому и список жильцов тут оказался обширнее. Остальная часть стоянки пустовала за редкими исключениями.

Вот и мерседес Тепловой я заметил сразу: он стоял отдельно, на отшибе. Можно даже сказать — в закутке. Метров тридцать по прямой от лифта, а других автомобилей с этой точки и вовсе не видать.

Подойдя к машине, мы огляделись. Андрей Андреевич сокрушенно покачал головой, а я удивленно присвистнул — настолько уединенным казался этот угол.

— Если бы жертву хотели просто убить, это можно было бы сделать здесь. Без проблем, — многозначительно протянул босс, — Никаких причин проникать в квартиру нет.

— Значит, убийца что-то хотел выведать? Но что? — недоуменно пожал плечами, — Может, это больной, которому нравится мучить людей?

— Может и так, — Андрей Андреевич не выглядел убежденным, — Важнее другое: где он ждал жертву?

— Вариантов полно, — я хмуро поморщился, — Логичней всего — в подъезде, у дверей квартиры.

— Больше шансов столкнуться с соседями.

— Возле лифта? Нет... то же возражение. А что, если... Да хоть бы и вот здесь!

Шагнув чуть назад, я подался корпусом за угол, вжимаясь в стену. Между плитой и бетонной колонной имелась небольшая впадина, где, при желании, получится отлично схорониться. Место темное и тихое: можно беспрепятственно наблюдать за парковкой, оставаясь практически незаметным.

— А вот это похоже на правду! — невесело усмехнулся босс.

— Убийца мог ждать Теплому здесь, — я продолжал думать вслух, — А потом оглушить и приволочь в квартиру. Или... просто пойти за ней следом! Проконтролировал прибытие жертвы, убедился, что она одна. Проследовал за ней до дверей. А дальше... понятно.

— Остается один вопрос, — нахмурился Андрей Андреевич, — Неужели убийца не учел вот это?

Шеф ткнул рукой в потолок, указывая на глаз видеокамеры. Оглядев ближайшиe углы, я заметил еще как минимум четыре штуки. Да уж, наблюдения тут понатыкали, не скупясь! Видимо, бегутся от воров. Опять же, во избежание спорных вопросов при ДТП. Но теперь нам это только на руку. Чем больше видеоданных, тем больше шансов обнаружить на них убийцу.

— У тебя ключи от машины есть? — бросил босс, отходя чуть в сторону.

На секунду я покрылся холодной испариной: в той спешке, что летел из офиса, легко мог бы оставить запасной комплект в ящичке стола. Похлопал по карманам куртки и с облегченным выдохом извлек наружу компактный брелок.

— Хорошо, — поворачиваясь спиной, буркнул шеф, — Тогда займись камерами в мерсе. Незачем ждать Джаеша: сними и отвези в офис, на проверку. А я наведаюсь к охране, попробую добыть записи с парковки. И вот еще что! — резко обернувшись, Андрей Андреевич бросил серьезный взгляд, — Думаю, не стоит рассказывать копам про нашу слежку. Если на видео что-то есть — поделимся информацией; а нет — так и ни к чему вмешиваться.

— А они...

— Конечно! Придут к тем же выводам, что и мы. Только не так быстро, — босс усмехнулся и закончил уже на ходу, — Но ты все равно не тормози. Работай, Саша!

Андрей Андреевич удалился быстрым шагом, а я, напротив, решил никуда не торопиться. Подойти к делу тщательно и основательно. Вдруг именно тут, в машине, обнаружится какая-то зацепка? Вряд ли, конечно, но хоть минимальный шанс, да есть.

Пару раз обошел вокруг мерса, проделав внешний осмотр. Вроде ничего необычного. Машина как машина — чистая, без видимых повреждений, ухоженная. Видно, что хозяева заботились. Интересно, кому авто перейдет теперь, после смерти обоих супругов? Детей-то у них, насколько я помню, нет.

Поднял перед собой брелок, нажал кнопку. Мерс мигнул фарами, приветливо пискнула сигналка, двери разблокировались с характерным щелчком. Вроде бы у Тепловой установлена новомодная система «свободные руки», когда автомобиль открывается сам,

стоит хозяину приблизится. Но это в основном брелоке, у меня все же аварийно-запасной вариант.

Медленно открыл водительскую дверь, заглянул в салон — все в норме. Чисто, убрано, аккуратно. Уселся, чувствуя, как тело растекается по сиденью. Мда... это тебе не киа-рио.

Покрутился, повертелся, как следует осмотрел все сиденья. Никаких следов борьбы, да и вообще — чужеродного присутствия. Только две наши камеры установлены у заднего стекла.

Все-таки очень интересно, что за маньяк нашелся на нашу голову? Да еще серийный. В совпадения я не верю: ну не могут муж и жена погибнуть «случайно» с разницей всего в несколько дней. Кто-то убил их вполне целенаправленно, расчётливо. Возможно даже — умело.

Только вот — зачем? Зная мотив, можно вычислить и преступника. Нужно просто как следует посмотреть — кому выгодны смерти Тепловых?

Может дело в деньгах? У Виктора Ивановича был свой маленький бизнес — небольшая контора, занимавшаяся перепродажей 3D-принтеров. Ума не приложу, кому они вообще нужны, разве что на каких-то специфических производствах... Одним словом, бизнес не то чтобы сильно прибыльный. Семейная пара не хвасталась богатством, хоть и жили безбедно. Но... как мне кажется, не те это доходы, ради которых можно убивать.

Тогда что? Личные мотивы? Теплов перешел кому-то дорогу? Тогда убрали бы его лично — зачем трогать жену? Тем более таким мерзким способом, с пытками...

Чем больше я размышлял, тем больше склонялся к мысли, что убийство четы Тепловых — дело рук какого-то больного психа. Иначе никак невозможно объяснить его действия. Нет мотива, вот в чем проблема. А почему именно их? И почему именно так? Да кто их знает, этих сумасшедших. Взбрело что-то в голову, переключило, вот и пошел валить направо и налево.

Я перебрался на заднее сиденье и принялся аккуратно снимать камеры. Не сказать, что это какой-то сложный процесс, требующий невероятных умений. Даже непонятно, чего айтишники так трясутся над своей техникой. Они ведь держатся на вакуумных присосках. Это установить может быть непросто, а снять — крутанул ручку, запуская воздух, и камера сама падает в руки.

Хлоп! Словно подслушав мои мысли, устройство скользнуло вниз, скатившись под сиденье. Ругнувшись сквозь зубы, полез доставать. Ох уж эта моя неаккуратность!

Пока ковырялся, заодно разглядел, что завалилось под переднее сиденье. Подсветил фонарем и даже присвистнул — такой там оказался склад потерянных вещей. Впрочем, опять же, ничего необычного. В любой часто используемой машине можно обнаружить плюс-минус то же самое. Упаковка презервативов, пара засохших шоколадных конфет, шариковая ручка, перочинный нож...

Выбрался наверх, вторую камеру отсоединил, осторожно придерживая за крепление. Достал из аппаратуры карты памяти, сами устройства отправились в боковой карман куртки.

Закончив с демонтажем, вылез из автомобиля. Вновь пискнула сигнализация, я проверил двери — закрыто. Отошел чуть в сторону, растеряно озираясь. Подумал — и решил дожидаться Андрея Андреевича здесь, на месте.

А не посмотреть ли мне записи? Чертовски соблазнительная мысль. Да и, собственно, почему бы и нет? Делать пока все равно нечего: или ждать просто так, без дела, или попробовать использовать время с умом.

Конечно, техники потом все равно трижды перепроверят. Но это потом. И... техники техниками, а взгляд со стороны тоже полезным бывает. Вдруг что-то обнаружу прямо сейчас, по горячим следам?

Вытянул барсетку из-за спины, скрипнула расстегнутая молния, верный планшет послушно скользнул в руки. Бережно выудил карту памяти. Наклонившись, воткнул в картридер. Хорошо, все-таки, что везде у нас используется один и тот же типоразмер...

Загорелся экран, повинаясь движениям пальцев открылась нужная директория. Внутри — множество мелких файлов, на которые камера автоматически разбивает целикомую запись. Так легче хранить, искать, да и надежность повышается.

Ткнул первый попавшийся файл, наугад. Там, конечно, оказалась поездка. Просмотрел несколько секунд и закрыл. Путешествие по городу — это долго, неинтересно, да и, скорее всего, не слишком информативно. Лучше сразу перейти к тому, что действительно важно.

Промотал ползунок в конец папки, где лежали самые последние записанные файлы. Вот тут и посмотрим — может, удалось застать убийцу на парковке?

Уставился в планшет, открыв последний десятиминутный файл. Сразу перемотал видео ближе к концу, к движению по стоянке. Камеры были направлены назад, и наблюдать за поездкой с такого ракурса оказалось очень непривычно и неудобно.

Так-с... Вот и парковка. Несмотря на широкие пространства и отсутствие препятствий, Теплова совершает на удивление много маневров. Или так только кажется? Первый раз женщина поставила машину кривовато, потом сделала попытку исправиться. Только с третьего раза ей удалось точно сориентировать автомобиль. Картинка едва заметно вздрогнула — захлопнулась водительская дверца. И почти сразу — конец. Пришла команда на выключение, и камера остановила запись.

И ничего. Никаких зацепок, никаких подсказок. Ни единой детали, что могла бы помочь.

Я разочарованно уставился на планшет, обдумывая, что еще можно предпринять. Может, начать просмотр чуть раньше?

Промотал видео до момента, когда мерс подъезжал к дому. Полупустая улица, ответвление, съезд на парковку. Яркий удаляющийся квадрат света: арка со шлагбаумом. Поворот.

Стоп! Что-то промелькнуло!

Отмотал назад и вновь пересмотрел заинтересовавшие кадры. Раз и еще раз. Потом поставил на паузу и принялся рассматривать каждый отдельный кадр картинки.

Бинго! Вот оно! Не зря промучился! Хотя... как посмотреть.

В момент, когда автомобиль отъезжал от съезда, поворачивая в нужную сторону, на фоне светлого пятна мелькнул размытый человеческий силуэт. Пересмотрев видео, я нашел наиболее удачный кадр: высокая статная фигура, шагающая следом за авто.

На этом, впрочем, успехи и закончились. Изображение оказалось настолько размытым и нечетким, что по нему невозможно определить ни лица, ни примет человека. Только общий типаж, рост, телосложение...

Возможно, после соответствующей обработки и корректировки, на большом мониторе удастся рассмотреть подробности. Хотя, вряд ли... Все-таки расстояние слишком большое, да еще и кадр частично засвечен. Не тот ракурс, не тот фон, не та четкость.

Да и кто сказал, что это именно убийца? Может, просто прохожий? Ладно, авось техники разберутся.

Держа планшет на вытянутой руке, я прошелся по парковке, стремясь найти ту точку, откуда был снят искомый кадр. Парковка подземная, так что освещение не должно сильно поменяться. Разве что, пока не наступила ночь.

Поиски не слишком затянулись. Побродив вдоль съезда, я легко определил подходящее место. Ну... с точностью до пары шагов.

Посмотрел вверх, потом на планшет: практически идентично. Поелозил по экрану пальцами, желая увеличить масштаб.

Внезапный шорох заставил резко поднять взгляд. Я уставился вверх и обомлел: на фоне яркого прямоугольника света проявилась точно такая же фигура, как на стоп-кадре в планшете! Рост, тень, ширина, габариты... все сходится! Неужели?...

Я настолько опешил, что, если бы это действительно был убийца, он без труда смог бы убежать. Ну или расширить список жертв еще одним недотепой.

— Плохие новости, — устало буркнул Андрей Андреевич, приближаясь уверенным шагом, — Камеры наблюдения не работали. Похоже, кто-то вручную вырубил локальный сервер. Если это убийца — то он явно профессионал. В отличие от тех, кто здесь работает в охране. Не великого ума люди — ничего не придумали, кроме как названивать в техподдержку. Так что записей нам не видать.

Он остановился, смерив меня обеспокоенным взглядом.

— Ты чего застыл, Саша? Случилось чего?

Я помотал головой, с трудом сбрасывая наваждение.

— Думаю, тут мы сделали все, что могли, — заключил Андрей Андреевич, массируя виски подушечками пальцев, — Предлагаю доехать до офиса и подбросить работы айтишникам.

Я послушно кивнул, все еще находясь в некотором смятении. Очень уж сильно меня впечатлило появление босса. Хотя, если вдуматься, сюда любого поставь — и увидишь плюс-минус ту же картину. На фоне светового пятна любой силуэт кажется большим и непонятным.

— Пошли, — буркнул шеф, — Вон моя малышка.

«Малышкой» оказалась длинная ауди, не поражающая свежестью снаружи, зато выглядящая невероятно комфортной внутри. Мы дошли до машины, я даже взялся за ручку дверцы, но сесть так и не успел.

— Господа! — громкий оклик эхом разнесся меж бетонных стен, — Господа, прошу задержаться!

Повернув голову, я увидел низкого человека с лысой головой и невероятно напряженным лицом. Он шел навстречу быстрым шагом, держа руки в карманах длинного плаща. Создавалось ощущение, что под тканью спряталось оружие, которое незнакомец готов достать и без колебаний применить, если только мы попытаемся сбежать.

Я аккуратно прикрыл дверцу автомобиля, стараясь все время оставаться за укрытием. Андрей Андреевич, напротив, хлопнул дверью в сердцах, и вполголоса чертыхнулся.

— Ну вот надо же, какая неприятность, — еле слышно выдавил босс, — Чуть-чуть не успели...

Невысокий человек подошел и резко выдернул из кармана левую руку. Я вздрогнул, но там оказалось всего лишь удостоверение.

— Старший следователь по особо важным делам, Курдюмов Степан Васильевич, — представился мужчина, — Не соблаговолите ответить на парочку вопросов?

Андрей Андреевич раздраженно выдохнул. Он возвышался над следователем на добрую голову, однако это, казалось, нисколько не смущало последнего. Во всяком случае, гонору и уверенности в себе Курдюмову было не занимать.

— Разве это обязательно? — с кислым выражением лица процедил шеф.

— А я не вас спрашиваю, — веско заметил следователь, — С вами, как раз, говорить особо не о чем. Молодой человек, можно на минутку?

Мужчина уставился на меня в упор, начисто игнорируя присутствие Андрея Андреевича. А ведь они точно знакомы! Напряжение между следователем и детективом ой как не случайно! Да и словесная пикировка, видимо, продолжается не первый день.

Я взглянул на шефа, ища поддержки. Но он не сказал ни слова, лишь чуть заметно опустил голову, давая свое высокое соизволение. Мне ничего не осталось, кроме как безропотно подойти к служителю закона.

— Пройдемся, — Курдюмов приглашающе указал на широкий зев подъема, — Хочется побеседовать без лишних ушей.

Андрей Андреевич возмущенно фыркнул, но вновь промолчал. Я поплелся по пандусу в сопровождении напряженного следователя.

Мы неторопливо вышли на улицу, я зажмурился, прикрывая глаза от лучей весеннего солнца, опускающегося к закату. В лицо пахнуло прохладой и свежестью, в голове приятно прояснилось. Вдохнул полной грудью, наслаждаясь бодрящим ветерком.

— Не курите? — дружелюбно поинтересовался следователь по особо важным делам, — А я, с вашего разрешения...

Он покопался в кармане, выуживая на свет помятую пачку; чиркнула блестящая стальная зажигалка. Глубоко затянувшись, Курдюмов выпустил вверх длинную струю дыма.

Ну неужели охота травиться этой гадостью? Тем более, когда вокруг такая свежесть? Эх, никогда не понимал этой привычки...

Неодобрительно посмотрев на следователя, я обошел его по кругу, чтобы стоять по ветру и не вдыхать сигаретный дым.

— Скажите, Александр Сергеевич, — задумчиво проговорил Курдюмов, демонстрируя осведомленность о моей персоне, — Вы ведь недавно устроились на работу в... «Аналитическое Агентство»?

Последние два слова у него получилось выплюнуть с заметным раздражением.

Мне пришлось подтвердить сказанное, хотя, по ощущениям, собеседник и так прекрасно знал, о чем говорил.

— Значит, вы еще не успели стать частью этого... сборища, — затянувшись, следователь небрежно кивнул в сторону парковки, — И я могу рассчитывать на вашу откровенность?

Недоуменно кивнул, не вполне понимая, куда клонит Степан Васильевич. Появилось ощущение какой-то недосказанности, будто все вокруг скрывают от меня нечто важное.

— Для начала, я хотел бы поговорить об обстоятельствах, сопутствующих вашему трудоустройству в «Агентстве».

— А то вы не знаете...

— Одно дело — знать, — следователь позволил себе тень улыбки, — Другое — услышать из первых уст. Рассказывайте, Краеугольников, рассказывайте.

Делать нечего, я тяжело вздохнул и взялся за повествование. Начал издалека, со случайной встречи с одноклассницей Еленой. Мельком описал вечер, возвращение домой, пешую прогулку, злосчастный переулочек...

Курдюмов слушал внимательно, время от времени кивал и задавал уточняющие вопросы. От него за версту веяло профессионалом. По крайней мере, спрашивал следователь весьма характерные вещи, поинтересоваться о которых обычному человеку не сразу придет в голову.

«Сколько было времени, когда вы вошли в переулочек?»

«Почему не закричали, не позвали на помощь?»

«О чем, по-вашему, говорили убийца и его жертва?»

«Как убийца попал на место преступления?»

«Видели ли вы его раньше или после тех событий?»

И все в таком духе. Некоторые вопросы ставили в тупик, порой раздражали. На другие я отвечал сразу, не слишком задумываясь об их глубинном смысле. Только договорив до конца, понял, насколько меня вымотал этот ненавязчивый допрос — на лбу выступила легкая испарина, даже голова начала побаливать.

— Та-а-а-к-с, — протянул Курдюмов с таким видом, будто только что раскрыл ужасное преступление, — А теперь давайте поговорим о сегодняшних событиях. Что связывало вас и покойную Теплоу? Когда и при каких обстоятельствах вы видели ее в последний раз? Как

оказались на месте преступления? И почему пытались скрыться?

Как бы не хотелось увильнуть, но пришлось приступить к новому рассказу. Не знаю, как ему это удалось, но следователь каким-то образом выбил меня из колеи. Я почувствовал какую-то неуверенность, шаткость, обреченность. Как будто сам совершил серьезный проступок. А потому и речь стал строить, словно оправдываясь.

На этот раз Курдюмов слушал молча, не перебивая. Закончив рассказ, я облегченно перевел дух — от долгой речи пересохло горло. Степан Васильевич успел выкурить еще пару сигарет, причем бычки демонстративно затапывал и отправлял в ближайшую урну.

— Вижу, вы рассказали далеко не все, что знаете, — прокомментировал он услышанные показания, — Александр Сергеевич, а вы понимаете, что сокрытие данных от следствия — тоже преступление?

— Ничего я не скрываю, — устало покачал головой, — Может, что-то случайно упустил... Вы спрашивайте, я отвечу.

Курдюмов усмехнулся, избегая прямого противостояния.

— Послушайте, Краеугольников, мы ведь делаем одну работу: хотим поймать и обезвредить преступника, — мягко проговорил следователь, — Хотите верить, хотите нет, но я очень хорошо отношусь к частным детективам. Мы... как бы это сказать... две стороны одной медали: дополняем друг друга до единого целого. Полиция действует со стороны власти, используя административный и судебный ресурс. Вы же работаете там, куда у нас просто не доходят руки, выполняя существенную часть необходимой рутины. Однако, нужно понимать, что первично, а что — второстепенно. Запомните, никакое частное агентство не может подменять собою следствие, а тем более — правосудие.

— Да я вроде согласен, — раздраженно кивнул, — Только не понимаю, куда вы клоните.

— Сейчас поясню, — покорно согласился Курдюмов, вновь доставая пачку, — Собственно, именно для этого я вас и вызвал.

— Александр Сергеевич, вы — молодой, честный парень, и *пока что* абсолютно чисты перед законом, — веско начал речь следователь, старясь заглянуть мне в глаза, — Родились в провинции, отслужили, закончили универ... Биография, прямо скажем, не уникальная. Зато без темных пятен и шероховатостей. Вы обычный простой хороший человек. Именно поэтому я и рассчитываю на вашу честность.

Сдержанно фыркнув, я ошарашенно пожал плечами.

— Не совсем понимаю...

— Сейчас объясню, — Курдюмов не дал и слова сказать, — Вы ведь в Москве недавно? И вдруг совершенно случайно попали на работу в топовое агентство. Думаю, что платят вам... существенную сумму. И все же... Сейчас я попрошу вас воспринять услышанное с полной беспристрастностью.

Он замолк, сделав ощутимую паузу в заготовленной речи. Я невольно проникся значимостью момента, постаравшись максимально сосредоточиться на словах собеседника.

— Не знаю, рассказывал вам Андрей Андреевич или нет, но раньше он служил в КГБ, — максимально внушительно продолжил Курдюмов, — И уж поверьте, это ведомство накладывает на людей свой, вполне особый отпечаток.

Он задумчиво покрутил зажженную сигарету между пальцев.

— Ваш босс, несмотря на всю его открытость и продвинутость — человек старой,

советской закалки. От его прошлого остались не только связи... Чертовски хорошие, доложу я вам, связи... Его прикрывают, ему помогают, его, как это не странно, даже опасаются...

Следователь брезгливо сплюнул, и продолжил говорить с ноткой зависти.

— Так вот, кроме великолепных знакомств, Андрею Андреевичу достались уникальные навыки и богатый всесторонний опыт. И, что гораздо более важно — вполне определенные привычки. Уверенность в собственной безнаказанности и вседозволенности.

Курдюмов глянул пристально, пронизывающе. Заговорил с напором, будто стараясь загипнотизировать.

— Следственный комитет давно держит «Агентство Аналитики» на примете. Пересекаться пришлось не раз, и, сразу скажу — по не слишком радужным поводам. Увы, за мелкие грешки привлечь контору никогда не удавалось, а по-крупному подопечные Андрея Андреевича не прокалываются. И между тем, нюхом чую, шестым чувством, если хотите, что рыльце-то у вашего начальника в пушку...

— На что вы намекаете? — кажется, удивляться сил уже не осталось, — Разве агентство нарушает какие-то законы?

— Нарушает? — глумливо переспросил Курдюмов, — Формально, конечно же, нет. Во всяком случае, доказать это ни разу не удалось. Но все же... все же... Представьте на секунду, что Андрею Андреевичу захочется совершить нечто... не совсем укладывающееся в уголовный кодекс. Трудно это будет? С его-то опытом, бекграундом, знаниями и оснащением? Да еще имея под рукой надежную команду преданных лично ему людей?

— Ну, знаете! — я раздраженно переступил с ноги на ногу, — Если начинать судить людей только за *возможность* совершить правонарушение, так можно полстраны смело сажать!

— А я говорю не только о возможностях, — терпеливо парировал следователь, — Речь о том, что Андрей Андреевич — преступник! Только вот доказательств этому нет. Все улики настолько косвенные, что ни один суд на них даже смотреть не станет.

— Раз нет улик, то о чем мы вообще говорим?

— Давайте вместе подумаем, — мягко предложил собеседник, — Взять хотя бы эти два убийства... Почему наш глубокоуважаемый Андрей Андреевич следил за обеими жертвами? Сначала за мужем, а потом и за женой? Хотел защитить? Так нет же — для защиты достаточно было приставить телохранителя. Тогда с какой целью?

Я покачал головой, подыскивая подходящее объяснение, но Курдюмов уже разглагольствовал дальше, не дожидаясь ответа.

— Второе — как это ваш босс оказывается на месте преступления едва ли не раньше полиции? Ему что, убийца лично докладывает? Или, может, он прорицатель?

— Дополнительные каналы информации...

— Знаем мы эти каналы, — небрежно отмахнулся следователь, — И прикроем, будьте уверены. Но все это, вкуче, навеивает на определенные размышления, не так ли?

Он внимательно всмотрелся в меня, заранее зная, что возражений не дождетя. Да и на кой черт мне сейчас с ним спорить?

— И самое главное, — Курдюмов рассудительно продолжил речь, — Почему ваш босс так упорно избегает сотрудничества с правоохранительными органами? Словно мы не соратники, а враги! Не желает давать показания, скрывает улики... Что у вас там? — следователь заинтересовано кивнул на карман куртки, — Записи с камер? Не беспокойтесь, изымать не буду, хоть и имею право.

Собеседник демонстративно протянул руку, заставив меня невольно отступить на шаг. Грустно усмехнувшись, Степан Васильевич понятливо кивнул.

— Вот и я о чем, — будто подтверждая обвинение проговорил он, — И ведь главное-то — пустяки все это! Наверняка на тех камерах абсолютно пусто! Но сам факт отказа в сотрудничестве... Вот что настораживает.

Не могу сказать, что речь следователя меня не задела. Стало даже как-то совестно, неприятно на душе. Захотелось прямо вот так, сразу — взять и отдать ему чертовы флешки. Только ведь прав он — ничего толком на них и нету, пустышка.

— Так что вы хотите сказать? — смущенно уточнил я, — Что Андрей Андреевич как-то в этом замешан? Он что, убийца? С трудом верится, знаете ли.

— Замешан? Наверняка! — решительно отрезал Курдюмов, — Убийца? Честно говоря, я бы не исключал и такой возможности. Хотя, конечно, талантливых исполнителей у него достаточно. Взять хотя бы того же Краснова.

— Василий?

— Именно! Если б вы знали его чудесную биографию... Впрочем, ладно. Я не намерен настраивать вас против новых знакомых. Я всего лишь хочу добиться правды.

Прозвучало это несколько пафосно, но достаточно в тему. Глянул украдкой на собеседника — так и есть, похоже он из «идейных». Или очень хочет таковым казаться. Но блин, давно же известно, что правда — хитрый зверек. И у каждого она своя, непохожая на остальные.

— Так что же вам все-таки от меня нужно? — я устало нарушил затянувшуюся паузу, — Если не показания и не улики?

Степан Васильевич словно ждал этого вопроса — сразу же резко собрался, вытянулся, подбоченился. Стал важным и невероятно внушительным.

— Я хочу добиться очень простой вещи, — проговорил он, чеканя слова, — Чтобы вы, Александр Сергеевич, приглядывали за своим боссом. И когда почувствуете что-то неладное — позвонили бы мне.

Следователь театральным жестом протянул визитку. Я принял картонный прямоугольник, еще не до конца осознавая сказанное.

— Не пойму, мне шпионить что ли? — уставился на собеседника с глупым видом, — Вы меня вербуете? Как это называется... двойным агентом?

Степан Васильевич печально покачал головой.

— Почему сразу — шпионить? Разве я хоть словом об этом обмолвился? Не нужно ничего вынюхивать и выслеживать, не нужно никакой самодеятельности. Все равно в суде она останется бездоказательной. Просто... если вдруг поймете, что происходит что-то странное, что события выходят из-под контроля... позвоните.

Ошарашенно кивнув, я спрятал визитку в карман.

Признаюсь, Курдюмов меня удивил. Да и, пожалуй, расположил к себе. Подкупил своим показным дружелюбием, непредвзятостью, неподкупностью. Такой вот образцово-показательный следователь — без страха и упрека. Разве что его привычка непрерывно дымить... Но тут уж ничего не поделаешь, каждый гробит свою жизнь по-своему.

— И вот еще что... — как бы невзначай напомнил следователь, — Еще одна деталь, но очень важная...

Я заинтересованно кивнул, готовясь послушать продолжение, но о чем бы ни хотел рассказать Курдюмов, сделать это у него не получилось. От мирной беседы нас отвлек настойчивый гудок автомобильного клаксона.

Обернувшись, заметил ауди шефа, притормозившую в десяти шагах. Андрей Андреевич нетерпеливо выглядывал сквозь лобовое стекло, демонстративно похлопав пальцем по наручным часам. Хм... действительно, что-то мы тут заболтались. Сколько времени-то прошло?

— Надеюсь, мы друг друга поняли, — строго отчеканил Курдюмов, — Если что — сразу звоните! Всего доброго, Александр Сергеевич.

Он неприязненно кивнул боссу, неторопливо поворачиваясь к парковке. Я сдержанно мотнул головой и решительно направился к машине. Щелкнула ручка, дверца легко распахнулась, я с облегчением плюхнулся на мягкое пассажирское сиденье.

Едва уселся, как Андрей Андреевич тронулся. Он сходу разогнал ауди до внушительной скорости, отчего потом пришлось оттормаживаться на перекрестке. Впрочем, возможно, шеф всегда так водил — как будто куда-то опаздывает.

Я ожидал расспросов, напутствий, хоть какого-то проявления любопытства. Но босс молчал, словно язык проглотив. Неужели ему совсем не интересно, о чем я разговаривал со следователем? Или он и так все знает? Если они знакомы не первый год, может быть и я не первый сотрудник, пообщавшийся с органами?

Мы ехали, молчание все затягивалось. Андрей Андреевич, казалось, целиком сосредоточен на управлении транспортным средством. Мне же стало как-то не по себе.

Открыл было рот, собираясь высказаться, но тут же захлопнул обратно. Просто не нашел нужных слов. Да и что тут скажешь?

«Меня перевербовали... Но я все равно не буду стукачом? Не стану предателем!»

Банально и тупо. Это все и так понятно. По крайней мере, если у тебя за плечами десятилетия профильной работы.

Да и к тому же — насколько я уверен, что действительно никогда не позволю Курдюмову? И вообще — верю ли я в невиновность шефа?

Скосил глаза, исподволь наблюдая за Андреем Андреевичем. Не похож он на преступника, хоть это ничего и не значит. Ни у одного злодея на лице не написано, что он маньяк. Что уж говорить о профессионале?

А, ладно... Будь что будет! Я никогда не нарушал закон... по-крупному имеется ввиду. И дальше не собираюсь. И никому не позволю этого делать, будь то Андрей Андреевич или хоть бы сам Курдюмов!

Значит — буду просто работать. Стараться исполнять собственные обязанности как можно лучше. А там — посмотрим.

Приняв такое основополагающее решение, я как-то сразу успокоился, облегченно выдохнул. Всю оставшуюся дорогу просто смотрел за окно, на проносящиеся мимо урбанистические пейзажи. Десяток минут спустя ауди плавно остановилась почти у самых дверей офиса.

У подавляющего большинства обывателей сложилось довольно превратное впечатление о работе частного сыщика. Люди уверены, что детектив — это такой герой, в одиночку борющийся с преступностью под покровом ночи. Полулегендарный гений, раскрывающий головоломные дела, которые не под силу глуповатой полиции. Неуловимый мститель, низвергающий кару правосудия на головы маньяков и прочих нарушителей порядка.

И появление подобных заблуждений вполне закономерно. Они услужливо возвращены популярной литературой: незабываемыми образами Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, комиссара Мегрэ. Или еще более цветными картинками, сошедшими с экранов западных блокбастеров, комиксов, видеоигр.

Частный детектив... Звучит чертовски романтично и загадочно. Как раз настолько, чтобы кружить головы молоденьким глупым девицам. Сразу представляется высокий мрачный киногерой в длинном плаще, идущий по следу очередного злодея. Он нечеловечески силен, необычайно умен, чертовски обаятелен, хотя порой и может быть образцом мрачности. Иногда детектив загоняет преступника в угол силой одних лишь умозаключений. Порой же приходится действовать по старинке — выбивая из мошенника дурь ударами пудовых кулаков.

Эх... как бы не так. Реальность, как, впрочем, и всегда, гораздо прозаичнее и банальнее. В настоящем мире детективы — отнюдь не гроза преступного мира. Они не участвуют в погонях и перестрелках, не борются с организованной преступностью, не выручают полицию в безнадежных ситуациях.

По крайней мере, не в этой стране. В России у детектива практически никаких прав, одни лишь обязанности. Да и те больше смахивают на очередной поклон в угоду разрастающейся бюрократии. Бесконечные бумаги, разрешения, отчеты... Даже странно, что понятие «детектив» все еще себя не изжило.

Реальность, как ни посмотри, гораздо проще. Встретив на улице частного детектива, вы никогда не подумаете, что этот усталый небритый мужчина в поношенной куртке и потертых джинсах хранит в нагрудном кармане заветное удостоверение. Скажу больше — получить его сложно, а существенных преимуществ звание детектива практически не дает.

Можно вести устный опрос — но человек вправе не отвечать и вообще не общаться с детективом. Можно проводить осмотры, получать справки и добывать информацию — но только в рамках, установленных законом для обычных граждан. Слежка, аудио или видеофиксация — только с разрешения того, за кем она ведется. Тайна личной жизни и все такое.

Вот и получается, что частный детектив занимается вовсе не тем, что показывают в кино. Большая часть дел — банальный поиск информации, сбор биографических данных или попытка нарыть какой-нибудь компромат. Ненавязчивая проверка кредиторов на платежеспособность, клиентов на чистоплотность, сделок — на честность и открытость.

Самые сложные дела — розыск пропавших без вести людей. Или, что бывает реже, поиск утерянного имущества. Также порой приходится собирать информацию по уголовным делам, но это только с разрешения соответствующих органов.

Да, частному детективу гораздо чаще приходится сидеть за экраном ноутбука, чем красться в ночи по следу злодея. Приходится улаживать семейные ссоры вместо того, чтобы

искать факты измен.

Работа сложная, выматывающая, но отнюдь не своей физической составляющей. Частный детектив обязан быть неплохим психологом, а моральная сторона дела зачастую гораздо сложнее, чем фигуральная.

Чаще же всего приходится просиживать штаны в офисе. Да с такой регулярностью, что любые вылазки наружу воспринимаются, как целое приключение.

Раздумывал обо всем этом, полушутя сетуя на свою тяжелую долю, расположившись на лавке. Обычной рядовой лавке, неподалеку от совершенно стандартного подъезда типовой многоэтажки внутри ничем не примечательного двора.

Деревянная сидуха явно не была рассчитана на длительное времяпровождение, так что приходилось изрядно ерзать, принимая наиболее комфортную позу. Спустя несколько минут задница вновь затекала, и требовались новые корректировки посадки.

Не то чтобы я устал, да и не сказать, чтобы отсюда открывался какой-то завораживающий вид. Нет, видок, честно говоря, так себе. Площадка перед подъездом, мусорный контейнер, обшарпанные ступеньки крыльца, кодовый замок — все, как в миллионах точно таких же дворов посреди мегаполиса.

И этот вид на подъезд — единственное, что оказалось примечательного в старой иссохшейся лавочке. Именно для наблюдения места лучше не придумаешь. Не слишком близко — чтобы не вызвать обоснованных подозрений излишне активных жильцов. Но и не настолько далеко, чтобы был хоть шанс упустить чей-то визит. Именно створка кодовой виднелась совершенно замечательно, без всяких препятствий.

В деле наблюдения тоже, как выяснилось, множество нюансов. Так, следить за человеком без его согласия — нельзя. А осматривать жилой дом — пожалуйста. Да и пойдешь, собственно, докажи — с какой целью я тут сижу. Может просто ворон считаю? Или даю ногам отдохнуть перед дальней дорогой.

Впрочем, сидел я уже пару часов, так что даже устал от подобного «отдыха». Не заскучать на наблюдательном пункте — тоже целое искусство. Специально для такого случая подготовил в телефоне целый набор книжек, тщательно отобранных по соотношению качества и завлекательности.

Слишком интересные нельзя — увлечешься и проспичь объект. Но и скучные нежелательно — нападешь сонливость, притупится внимание, начнешь клевать носом. Так что требуется золотая середина: чтобы и не спать, и не забывать поглядывать по сторонам.

Скрипнула дверь, я тут же стрельнул взглядом по возникшей фигуре. Нет, не она. Слишком «объемная» вышла тетка, слишком неухоженная, да и в годах немалых. Тут же открыл в телефоне фото объекта: точно, не она! Даже на лицо ни капельки не похожа. На экране рожица вытянутая, горделивая, худощавая. А здесь — круглая, распухшая. В общем, не наш клиент. Ждем дальше.

Снова книжка, снова строчки очередного научного бестселлера. На меня именно они лучше всего действуют: и не скучно, но и уйти с головой в них не получается. Интересно ровно настолько, чтобы держать разум в тоне.

Очередной скрип двери, и на этот раз сердце екнуло сильнее обычного. Потому что на этот раз удалось без всяких сомнений опознать объект. Для верности я, конечно, сверился с фото. Но и без него понятно: та, кого жду!

Женщина средних лет, высокая, стройная, красивая. Крашенные волосы убраны в хвост,

лицо подведено умелым макияжем. На вид никак не дашь больше тридцати. Одета прилично, с намеком на современный стиль. Тесные джинсы, едва прикрывающие щиколотки, высокие кроссовки, куртка-косуха.

Барышня стремглав проследовала мимо, не удостоив меня даже косым взглядом. Еще бы: кто она, а кто я!

Проследив за объектом сквозь полуопущенные ресницы, я выждал для верности еще пару минут: вдруг вернется. Но нет, барышня, по-видимому, ушла далеко и надолго.

Убедившись в этом, открыл мессенджер и отстучал ничем не примечательное сообщение: «Я на прогулке, жду гостей». Спустя пару секунд телефон блямкнул ответной весточкой: «Принял, организую».

Вот и все, теперь опять ждать. Где-то далеко закрутились невидимые механизмы операции, раздаются звонки, заводятся моторы машин. И главное: всю эту кутерьму очень трудно связать со мной, и уж тем более — с наблюдением за ушедшей женщиной.

Во-первых, сообщение через мессенджер гораздо труднее отследить, чем те же смс. А во-вторых, мало ли зачем я это написал. Гулял? Гулял. И решил проявить гостеприимство — вот и всего-то делов.

Наблюдать и ждать — я вновь посмотрел на тихий двор, со вздохом представляя дальнейшие события.

Спустя, наверное, минут десять, у въезда во двор показалась серая октавия. Она торопливо пропрыгала по колдобинам, колеса выкрутились вбок, машина уверенно развернулась и встала у поребрика.

Из-за руля выбрался мужчина лет сорока. Приличный, ухоженный, с модной прической, чудом держащейся под завихрениями ветра. Темные брюки с идеальными складками; белая рубашка, с закатанными рукавами; дорогие часы. И очень-очень озабоченное лицо, будто собирается совершить нечто не совсем обыденное. Похож на преуспевающего бизнесмена или умелого менеджера средней руки.

На меня мужчина не обратил никакого внимания. Впрочем, так и должно быть: незачем ему знать, кто и как наблюдает за подъездом. Пикнув сигналкой, «бизнесмен» быстрым шагом прошел к двери, секунда — и он скрылся за створкой.

Я представил, как мужчина шагает к лифту, нетерпеливо ждет, поднимается на пятнадцатый этаж. Скрипнув замком, открывается дверь квартиры. А дальше?

Думать об этом уже не очень-то хотелось. Так или иначе, внутри намечался определенный конфликт, помочь в котором я был не в силах, да и не в праве. В конце концов, только мать и отец решают, где и с кем лучше жить несовершеннолетнему ребенку. Матери сейчас нет. Нянечка, конечно, будет ей звонить, но... Пока та возьмет трубку, пока поймет, что к чему, пока доберется...

Прошло, наверное, минут пять, пока подъезд вновь не открылся. На пороге показался тот самый «бизнесмен», бережно держащий за руку мальчика лет восьми. Паренек радостно улыбался, и, казалось, вообще находился на вершине счастья. Не удивительно — впервые увидел папу за последние пару месяцев.

Перекидываясь веселыми фразами, отец и сын подошли к автомобилю. Мужчина усадил ребенка в детское кресло, заботливо зафиксировал ремнями. Сам запрыгнул на водительское место. Какое-то время октавия стояла без движения: я видел, как пассажиры задорно переговаривались. Похоже, выбирали радиостанцию.

Потом, мигнув фарами, автомобиль тронулся с места. Он вырулил на дорогу, завернул за угол. Прибавил газу и скрылся за поворотом.

Вот и все, дело сделано. По крайней мере, моя часть точно выполнена. Остался последний штрих: запустив мессенджер, отправить весточку напарнику.

«Гости уехали, без помех», — отстучал палец по экрану.

«Возвращайся», — почти сразу пришла ответная реплика.

Значит, операция закончена. Можно добираться до офиса и садиться за отчеты. Что-что, а это босс любит: чтобы каждый чих подчиненных был четко зафиксирован документально. А уж тем более, если речь идет о денежной операции.

И вроде все прошло без сучка, без задоринки. Только почему же на душе так тошно? Будто совершил какую-то пакость?

Если быть объективным, что я сделал? Всего лишь наблюдал за подъездом, и, когда некая особа покинула дом, дал знать об этом напарнику. Все остальные события, по большому счету, меня не касаются.

Кто и почему приехал, кого и зачем забрал — я вообще в курсе постольку поскольку. Знать это мне, в общем-то, совершенно не обязательно. А сейчас даже жалею, что успел прочесть подробности дела.

С точки зрения закона — мы тоже чисты. Наблюдение велось за домом, по всем правилам. С какой целью — вопрос десятый. Никаких законов я не нарушил, это точно.

А то, что отец увез сына... Ну так он в своем праве! Не меньшем, чем мать. Они, пока что еще законные супруги. Оба несут полноту ответственности за общее чадо. Никаких ограничений, никаких судебных запретов. А то, что мамаша не допускает контактов ребенка и отца — это как-то даже подло, как по мне.

Вот, казалось бы, взрослые разумные люди. Оба довольно успешные, хорошо зарабатывают. Женаты больше десяти лет. Ребенок, опять же... И что, спрашивается, не поделили? Из-за чего весь сыр-бор? Интрижка на стороне? Или не сошлись в политических взглядах? А самое главное — почему из-за распрей родителей должен страдать ребенок?

Мда... История, надо полагать, более чем банальная. Поругались, муж вспылал и хлопнул дверью. В ответ супруга заявила, что видеть его не желает. И про сына, мол, тоже пусть позабудет. А мужчина не смирился — ребенка очень любил.

Какое-то время терпел, старался решить вопрос миром. Приходил в гости, но женщина и на порог не пускала, не говоря уже о том, чтобы провести время с чадом. Каждый такой визит заканчивался скандалом.

И вот, он обратился за помощью в «Аналитическое Агентство». Ну и помогли, конечно. Анализ, вот, провели...

Формально, все в рамках закона. Отец заехал за сыном, на что имеет полное неоспоримое право. Куда увез и с какой целью — ни перед кем держать отчет не обязан.

И ребенок-то, кстати, вовсе не выглядел удрученным. Наоборот — был счастлив от возможности совместного времяпровождения. Вот только это пока...

Пройдет первая эйфория, схлынут эмоции. Все равно ведь начнет скучать по матери — такой возраст. И у папочки появится сложный выбор: отвезти сына назад, под надзор мамаша, либо воспротивится и оставить у себя, несмотря на его тоску.

Да и супруга, думаю, сидеть на попе ровно не станет. Так или иначе, но будет сына искать, попытается вернуть и забрать уже навсегда. Вот будет хохма, если она придет за

помощью в наше же агентство.

Одним словом, сложно все это. Очень непросто. Как начнешь представлять: что и почему — так хоть волком вой.

Потому лучше не вникать, не допускать чужие эмоции внутрь. Как, наверное, все врачи рано или поздно обрастают циничной коркой. Иначе просто невозможно воспринимать случившееся отстраненно.

Так я и твердил себе: «Все по закону, все по справедливости. Мы ничего не нарушаем!»

Получалось не слишком искренне, не очень-то уверенно. И на душе не становилось менее паршиво.

Тяжело вздохнув, я поднялся с надоевшей скамейки. Медленно прошелся вдоль дома, стараясь не смотреть в сторону оставшегося позади подъезда. И уверенно зашагал прочь, сунув руки в карманы куртки.

Я быстро шел вдоль широкой улицы. Машин оказалось на удивление мало, а вот встречных прохожих — непривычно много. Цели у моего путешествия не было. Во всяком случае, в офис возвращаться пока не собирался.

Достал смартфон, глянул в календарь. Мда, сегодня по плану еще пресловутая работа с документами. Ну ничего, законный перерыв на обед у меня всяко есть! Палец, ткнув в экран, уверенно отодвинул следующее дело на час вперед. Вот так, а зазор можно использовать с пользой. Например, появилось острое искушение выпить кружечку пивка.

Это, конечно, будет совершенно не в тему, но так хочется... А вот погулять в парке, съев при этом пирожок из ларька — пожалуй, будет в самый раз.

Прошел за ограду, попав в какой-то безымянный небольшой скверик. Вернее, имя-то у него наверняка имелось, только откуда ж мне его знать? Побродил между детских площадок, сделал круг вдоль прорезиненной беговой дорожки. За двадцать минут обошел огороженное пространство целиком.

Голова слегка проветрилась, грустные мысли улетучивались незаметно. Весеннее солнце сжигало их без следа. Получилось даже как-то приободриться, взглянуть на недавние события с юмористической точки зрения.

Телефонная трель, раздавшаяся из кармана куртки, заставила вздрогнуть от неожиданности. Никаких звонков я не ждал, а потому взглянул на экран смартфона с изрядной долей раздражения и настороженности.

Андрей Андреевич... Вот же черт! Неужели опять что-то случилось?

— Да? — аккуратно поднес трубку к уху.

— Саша? Ты где пропадаешь? — голос шефа звучал весело, так что тревога сразу отпустила, — По паркам гуляешь?

Я приоткрыл рот от удивления и принялся с глупым видом оглядываться. В такие моменты невольно становишься параноиком, пытаешься понять: откуда он знает? То ли следит за мной кто, то ли в телефоне какой-то жучок...

— Ладно, не суть, — усмехнулся собеседник, — Дуй сейчас в офис, есть у меня к тебе серьезный разговор.

Разговор, конечно, разговору рознь. Может быть хвалебным, а может и ругательным. Разбор полетов с наказанием невиновных и награждением непричастных. Босс пока что за подобным замечен не был, но кто знает? Не так уж давно я тут и работаю.

— Как приедешь, за бумаги не садись, сразу ко мне в кабинет, — продолжил шеф, —

Обдумаем твоё новое поручение.

Дождавшись подтверждения, Андрей Андреевич звонок сразу прервал. Не любитель он болтать попусту. Как и я, впрочем.

Вздохнул, кинул прощальный взгляд на весело подмигивающее солнце. Взор плавно опустился к экрану смартфона. Запустил календарь, с тяжёлым сердцем отложил «Оформление документов» ещё на час. А потом, немного подумав, и вовсе перенес на завтра.

До офиса добрался быстро, хотя такси брать и не стал. Люблю ходить пешком, тем более, что погода стояла отличная. Запустил навигатор, добрался до ближайшей станции метро, ну а там уже дело техники. Две пересадки, не больше четырех станций каждая — и уже в нужном месте. А от станции дойти так и вовсе дело пяти минут.

Привычно поблуждал по коридорам, отворил знакомую дверь с загадочной табличкой. Насупившись, кивнул секретарше.

— Привет, Юля. Батя у себя?

Между собой все зовут шефа «Батей», хотя в глаза никто такого не скажет. Звучит это довольно почтительно и с должным пиететом. Да и то — доброй половине сотрудников Андрей Андреевич не то что в отцы, в деды годится. К тому же, уважают и ценят его совсем не за возраст.

— У себя, ждет, — на удивление сухо проинформировала блондинка, — Велел сразу к нему проходить.

Странно, не похоже это на вечно веселую взбалмошную Юлечку. Не пошутила, не пожурила за разболтанность. Неужели обиделась? Или мне и вправду предстоит головомойка?

Пожав плечами, прошел в пустующий офис. Несмотря на озвученную срочность, все же заглянул за свой стол: мельком глянул на стопку бумаг, проверил входящие, оценил возможные задолженности и огрехи. По всему выходит, что больших косяков за мной нет. А значит, и ругать меня не за что.

Разве что... Может, Батя вспомнил тот разговор со следователем? Вообще-то с тех пор минуло почти две недели, я думал, что тема замята. Но... других поводов для приватной беседы я не давал.

Собравшись с духом, поплелся к шефу. Постучал в дверь и, не дожидаясь приглашения, протиснулся внутрь.

Андрей Андреевич сидел в кресле и что-то быстро печатал на компьютере. Он, кстати, хоть и солидного возраста, а с современной техникой на «ты». Да и вообще... Сложно придумать хоть одну сторону человеческой жизни, где Батя не достиг бы определенных высот.

Он силен, хорошо сложен, не по годам быстр и ловок. Не уверен, насколько шеф разбирается в мордобое, но почему-то кажется, что мне, со всеми познаниями в карате, будет сложновато выстоять против него хотя бы раунд.

К тому же, Батя хорош собой. Готов поспорить, пользуется успехом у слабого пола. Наверняка в молодости за ним все красотки бегали. Да и сейчас, если захочет, охмурить сможет любую.

Что уж говорить о его интеллекте! Багажа знаний хватит на троих, а соображалка работает так, что мне и не снилось. То, до чего я дохожу путем трудных умозаключений, босс схватывает на лету, без всяких усилий. И планы наперед строит, не в пример мне — многогранные, сложные, гибкие. Впрочем, как показывает практика, и они не всегда срабатывают.

— Саша? — Андрей Андреевич на мгновение оторвался от экрана, — Давай-давай проходи! Посиди пока тихонечко, ладно? — шеф мимолетно указал на стул, — Я сейчас!

Уселся, уже понимая, что никакой взбучки не предвидится. Да и спешки, по большому счету, никакой не было. К чему только вся эта канитель с нагнетанием и постоянными поторапливаниями? Очередной тест?

Какое-то время Батя печатал, сосредоточенно уставившись на экран. Я, пользуясь моментом, разглядывал кабинет шефа, да кидал на его хозяина косые взгляды.

Не сказать, чтобы здесь было нечто необычное. Скорее напротив, кабинет выглядел нарочито стандартным, вполне обыденным. Именно такое убранство ожидаешь увидеть, посещая вотчину начальства. Пожалуй, лишь две вещи не совсем укладывались в общую картину: задняя стена, целиком завешанная разнокалиберными фотографиями незнакомых мне людей и мест; и стеклянный шкаф, внутренности которого демонстрировали различные образчики холодного оружия.

И говоря про холодное оружие я не имею ввиду банальные ножи да сабли, вовсе нет. Скорее стеллаж содержал хитрые экземпляры вещиц, подручного кустарного производства, преимущественно предназначенные для скрытного ношения. Был тут внушительный кистень; явно самодельная свинчатка; кастет, собранный из крана «барашки»; заточка из отвертки... Много всяких непонятных штуковин, прямо как в музее. Интересно было бы выспросить у Андрея Андреевича про историю и назначение этих экземпляров. Но явно не в этот раз.

— Так-с, с писаниной все, — удовлетворенно хмыкнул Батя, поднимаясь из-за стола, — Переходим к устному общению...

Выпрямившись, он потянулся всем телом, отчего рубашка угрожающе затрещала. Все-таки по телесной конституции Батя мог бы дать фору большинству из молодняка.

— Для тебя есть новое дело, — сфокусировался Андрей Андреевич, — И я хочу, чтобы ты подошел к нему со всей возможной серьезностью.

— Александр, — на этот раз шеф решил обратиться более официально, — Ты работаешь у нас совсем не долго и еще плохо представляешь себе особую специфику. Потому я и затеял этот... своеобразный ликбез.

Я кивнул, всем видом демонстрируя абсолютное внимание. Андрей Андреевич неторопливо прошелся по кабинету, остановившись возле окна.

— Как ты думаешь, Саша, что объединяет те дела, за которые берется агентство? — задумчиво поинтересовался босс, — Почему одних клиентов мы встречаем с распростертыми объятиями, но большую часть сразу разворачиваем восвояси?

Последнее обстоятельство, кстати говоря, стало для меня открытием. Впрочем, продажники у нас сидят совсем в другом офисе, с ними пересекаться и вовсе не приходилось. Но уже тот факт, что поток заявок приходится фильтровать, вызывает... уважение. Значит, агентство без дел никогда не останется.

— Э-э-э... зависит от сложности? — я высказал первую попавшуюся догадку.

Батя резко обернулся, смерив меня насмешливым взглядом.

— Нет, Саша. На обстоятельства дела мы вообще смотрим обычно в последнюю очередь.

Я пожал плечами, не желая больше участвовать в отгадывании. Такие опросы — только лишь способ выставить собеседника дураком.

— Во-первых, бывают дела личные, — веско проговорил Андрей Андреевич, вновь медленно шагая вдоль стола, — Так или иначе связанные с сотрудниками. За них мы

беремся всегда, независимо от загруженности и сложности. Это, так сказать, вопрос корпоративной этики.

— Разумно, — я кивнул, соглашаясь с очевидным утверждением, — Так все чувствуют себя защищенными.

— Именно! — подтвердил босс, — Любой из команды уверен, что в случае чего, агентство встанет за него горой! А это, уж поверь, дорогого стоит. И люди это чувствуют. Потому и работают не за страх, а за совесть.

Тут, конечно, Андрей Андреевич слегка переборщил. Все-таки и необычно высокий уровень зарплаты мотивирует на трудовые подвиги получше всего прочего. Но в чем-то он, безусловно, прав. Приятно осознавать, что ты не один. А за спиной, если что, стоит целая серьезная контора.

— Во-вторых, есть дела репутационные, резонансные, — пробасил шеф, проходя мимо меня, — Такие, разрешение которых сразу поднимает авторитет агентства на недостижимый уровень. «Дело о многогранной личности». «Розыск сине-зеленой шкатулки». «Почтовый маньяк». Список можно продолжать долго. Именно благодаря разрешению этих загадок мы стали известными. Спроси любого — в нужных кругах, разумеется — и тебе скажут, что «три-а» — лучшее детективное агентство в стране!

Я молчал, старательно слушая и выдавливая из себя умное выражение лица. К своему большому стыду, ни об одном из перечисленных случаев даже слыхом не слыхивал. А потому, от комментариев воздержался. Зато сделал в уме заметку — поинтересоваться историей агентства.

— И, наконец, третий тип дел — самый многочисленный — за которые всегда берется агентство, — проговорил Андрей Андреевич, демонстративно поднимая вверх указательный палец, — Те, где замешаны деньги. И не просто деньги, а *очень большие* деньги!

Признаюсь, меня несколько смутила показная меркантильность подхода. Хотя, в общем-то, ничего удивительного. Все же мы живем в мире дикого капитализма, и деньги берутся отнюдь не из воздуха.

— Надеюсь, тебя это не пугает, — словно прочитав мысли, заметил шеф, — Ты ведь понимаешь, что все это, — он обвел взглядом кабинет, подразумевая офис в целом, — Отнюдь не даром! Да и ваши зарплаты я перевожу не из своего кармана. Именно поэтому агентство занимается денежными делами. А не то, мы бы все сейчас бегали в поисках пропавших котов.

Андрей Андреевич усмехнулся, словно вспомнив хорошую шутку.

— Впрочем, за котами тоже бегать приходилось, — пояснил босс, — Главное, чтобы за это хорошо платили!

— Значит, мы обычные наемники?

На столь провокационный вопрос Батя ответил не сразу. Некоторое время он рассматривал окно, потом перевел взгляд на меня.

— Если рассуждать в широком, обывательском смысле этого слова, то да, — внезапно согласился шеф, — С той лишь разницей, что мы действуем строго в рамках закона и не беремся за откровенно темные дела. В остальном, частный детектив — мальчик на побегушках, — он вновь улыбнулся сам себе, — Специалист широкого профиля!

Помолчали. Я — переваривая услышанное. Андрей Андреевич — собираясь с мыслями и ожидая встречных вопросов.

— Так вот, — спокойно продолжил Батя, — В разрезе всего услышанного, у тебя должен бы назреть вполне закономерный вопрос: а в чем интерес агентства в деле Теплова?

Он глянул — мельком, но в то же время весьма пронзительно. Я покивал с умным видом — да, мол, есть такой вопрос.

— Вы же сами говорили, что деньги он перевел авансом, — высказал свою догадку.

— Перевел, — подтвердил босс, — Но дело не только в этом. Ту сумму мы уже давно отработали, если честно. Даже несмотря на то, что Виктор Иванович являлся постоянным клиентом...

— Тогда — что? — спросил я, включаясь в предложенную словесную игру, — Значит, в деле есть еще какие-то деньги?

На секунду Андрей Андреевич завис, потом с натугой рассмеялся.

— Знаешь, Саша, ты стрельнул в небо, но, как ни странно, попал в цель. Есть у меня такое же предчувствие... Ну не похожи эти убийства на обычного серийника. Нет. Наш преступник действует тоньше, избирательней. Он словно что-то ищет. Нечто, представляющее несомненную ценность.

Батя подошел к столу и устало уселся. Кресло жалобно скрипнуло под весом богатырской фигуры.

— Мотивов у убийства может быть не так уж много. Личная неприязнь, — шеф поднял ладонь, принявшись загибать пальцы, — Психическая болезнь. И, наконец, деньги. Не знаю, почему, но мне кажется, что в деле Теплова еще всплывет какой-нибудь актив... и весьма немалый!

У меня такого чувства не было, но спорить с боссом я не стал. Уставился на него, изображая почтительное согласие.

— Если уж говорить на чистоту, Виктор Сергеевич — мой родственник, — ровным тоном вымолвил Батя.

Я чуть не поперхнулся заготовленной фразой. Пришлось неловко закашляться.

— Не переживай. Не настолько близкий, чтобы меня сильно угнетала его смерть. Но, с другой стороны, и не настолько дальний, чтобы я проигнорировал случившееся! Какой-то там троюродный кузен со стороны матери... Или что-то около того.

Что-что, а удивить Андрей Андреевич умеет. Вот и в тот момент, известие о его родстве с убитым меня сильно огорошило. Словно это могло быть чем-то важным.

— Ну и в-третьих, — Батя раздраженно хлопнул ладонью по столешнице, — Это дело успело-таки стать достоянием общественности! Об убийствах написали в газетах, — шеф кивнул на мусорное ведро, откуда торчала скомканная страница, — А уж интернет просто пестрит всякой ерундой! Чего только не придумают диванные теоретики. Предрекают нового серийного маньяка, последовательно вырезающего целые семьи!

Это уж точно. Журналисты у нас падки до всякой гнильцы. Дай только повод — раздуют из искры настоящий пожар.

— А вы так не думаете? — поинтересовался на всякий случай.

— Я-то? — шеф показательно чертыхнулся, недовольно качая головой, — А как ты думаешь, чем я сейчас занимался? Вместо того, чтобы думать, приходится сидеть в соцсетях да строчить идиотские комментарии! Хоть как-то отвлекать толпу недоумков от нелепых пересудов.

Вот это было действительно смешно. И сказочно нелепо. Я тихо хмыкнул, осознав весь сарказм ситуации: глава детективного агентства, пожилой уважаемый человек, занят тем,

что пытается что-то кому-то доказать в интернете. Затея, прямо скажем, заведомо обреченная на полнейшее фиаско.

— А что же айтишники? — предложил я, стараясь не показывать внутреннего веселья, — Целый отдел сидит на зарплате. Может, форумные войны перепоручить им?

Андрей Андреевич смерил меня испытующим взглядом, словно проверяя, не смеюсь ли над начальником. Потом нахмурился, обдумывая такую простую, но, очевидно, новую для себя мысль.

— Ты знаешь, а это — идея! — смущенно выдал Батя, сделав пометку в толстом ежедневнике.

— Ладно. Все это хорошо, но вызывал-то я тебя совсем за другим! — шеф покопался в ящике стола и выудил на свет тонкую картонную папку.

— Вот, — он словно бы нехотя бросил папку на столешницу, — Новое дело. Прошу — отнесись к нему с максимальным вниманием!

Понятливо кивнув, я протянул руку к бумагам. Взгляд нетерпеливо пробежал похудосочному переплету: на обложке не нашлось никаких опознавательных знаков. Даже пресловутая надпись «Дело» отсутствовала.

Раскрыв папку, обнаружил внутри всего два листка. Один — стандартный бланк с анкетными данными клиента. Мельком впитал содержимое: мужчина, сорок восемь лет, некто Голяков Сергей Нариманович. Индивидуальный предприниматель. Понятия не имею, кто это.

Поднял взор на босса — тот вымученно кивнул.

— Сегодня явится, в семь вечера, — доложил Батя, слегка поморщившись, — Бизнесмен средней руки. Желает через нас разрешить свои семейные вопросы. Платит не то чтобы много, но... Впрочем, деньги — не твоя проблема, этим пусть занимается финансовый отдел.

Я кивнул, лихорадочно соображая.

— Если платит он немного, значит, с ним связано нечто иное? — переспросил, не сводя глаз с шефа, — Он что, чей-то брат? Сват?

Андрей Андреевич хмыкнул, устало покачав головой.

— Научил на свою голову... Соображаешь! — мужчина подергал мышь, заставляя компьютер оживать, — Нет, он не приходится родственником никому из наших.

— Значит...

— А дальше все выводы сделаешь самостоятельно! Сегодня, в девятнадцать ноль-ноль. Сделай себе пометку, я знаю, ты это любишь.

Выдав задание, Батя, казалось, утратил ко мне всякий интерес. Он уткнулся в монитор, расслабленно опустив обе руки на клавиатуру. Я с сомнением перевел взор с шефа на бумагу, а потом все же достал смартфон и добавил напоминание. Пусть и выглядит глупо, зато точно не просплю!

— Я могу идти?

— Да-да, работай! — босс словно удивился тому, что я еще здесь.

Выдохнув сквозь сжатые губы, я поднялся и шагнул к выходу.

В голове царил полнейший бедлам. Я не понимал цели прошедшего разговора, как и моего спешного вызова в офис вообще. Чтобы передать новое дело, хватило бы обычного

сообщения. Папку мне спокойно передала бы Юля. Но шеф, очевидно, решил сделать это собственноручно. Да еще сопроводив нелепой эмоциональной накачкой.

И действительно — к чему весь прошедший разговор? Я ожидал чего угодно, только не лекции по деятельности агентства. Думал, будет разнос, выговор, лишение премии. Или, напротив — похвала и повышение. Но Андрей Андреевич даже не вспомнил про предыдущие дела. Да и про следователя, злосчастного Курдюмова, даже словом не обмолвился. Неужели ему все равно?

— Андрей Андреевич? — я обернулся, взявшись за ручку двери.

— Да? — Батя, казалось, ожидал вопросов заранее.

— Тот... следователь по особо важным делам...

— Который? Степка что ли?

Поперхнувшись, я с трудом сдержал смешок.

— Степан Васильевич Курдюмов, — подтвердил, заодно вспомнив, что его визитка валяется где-то в верхнем ящике стола.

— Ну, и что? — шеф не слишком заинтересованно повернулся ко мне, — Что он тебе наплел?

— Он... Скажем так, имеет весьма своеобразный взгляд на ситуацию.

Батя презрительно фыркнул, выражая свое отношение к мыслительным способностям следователя.

— Небось сказал, что я — жулик, — с ехидной усмешкой продекламировал Андрей Андреевич, — Будто бы пользуюсь связями и положением детектива в своих личных, корыстных целях. И нарушаю закон направо и налево. А под конец попросил тебя приглядывать и, если что, всенепременно докладывать ему, Курдюмову. Так ведь?

В тот момент я, должно быть, выглядел весьма глупо. Ибо тайна, не дававшая мне покоя, оказалась шита белыми нитками. А Батя изначально был в курсе. И более того — не придавал ситуации особого значения.

— Хочешь знать, что я думаю? — с кривой усмешкой уточнил шеф.

— Да уж просветите...

Он встал, спокойно подошел вплотную. По-отцовски похлопал по плечу, благо рост и богатырское телосложение позволяли.

— Не переживай, Саша. Не ты первый, не ты последний. Все это — непременный атрибут доблестных органов правопорядка. Рано или поздно, но они стремятся влезть в любой, самый удаленный уголок; навести там свои порядки; или, как минимум, создать видимость контроля. А если не получается — начинают бить тревогу.

— Но его... подозрения. Что с ними?

Андрей Андреевич тяжело вздохнул, вернувшись к столу. Он вдруг показался старым и усталым, но в то же время невероятно серьезным.

— Когда-то давно, меня учили, что главное качество разведчика — никому не верить на слово, — шеф почесал подбородок, уйдя мыслями в воспоминания, — То же самое я говорю и тебе! Не доверяй никому — ни Курдюмову, ни даже мне! Любое утверждение проверяй сам — желательно, на практике. Анализируй, сравнивай факты, строй выводы. Ну, ты знаешь, как это делается.

Батя отвернулся, явственно давая понять, что аудиенция окончена.

— А если...

— Если окажется, что Степка прав? И я — бессовестный злодей? — Андрей Андреевич

невесело усмехнулся, — Что ж, тогда без всяких сомнений звони следователю!

Проглотив болтающиеся на кончике языка замечания, я понятливо выскользнул прочь из кабинета.

Писк смартфона застал меня на пути к переговорной. Глянул на экран — напоминание: «Встреча с клиентом». Все правильно, это на случай, если бы вдруг совсем запамятовал. Жизнь сложная штука, всякое бывает. А так — раз, и еще десять минут в запасе имеются. Хватит, чтобы добежать.

Вошел в пустующую комнату, рука механически щелкнула выключателем. Зажегся свет, озаряя нехитрое убранство: стол, мягкие стулья, кулер с водой и — как несомненное преимущество — заряженная кофемашина. В углу кабинета стояла одинокая белая доска для записей, но ей, судя по виду, вообще никто и никогда не пользовался.

Время на подготовку хватает. По крайней мере, сделать себе чашку кофе успею. Это — первостепенная задача. А потому сразу вдавил кнопку автомата.

Убедившись, что кофемашина послушно зажужжала, прошел к столу. Отодвинул стул, выбрав себе место сбоку. Клиент пусть садится во главе — почувствует себя предводителем.

Неторопливо разложил немногочисленные бумаги. Давешняя папка, выданная боссом, блокнот для заметок, да еще парочка обязательных бланков — без личной подписи партнера частный детектив порой даже вздохнуть боится.

Между тем, по комнате разнесся соблазнительный запах свежесваренного кофе. Я взял чашку и тут же бухнул туда пару ложек сахара. Перемешал, пригубил — вроде даже немного взбодрился.

Вообще, говорят, что клиенты не отличаются особой пунктуальностью. Но этот, как ни странно, явился вовремя. Двери переговорной распахнулись, внутрь просеменила Юлечка, услужливо указывая гостю, куда проходить. При этом девушка беспрестанно улыбалась, что-то щебетала и напропалую кокетничала с посетителем.

Честно говоря, меня даже слегка кольнула ревность. Хотя мы с Юлей вовсе не в близких отношениях, но все же... Оказалось неприятно наблюдать, как девушка показательно клеится к первому встречному. Каким бы представительным тот не был.

Сопровождаемый секретаршей, клиент прошел к столу и уселся именно там, где я и предполагал — с торца. То ли он и сам по себе имел весьма важный вид, то ли сказалось заглавное место — но гость тут же сделался похож на *большого* начальника. Осталось только гаркнуть нечто командное для полного соответствия.

Проводив клиента, блондинка тут же направилась к выходу. Обернувшись у двери, она глянула на меня, выразительно стрельнув прекрасными глазами. Я не успел ответить тем же — створка закрылась, скрыв девушку за собой.

И что бы это значило? Оставалось только гадать, что за тайные знаки посылает мне секретарша. То ли это связано с работой, то ли намек на нечто личное... Пойди их разбери, этих женщин. Впрочем, к черту! Сейчас не до этого. Впереди рабочая встреча.

Пока гость устраивался за столом, мне выпал шанс хорошенько его рассмотреть.

Невысокий, чуть ниже среднего. Слегка полноватый, с тем характерным телосложением, что появляется у спортсменов, забросивших следить за собой и слегка подзаплывших жирком. Дорогой костюм, большие часы, модный галстук. Готов поспорить, что ездит на бизнес-авто. Вероятно — с личным водителем.

Голова круглая, на макушке проклеывается зарождающаяся залысина. Лицо волевое, не слишком эмоциональное. Чувствуется привычка приказывать и распоряжаться. Узкие глаза

смотрят хищно, пронзительно. Словно высматривают — чего бы тут можно поиметь?

В общем, не слишком-то мне посетитель понравился. Подобный типаж вызывает скорее отторжение, хотя нельзя не отметить могучую деловую хватку. Но, из-за явной профессиональной деформации, такие кренделя на всех смотрят, либо как на начальников, либо как на слуг. И если ты попал в последнюю категорию — пиши пропало. Отношение будет соответствующим.

Вежливо поприветствовав гостя, я предложил ему кофе. Посетитель смерил меня долгим оценивающим взглядом: видимо никак не мог отнести ни к одной социальной градации. То ли я тут официант, то ли уборщик. Лишь когда я уселся за стол, к разложенным бумагам, до клиента вдруг дошло, что иметь дело придется именно со мной.

— А вы не слишком молоды для... детектива? — с некоторым пренебрежением поинтересовался мужчина.

Я лишь пожал плечами, не желая вдаваться в подробности. Можно было бы сказать, что я еще не детектив, а лишь аналитик. Да и то — стажер. Но к чему распалать и без того беспокойную обстановку. Вместо этого я сразу зашел с козырей.

— Ваше дело мне поручил Андрей Андреевич, лично, — некоторое время пришлось поиграть в дуэль взглядов, — Надеюсь, его компетенцию вы не оспариваете?

На некоторое время в переговорной повисла тишина. Я упорно делал вид, что просматриваю собранные бумаги, будто в них есть нечто невероятно интересное. Посетитель сверлил меня взглядом, никак, впрочем, более не выказывая своих чувств. В общем-то особого выбора у него и не было: либо разговор здесь и сейчас, либо — поднимайся и уходи восвояси.

— Итак, Сергей Нариманович, Голяков, — подняв взгляд от бумаг, я внимательно зыркнул на гостя, — Рассказывайте, что вас сюда привело?

Мужчина нахмурился так сильно, что его физиономия превратилась в пантомиму недовольства. Суровый взор прошивал меня насквозь, стараясь испепелить. Я, однако, не ощущал особого дискомфорта. Как ни крути, я-то на своей территории. Да и не в том уже возрасте, чтобы пугаться грозных дядек.

— Я женат, — мрачно выговорил посетитель, — Вот уже десять лет...

— Так... позвольте... — я перевернул лист, считывая информацию с бумаги, — Елена Николаевна Голякова. Ваша супруга?

— Именно, — физиономия мужчины стала еще более кислой, если такое вообще возможно.

Я кивнул, поощряя продолжать рассказ. Мужчина тяжело вздохнул, словно пересиливая себя.

— С некоторых пор... Елена Николаевна оказалась чрезмерно увлечена... работой.

— А вы не одобряете это увлечение? — уточнил я с умным видом.

— Смотря что под этим понимать, — Сергей Нариманович тяжело засопел, — Вы еще молоды и, насколько можно судить, не слишком опытны в отношении женщин. Иначе бы сразу поняли, к чему я клоню... Вы любите свою работу?

— Разумеется.

— Это хорошо. Но от меня не укрылись те взгляды, какими вы перекинулись с той девочкой, — Голяков кивнул в сторону приемной, — А значит, интерес к работе имеет все шансы перерасти в нечто романтическое...

Откинувшись на стуле, я позволили себе пару секунд поразмыслить. Как ни странно, думал не о клиенте, а о его словах про нас с Юлей. Кажется, здесь он явно просчитался. Нет никаких особых взглядов, да и чувств тоже. По крайней мере, от моей персоны — точно. Или... со стороны видней?

— С вашей женой вышло именно так?

— Вроде того, — хмыкнул гость, — Сами понимаете, о подобном не распространяются. У меня нет прямых доказательств. Зато поводов для подозрений — более, чем достаточно.

— Хотите, чтобы мы проследили...

— Я хочу, чтобы вы доказали ее измену! — рявкнул Голяков.

— А ее хм... любовник...

— Его не трогайте, — мрачно выдавил мужчина, — С ним и так... уже все!

Пришел мой черед хмуриться. Не нравились мне эти недомолвки и намеки. Неужели нельзя сказать все, как есть, прямым текстом?

— Правильно ли я понимаю, — медленно проговорил я, — Что вы хотите организовать измену? Подстроить обстоятельства таким образом, чтобы она оказалась неизбежной? И зафиксировать документально?

Посетитель гнусно ухмыльнулся.

— Ну раз вы настолько умны, то должны бы догадаться, что никто в здравом уме не подтвердит подобные утверждения, — прогнусавил он, — Именно потому я и пришел сюда... Чтобы не приходилось озвучивать свои пожелания.

Вот так, все же он не удержался от подколки в мой адрес. Возможно, вполне обоснованно. Как ни крути, а опыта работы действительно не хватает. Тоньше надо, аккуратнее. Сам же говорил: детектив должен быть психологом!

— А вы уверены, что действительно этого хотите? — вкрадчиво уточнил я, — Развод — дело серьезное. К тому же, если вы столько лет в браке... Предстоит раздел имущества, а это та еще галиматья.

Теперь Голяков посмотрел на меня вполне презрительно, во взгляде появилось легко осязаемое превосходство.

— Молодой человек, не держите меня за идиота, — высокомерным тоном изрек мужчина, — Я предполагал подобный исход еще в самом начале. А потому — предусмотрительно озаботился брачным контрактом. Поверьте, с этой стороны я надежно прикрыт законом. Скажу больше — я пришел сюда, чтобы получить помощь частного детектива, а не специалиста по спасению браков. Так что, может займетесь своими прямыми обязанностями?

Одним словом, неприятный оказался человек. Скользкий, хитрый, жесткий. И абсолютно безжалостный. С расчетливым отношением к жизни, к чувствам и отношениям. Вот уж действительно, для него все люди делятся на две группы: кого можно поймать и выбросить за ненадобностью; и те, кого пока нельзя. Но в будущем наверняка нужно будет попробовать.

И раз уж он настолько цинично отнесся к супруге, то я не питал совершенно никаких иллюзий по поводу его взаимоотношений с нашим агентством. Вообще, и сам Голяков, и его дело — все мне активно не нравилось. Попахивало предстоящее дельце не совсем честной аферой. И раз уж даже деньгами клиент не привлекал, то мне становилось совершенно

непонятно, зачем Андрей Андреевич решился сним сотрудничать. Неужели только для того, чтобы меня проучить?

Окончание разговора вышло крайне скомканным. Не стараясь более проявлять такт или понимание, я просто выяснял технические подробности, необходимые для проведения операции. А именно: старался как можно точнее выяснить, что из себя представляет жена Голякова, род занятий, где бывает, чем интересуется.

Получилась знатная простыня, практически целый психологический психотип. Или, заочный портрет, если угодно. Впрочем, натуральный портрет, естественно, тоже присутствовал. Вернее, целая череда разнообразных фотографий, со всех ракурсов и точек зрения.

С них смотрела вполне себе женственная особа, ухоженная и не распустившаяся с возрастом. Пожалуй, я не назвал бы Елену Николаевну красавицей, в том смысле, что она не вполне соответствовала общепринятым канонам. Была в ее фигуре некая природная тучность, а в лице — явная диспропорция, хоть и трудно выразимая словами. И все же, именно эта ее особенность придавала женщине известный шарм и неповторимость. Готов поспорить, найдется немало мужиков, кто будет бегать именно за таким типажом, а вовсе не за идеализированными моделями с обложек журналов.

И вот что им не живется спокойно? Деньги есть — по всему видно, что семья не бедствует. Казалось бы, любите друг друга, да и все! Так нет же, все каких-то приключений хочется. Хотя... кто его знает? Вдруг этот Сергей Нариманович в постели вообще никакой?

Оказалось, что последнюю неделю Голякова почти безвылазно просидела дома — на работе наметились какие-то проблемы. То ли фирма обанкротилась, то ли должность сократили — муж в подобные проблемы не вдавался. Женщина казалась изрядно расстроенной, даже едва ли не заболевшей. Но, как выяснилось, именно завтра вечером она договорилась с подругами сходить в клуб. А это та территория — можно сказать идеальная — что требуется для успешной операции.

Собрав необходимую информацию, с мужчиной я тут же без особых сожалений распрощался. Передал его с рук на руки финансовому отделу — пусть специально обученный человек пытается его по вопросу вознаграждения. Да и какие-никакие документы все же нужны: договор, куча разрешений и согласований. Вот и пусть бюрократией занимается специалист.

Сам же прошел на рабочее место и безрадостно бухнулся в кресло. Включил комп, бережно отсканировал заполненные документы, оцифровал фотографии. На минуту задумался — вроде все на месте, ничего не упустил. Да и дело, при всей его неприятности, особо сложным не выглядит.

Есть в агентстве специальный сотрудник, специализирующийся по женской части. Так сказать — профессиональный соблазнитель. Не знаю, в чем уж тут дело, и как Евгению удастся добиваться результатов — но он реально работает. Причем, я бы не назвал его писанным красавцем, да и особой болтливостью мужчина не отличался. Может, дело в самоуверенности? Или какие-то гормоны? НЛП? Одним словом, если нужно охмурите какую-то мадам, то обращались именно к нему. И сбои случались крайне редко.

Да и то сказать — если Голякова не поведется на нашего донжуана, выстоит, то это ведь ей только в плюс. Значит, верная супруга, бесовестно оклеветанная мужем. Ну а для клиента... отрицательный результат — тоже результат.

Посмотрел в мессенджере телефон Евгения и тут же, не откладывая в долгий ящик,

бросил дозвон.

Он взял трубку практически сразу, как будто ждал звонка. Услышав про появившуюся работу не слишком обрадовался, скорее воспринял как очередную рутину. Подтвердил дату и время, а потом строго настрого наказал тут же скинуть на почту все анкетные данные. «Буду готовиться!» — прозвучало в трубке, прежде чем собеседник прервал разговор.

Прежде чем отправлять документы, тут же набросал краткий план операции. Написал, где и когда нужно встретить женщину, с кем она прибудет. Где и как лучше с ней засветиться. Сколько времени находиться в клубе и когда следует переместиться в отель напротив. Понятно, что все это лишь условный сценарий, а не стопроцентный алгоритм. Но все же, лучше иметь хоть такой план, чем не иметь его вовсе.

Удостоверившись, что теперь комплект полный, запаковал документы в архив и выслал Евгению. Даже интересно стало, как он будет «готовиться» к этой женщине. У него что, к каждой подопечной индивидуальный подход? Как-то слегка завидно... как, впрочем, при виде любого профессионала за виртуозной работой. Может, как-нибудь взять пару уроков? В жизни всякое пригодится...

Блямкнуло уведомление: Евгений подтвердил получение документов.

«Начинаю работать, — написал специалист, а я невольно улыбнулся, стараясь представить, как же он это делает, — До завтра!»

Откинувшись на спинку кресла, позволил себе расслабиться. Вообще-то стрелки на часах уже давно намекали, что рабочий день окончен. С другой стороны — он у меня не нормированный. Никто на переработки не смотрит, зато и прогулы не считает. Платят за результат, и платят весьма неплохо.

Скосил глаза на кабинет начальства — судя по всему, Андрей Андреевич еще на месте. А значит, не пристало подчиненному уходить раньше директора. Да и не могу почему-то расслабиться. Словно гложет что-то. Какое-то несделанное дело или неучтенный нюанс... Что-то я пропустил! Что-то важное...

Как следует задумался и, после некоторых колебаний, сформулировал для себя три концептуальных вопроса.

Во-первых, так до сих пор и не понятно, к чему была вся эта эмоциональная накачка? Потом дружеский ликбез и поручение нового дела. Как все это связано между собой? А что связь есть — я почему-то не сомневался. Не станет Батя так шутить над подчиненными. Во всем этом есть несомненная скрытая ирония.

Во-вторых — и это кажется очень важным — почему Андрей Андреевич вообще взялся вести данное дело? По его же словам, Голяков не является чьим-то родственником; денег с такого скупердя много не заработаешь; да и резонансной эту операцию при всем желании не назовешь. Значит, есть какой-то неучтенный фактор? Очевидный шефу, но совершенно незамеченный мной.

И, наконец, в-третьих. Почему новое дело Андрей Андреевич поручил именно мне? Нет, понятно, что операция не сложная, и уж кому ее проводить, если не стажеру? Но все же... В каком-то контексте кажется, что это отнюдь не совпадение. Видимо, я опять что-то упускаю.

Вот блин, неужели нельзя выдать всю подноготную прямым текстом? Обязательно было боссу нагонять такой таинственности? Или это он так молодняк воспитывает?

Еще раз взялся за анкету Елены Николаевны Голяковой. Пролистал, как следует

всмотрелся в скупые строчки. Пальцы механически перебрали все фотографии, усталый ум силился отыскать хоть какую-то зацепку.

Да нет, абсолютно обычная женщина. Ну, с поправкой на хорошее материальное благосостояние, конечно. Не красотка и не уродина; не гений, но и не двоечница; на работе звезд с неба не хватала, но числилась на хорошем счету. В общем — вполне заурядная личность.

Кстати, о работе. Что там за фирма чуть не обанкротилась? Отыскал нужную страницу, нашел упоминание о месте работы. И вздрогнул.

ООО «Мультипринт». Название не то чтобы какое-то особенное. Просто где-то я его уже видел, причем не так давно.

Сонливость и лень как ветром сдуло. Я отложил анкету Голяковой и резво принялся ковыряться в папке с предыдущим делом. Внутри проснулся азарт охотника, неожиданно наткнувшегося на след неосторожной дичи. Возможно конечно, все это ерунда... но почему-то уверился, что нашел нечто весьма важное!

Бинго! Вот оно! Есть совпадение! «Мультипринт» — та самая контора, директором которой являлся убиенный Виктор Иванович Теплов! А после его смерти предприятие находится в подвешенном состоянии, медленно, но верно скатываясь к банкротству.

Так... И что же получается? Голякова работала секретаршей у самого Теплова? И, если верить утверждениям мужа, крутила интрижку со своим начальником?

А может и не интрижку? Вдруг там всплыл целый роман? Насколько они были близки? Неплохо бы разузнать... У мертвеца, понятно, не спросишь; да и у Елены Николаевны интересоваться как-то несподручно.

И тем не менее — вот и связь с убийствами! Хотел зацепку? Получи и распишись! Правда вот непонятно, что это мне дает?

А Батя все же хорош! Специально ведь подхватил это дело! Даже может быть самолично отыскал Голякова и как бы исподволь подтолкнул к сотрудничеству. Кто знает, какие каналы воздействия есть у шефа?

И теперь, получается, у нас есть хоть какая-то ниточка, за которую можно попытаться что-то раскрутить.

Ведь так? Так, да не совсем. Даже если Голякова действительно крутила шашни с Тепловым... Какую пользу из этого можно извлечь? Мой измученный мозг отказался отвечать на поставленный вопрос. Но... Андрей Андреевич не стал бы наводить суету, если бы в ней не имелось никакого смысла! А значит, что-то тут есть...

Несмотря на поздний час, всплеск адреналина заставил резко взбодриться. Я даже выбрался из-за стола, принявшись нервно расхаживать вокруг стола. Думать получалось с трудом, мозг слишком утомился к вечеру. Я себя знаю — чем позднее, тем сложнее принять хоть какое-то толковое решение. А потому — лучше оставить на завтра. Утро, как говорится, вечера мудренее.

Но хоть первоначальный вывод нужно сделать прямо сейчас, иначе не успокоюсь. Но что можно сказать насчет завтрашней операции в свете новых появившихся данных? Поменять план? Вовсе нет.

Нужно действовать точно так, как и задумывал. Только удвоить бдительность и осторожность. Постараться не упустить ни единой мелочи. Глядишь, и появятся новые улики против неизвестного «маньяка».

Приняв конечное решение, немного расслабился. Быстро собрал бумаги, распихав все по ящикам стола. И решительно направился к выходу. Пусть себе Андрей Андреевич сидит тут хоть до утра! А мне нужно как следует выспаться, чтобы завтра не клевать носом! Потому что следующим вечером придется идти в клуб.

Не люблю громкую музыку. Во всяком случае настолько оглушающую, чтобы невозможно было даже разговаривать. Такой грохот хорош на дискотеке, на танцполе. Но когда сидишь за столиком, звук начинает надоедать. Даже уши болят, и зубы сводит.

А еще бешеная иллюминация. Тоже не слишком приятно. Все мерцает, моргает, горит и переливается разноцветными огнями. Какое-то время это весело, но потом организм отказывается воспринимать реальность. Вестибулярный аппарат начинает сбоить; появляется ощущение полета или непрерывного повторяющегося падения. Вращающиеся стробоскопы создают иллюзию прерывистого движения. Глаза устают не меньше ушей.

Ну и в довершении неприятностей — люди. Много людей. Пожалуй, излишне много. В такие моменты появляется подозрение, что я — социопат. Потому что очень трудно представить себя частью этой веселой разношерстной толпы. В какой-то момент появляется неодолимое желание сбежать куда-нибудь где темно, тихо и никого нет. Собственно, останавливает только то, что я здесь по работе.

Возможно, в этом и проблема? Народ отдыхает, расслабляется, как может. А я вынужден нести службу. Ни выпить, ни потанцевать, ни развеяться. Потому так меня и крутит от окружающего. Потому невольно противопоставляю себя толпе.

Впрочем, тут ведь не один я работаю. По залу снуют официантки; за стойкой — бармены; у звукового пульта — диджеи. Да и охрану зала никто не отменял. Здоровенные суровые детины бдительно присматривают за посетителями, поддерживая некое подобие организованного порядка.

И вот им-то ведь всем нормально. Значит, проблема только во мне. Хотя, может они просто привыкли?

Ладно, как бы то ни было, я сюда пришел по делу. Значит, свалить раньше времени не получился. Только когда задание будет выполнено от и до. А для этого нужно как следует подготовиться.

Я появился пораньше, обошел просторную залу, заглянул на танцпол, поторчал у барной стойки. В конце концов занял удаленный двухместный столик, откуда открывался замечательный вид практически на весь клуб. Ладно, на весь — это я конечно переборщил. Но по крайней мере входящих и выходящих можно контролировать отлично.

Народ все прибывал, причем в равной степени молодежь и люди более солидного возраста. Одеты все, как на подбор, модно, стильно, богато. Так что я в своем сером костюмчике смотрелся белой вороной. Ну и хорошо, так больше шансов сохранить одиночество — никто не станет подсаживаться.

Заказал себе немудреный ужин — что-то вроде здорового сэндвича с картошкой. Ну и пива — безалкогольного. Кислятиной от него отдает знатно, зато создается видимость простого забухавшего парня.

Пока насыщался, расставил тарелки и кружку таким образом, чтобы можно было незаметно выложить на стол портативную камеру. Что, конечно, и не замедлил сделать. Сразу же и включил: заряда и памяти хватит с запасом на весь вечер. Пусть пишет все подряд, потом в спокойной обстановке можно разобраться.

Направил объектив на вход, да так и оставил. Сама по себе камера совершенно неприметная: лежит на столе небольшой черный брусочек, легко уместяющийся в ладони.

Что такое? Зачем? Поди разбери. А если всерьез не присматриваться, то и вовсе ее никогда не увидишь.

Конечно, по закону такая съемка не совсем законна. Затрагиваются права третьих лиц на частную жизнь и все такое. Но это, во-первых, если итоговую картинку где-то использовать. А во-вторых, пойдешь докажи...

Мне-то камера нужна, чтобы с фотоаппаратом не мучится. Потом вырежу нужные кадры, лишние лица заретуширую — и вот, никаких законов и не нарушил. Тем более, что дальше клиента эти фото все равно никуда не пойдут.

Качество видео в данных условиях, безусловно, пострадает. Ну да мне и не нужно запредельной четкости. Главное, чтобы удалось распознать людей и их лица, остальное не столь важно. Тем более, что основное действие подразумевается не здесь, а в номере отеля.

Несмотря на все приготовления, появление Евгения счастливо проглядел. То ли он пришел еще раньше меня, то ли проскользнул незаметной тенью. Вот кстати и плюс камеры: можно будет впоследствии внимательно просмотреть, когда и кто вошел.

Как бы то ни было, мужчина непринужденно растворился в толпе, даже не глядя в мою сторону. Все правильно — ни к чему никому подозревать, что мы с ним знакомы. Я просто отметил в голове, что все готово к началу операции. И принялся терпеливо ждать главное действующее лицо.

Елена Николаевна Голякова возникла в клубе, когда вечер принялся набирать обороты. Появилась не одна — с двумя подругами. Впрочем, одеты все под стать друг другу: ярко, броско, довольно откровенно.

Выглядела Голякова прекрасно. Никак не скажешь, что женщина убита горем. Светилась радостью и красотой. На мой взгляд, конечно, слегка переборщила с макияжем и сложной прической... Но тут уж, как говорится, у всех вкусы разные.

Женская компания заняла стол в вип-нише, создающей определенный намек на уединение. Конечно, все равно это лишь иллюзия: видно их было прекрасно. Зато мягкие диваны вместо стульев; места за столом гораздо больше; да и по головам никто скакать гарантированно не будет.

Расторопные официанты уже несли женщинам шампанское, мартини и легкие закуски. Подруги изучали клубное меню, я же плавно перевел объектив камеры на них, стараясь не слишком-то пялиться глазами.

Впрочем, долго за столиком они не проторчали. Выпив буквально по бокалу, тут же отправились плясать. Проследить за ними на танцполе оказалось довольно затруднительно: дурацкий ракурс, да и толпа народа там собралась уже вполне себе знатная. А потому я только проводил компанию взглядом. Ну и камерой, конечно, тоже.

В какой момент к женской братии присоединился Евгений — ума не приложу! И как ему это удалось — тоже загадка. Он просто выскочил, словно как чертик из табакерки, враз оказавшись рядом с дамами. То ли ему удалось познакомиться на танцполе, то ли подкатил в промежутке... Хоп — и мужчина уже за столиком вместе с барышнями. Расточает им знаки внимания, подливает вина и вообще ведет себя, как настоящий кавалер.

Ничего не скажешь, проделано ловко! Пожалуй даже — мастерски. Если бы не знал загодя, никогда бы не догадался, что Евгений работает по заданию. Прямо настоящий актер... больших и малых театров. Искренний, живой и весьма обаятельный.

Взяв в руки камеру, поднялся из-за стола. Раз уж искомая компания сидит на вполне

определенном месте, решил выбрать наилучший ракурс. Не торопясь огляделся и скупающим шагом поднялся на второй этаж, где располагалась своеобразная терраса. Пространство здесь в основном было занято столиками с веселящимися компаниями; но хватало и таких неприкаянных празднующихся, как я. Так что, когда облокотился на перила, как бы невзначай свесив ладони вниз — из толпы совсем не выбился. Много кто находился в практически аналогичной позе — или оглядывая зал, или наблюдая за беснующимся танцполом.

Зато теперь, правильно сориентировав камеру, получил отличные кадры. Голякова с компанией оказались, как на ладони. Чтобы не уронить устройство, ремешок камеры пропустил вокруг среднего пальца; а сам аппарат оказался надежно прикрыт кистью. И со стороны не видно, и могу легко менять направление съемки.

Евгений за столиком расстарался, как мог. Конечно, слов мне было не разобрать, зато его богатая мимика, размашистая жестикация, эмоциональный напор — все говорило само за себя. Мужчина болтал без умолку, развлекая новообретенных спутниц. Уж не знаю, что он говорил — расточал комплименты или анекдоты травил, но дамы выглядели довольными донельзя. В компании галантного кавалера стало весело, задорно и, к тому же, появился заметный намек на флирт.

Опять же, я не знал точно, что и в каком порядке будет делать мой коллега. У нас был определенный список необходимых достижений: своеобразный чек-лист. Требовалось заснять Елену Николаевну в разных ситуациях с новым ухажером, чтобы доказательства знакомства и развития отношений были на лицо. Но вот в каком порядке Евгений будет отрабатывать нужные пункты — этого мы не оговаривали. Да оно и верно — пусть действует по ситуации; ему, все же, виднее. А мое дело маленькое: крути камерой, да снимай.

Мужчина галантно наполнил бокалы. Прозвучал тост, встреченный радостными возгласами дам. Весело чокнувшись фужерами, барышни выпили. А Елена и Евгений — под общий одобрительный гул — сделали это на брудершафт. Скрестив руки, осушили бокалы, а потом решительно закрепили знакомство игривым поцелуем. За столом раздался веселый смех; конечно, подобный жест пока что сойдет и за шутку. Но — начало положено.

Мне повезло, место выбрал крайне удачное. Голякова сидела ко мне вполоборота спиной, ее кавалер — по правую руку. Таким образом, получилось заснять обоих, так сказать «в анфас». Готов поспорить, кадры будут что надо!

А Евгений, между тем, темп не сбавляет. Фужеры уже вновь наполнены, за столом раздался очередной тост. Официант поспешил на выручку, оперативно заменяя опустошенную бутылку двумя новыми. Компания веселилась напропалую, без всякой задней мысли. Стало заметно, что барышни уже заметно подшофе. Ну что ж, тем проще задача соблазнителя. Он и сам, кстати, не выглядит образцом трезвости. Но тут уж остается только гадать — сколько в его опьянении наигранности, а сколько действительного состояния.

Повинуясь общему настроению безудержного веселья, компания плавно переместилась на танцпол. Разглядеть там что-либо внятное было совершенно невозможно — слишком большая и тесная толпа. Я даже успел заскучать, пока ждал хоть какой-то возможности сделать новый кадр. Но ожидание не прошло даром.

Наконец, громоподобный бит стих, и над танцполом поплыли первые ноты медленного танца. Половина столпотворения разом схлынула, а остальные танцоры разбились по парочкам.

На этот раз Евгений подгадал очень удачно: я сразу заметил нужную мне парочку, медленно кружащуюся возле края площадки. Навел камеру, даже чуть приблизил картинку, чтобы как следует разглядеть танцоров.

Мужчина уверенно обнимал барышню за талию, прижимая к себе вплотную. Голякова, впрочем, и не сопротивлялась. Обхватив кавалера за шею, она склонила голову ему на плечо. Евгений что-то шептал на ушко, на лице женщины застыла довольная мечтательная улыбка.

Танец закончился, партнеры расцепились как будто нехотя. Впрочем, рука мужчины, пока они возвращались к столу, так и осталась на талии подруги. Причем, как я успел заметить, ладонь блуждала по телу женщины, исследуя его изгибы и выпуклости. Елена Николаевна не возражала, сделав вид, словно ничего и не происходит. Выглядела она радостной, одухотворенной и возбужденной.

Вечер продолжался, компания не сбавляла темп веселья. Евгений сидел, как бы невзначай приобняв Голякову за плечи. А та, ничуть не стесняясь, прижималась к кавалеру. Разговор тек без остановки, как и алкоголь. Звучали шутки смех, тосты. Бокалы наполнялись и опустошались; блюда и закуски шли своим чередом. Подруги Елены не казались ни удивленными, ни обескураженными ее поведением. Короче говоря, сразу стало ясным, что все происходящее, в общем-то — в порядке вещей.

Я продолжал съемку, а на душе невольно скребли кошки. Как-то все это подло что ли, не честно. Напрямую, конечно, никакого жульничества нет — никто ведь не заставляет женщину принимать ухаживания. С другой стороны, как ни крути, но в любом случае попахивает провокацией. Тоскливо, грустно. Суровая правда жизни.

И ведь я вроде бы не ханжа. Прекрасно понимаю, зачем люди ходят в клубы. Отдыхать, развлекаться, танцевать. Ну и знакомиться в том числе. Но как-то... Всему ведь есть предел. Голякова-то ведь не свободна, чтобы так себя вести. Женатые люди должны, по моему мнению, как-то себя сдерживать. Иначе зачем тогда вообще жениться?

Наверное, поведение Голяковой — не показатель. Возможно, есть действительно верные жены и мужья. Но что, если нет? Неужто институт брака себя окончательно изжил? Может, вообще понятие «верность» кануло в лету и больше не существует?

Елена Николаевна крутит пашни с первым встречным в ночном клубе, совершенно позабыв про мужа. И для нее это в порядке вещей, вовсе не нечто неординарное. Сложно вот так, с ходу, не разбираясь, сказать, что там у них с семейной жизнью. Может быть, весь брак Голяковых — не более чем фикция, существует лишь на бумаге. Но все равно как-то это... некрасиво.

Впрочем, и поведение мужа не лучше. Он, если разобраться, тоже хорош. Это ведь Сергей Нариманович самолично натравил нас на супругу. Провоцирует развод, вместо того, чтобы попытаться наладить отношения. Хотя, может, и нет уже давно никаких отношений.

Пусть и говорят, что со стороны видней, но в подобных хитросплетениях судеб разобраться очень сложно. Кто на кого в обиде и за что. Ссоры, конфликты, недомолвки, разлад. И, как результат — измены. Кто это все начал? И кто пустил на самотек, просто махнув на все рукой?

Но если уж судить начистоту, Евгений отнюдь не первый встречный. Он профессиональный соблазнитель, мастер своего дела. Может ли вообще хоть одна женщина противостоять его напору? Или они прямо так обречены?

И Голякова, может, ничего такого вовсе не планировала. Так, была чуть на взводе,

нервничала. А тут — хоп! — нечаянное знакомство, и все завертелось с безумной скоростью! Вот женщина и попалась в расставленный капкан. Нырнула, так сказать, в омут с головой.

Не стоит, конечно, и переоценивать искусство Евгения. Наверняка и ему отказывали, да и не раз. Вот только... не хотел бы я проверять его мастерство на своей женщине... Если бы у меня была женщина.

Верна она или нет... Лучше уж, наверное, жить в неведении.

Вечер в клубе, меж тем, перевалил за наивысшую точку, дело потихоньку двинулось к ночи. Накал веселья постепенно стихал, хотя музыка еще гремела вовсю, а спиртное текло рекой. Толпа на танцполе слегка поредела, зато народ стал заметно оживленнее кучковаться у бара. Гульба шла своим чередом, просто акценты немного сместились.

Я продолжал снимать происходящее с разных ракурсов, стараясь, по возможности, оставаться незаметным. Это, в общем-то, оказалось довольно просто, по одной очевидной причине: никому не было до меня совершенно никакого дела. Ну, ходит какой-то смурной чувак, смотрит по сторонам, на телок пялится. Значит, ему это по нраву. Никому не мешает, деньги тратит, а большего и требовать незачем.

Компания Голяковой не отставала от общего веселья. Дамы в сопровождении Евгения то налегали на съестное и напитки, то перемещались на танцпол, где сбрасывали накопленные калории. Елена Николаевна практически не отрывалась от своего ухажера, а мужчина тискал ее почем зря. Кажется, на теле барышни не осталось ни одного места, которое он украдкой не исследовал.

Наконец, на столе, среди шампанского и вина, неожиданно показалась бутылка виски. Евгений щеголевато разлил напиток по небольшим рюмашкам, компания с дружным «ох!» опрокинула очередной тост.

Облегченно вздохнув, я потянулся всем телом и выключил камеру. Вискарь — условный знак. Значит, совсем скоро мужчина поведет барышню на выход, благополучно оставив подруг допивать бутылку. А я уже должен ждать снаружи, чтобы проконтролировать недолгое путешествие парочки.

Протолкавшись к выходу, легко добыл куртку из гардероба и выбрался, наконец-то, на улицу. Отголоски музыки слышались и здесь, но они не шли ни в какое сравнение с тем грохотом, что стоял внутри. Да и иллюминация уличных фонарей гораздо спокойнее, чем клубная светомузыка.

С наслаждением вдохнул свежий ночной воздух. Неторопливо отошел чуть подальше, укрывшись за ближайшим углом. Не то чтобы пришлось прятаться — просто встал чуть в тени, чтобы не маячить перед самым входом.

Аккуратно достав камеру, вновь присобачил устройство к ладони. Объектив устался на дверь клуба; едва заметно подмигнул синеватый индикатор — значит, запись пошла.

По сути, мне осталось запечатлеть самую малость: как новоявленная пара переходит улицу и скрывается в дверях отеля. Очень, надо сказать, удобно расположившегося отеля. Одного из тех, что сдают соответственно обставленные номера таким вот секс-парам, не задавая при этом постояльцам вообще никаких вопросов.

Как только Голякова с кавалером скроется за дверьми отеля, мое дело считай, что сделано. Дальше уж Евгений сам наснимает, что сочтет нужным. Наверняка будут фото неглиже, а потом и «ню», в исполнении подвыпившей барышни. В общем, полный комплект

компромата.

Они вышли минут через пять, причем кавалер покровительственно держал даму под руку. Мужчина выглядел вполне уверенно, да и Голякова, хоть и слегка «навеселе», отнюдь не казалась пьяной.

Вот и все, Елена Николаевна. Даже если изначально у женщины и были какие-то понятия о супружеской верности, сейчас они явно забылись. Поплыла, расслабилась, окончательно отдалась на волю ухажера. Теперь она, кажется, готова уже на все.

Что ж, тем проще будет нам всем закончить свою работу.

Елена Николаевна Голякова достала сигарету, кавалер галантно поднес зажигалку. Они стояли у выхода из клуба, не торопясь никуда уходить. Тихонько о чем-то переговаривались, курили, смотрели на проезжающие мимо автомобили. Евгений, по-видимому, развлекал даму, как мог: на улице то и дело слышался ее непринужденный смех.

Я продолжал съемку, тем более, что здесь это оказалось не в пример сподручнее, чем в клубе. Хотя вокруг уже давно царила ночь, но фонари и подсветка зданий легко справлялись с темнотой, создавая вполне сносное освещение. Да и следить за парочкой, ввиду отсутствия толпы, стало гораздо легче. Прислонившись к стене, я незаметно наблюдал, не забывая фиксировать происходящее на видео.

Евгений затушил сигарету, раздался смущенный вздох. Мужчина что-то проговорил и кивнул в сторону отеля, весело подмигивающего вывеской. Они вновь о чем-то посоветовались, женщина сопротивлялась скорее для проформы. Ее лицо вдруг сделалось серьезным, Голякова слегка нахмурилась и как-то воровато оглянулась, будто опасаясь увидеть за спиной мужа.

Не знаю, на что женщина рассчитывала с такой наивной предосторожностью. Заметить слежку она смогла бы, разве что, если бы я стоял в двух шагах. Да и то вряд ли поняла бы, кто я и что тут делаю. Так что, думаю, этот жест понадобился только для самоуспокоения, а не в практических целях.

Опять же, не сказать, чтобы я так здорово спрятался. Просто стоял в отдалении, в неприметном укромном месте. Не сразу и заметишь, если всерьез не всматриваться.

Оглядевшись и приняв, по своему разумению, все необходимые меры предосторожности, Елена Николаевна покорно кивнула. Мужчина, получив формальное согласие, тут же приобнял подругу, увлекая ее за собой.

Я проводил их перемещение камерой и размеренно двинулся следом, держась на приличном отдалении. Даже если Голякова оглянется еще раз, максимум, что увидит — одинокого бредущего по улице пешехода. А уж связать меня с наблюдением — точно не получится. Я даже специально сместился в тень, чтобы стать еще более незаметным. Не хотелось спугнуть жертву в самый последний ответственный момент.

Парочка перешла дорогу и быстро приблизилась ко входу в отель. На крыльце задерживаться не стали — сразу же нырнули внутрь, чтобы не отсвечивать лишний раз. Я старательно заснял их перемещения, а потом взял крупным планом вывеску отеля, чтобы можно было четко различить название, да и адрес — на всякий случай.

Подошел к дверям вплотную, все еще держа камеру наготове. Внутрь, конечно, заглядывать не стал — это точно было бы весьма подозрительно. Тщательно отснял табличку у входа; тяжелую, богато отделанную створку.

Вот и все. На этом видеосъемку точно можно заканчивать. Больше ничего интересного по плану случиться точно не должно. Вернее, интересного будет, конечно, очень много — но оно все внутри, в номере, наедине между романтической парочкой.

Так-с... Ну и какие у меня планы дальше? По идее, моя часть операции выполнена целиком и полностью. Видео я наснимал даже больше, чем необходимо, хватит на десять компроматов. Если выбирать отдельные кадры, то снимков будет более, чем достаточно,

с избытком.

А потому — камеру выключил и аккуратно убрал в карман куртки. Облегченно вздохнул и позволил себе несколько расслабиться. А потом как следует призадумался.

Что же делать дальше? Ловить такси и ездить восвояси домой? Пожалуй, тут оказалась моя недоработка: окончание операции мы с Евгением никак не оговаривали, не согласовали.

Сколько они пробудут в отеле? Никак не меньше нескольких часов. А может, и всю ночь до утра. Ждать их появления, вроде бы нет никакого смысла. Не нуждается сладкая парочка ни в охране, ни в присмотре.

Надо было предусмотреть какой-то знак что ли... Цветок в окне, как в лучших шпионских фильмах. Или анекдотах?

Одним словом, окончание операции никак и ничем не обусловлено. Как Евгений поймет, что нужно закругляться? Сам, конечно, сообразит — он-то поопытней меня будет. Но неплохо бы дать понять, что соблазнитель остался один, без прикрытия. Черт, да от кого я прикрывать-то собрался? Вот уж точно, комиксов перечитал.

А как он передаст снятые материалы? Через меня? Или сам подвезет в офис? Вопрос, конечно, насущный, но опять же — не слишком принципиальный. Так ли, этак ли — главное, чтобы карточка с видео оказалась у технарей. А уж они обработают все по высшему разряду.

В общем, как я ни крутил ситуацию в голове, выходило, что мне оставаться и ждать совсем не обязательно. Вернее, даже глупо. Потому что и ждать нечего, и никакой пользы от меня нет, скорее даже вред. Могут ведь счесть подозрительным криминальным элементом. И маячить перед входом в отель точно не стоит.

Повинуясь своей же безупречной логике, протопал дальше легким прогулочным шагом. Прошел метров пятьдесят, пока не оказался у небольшого перекрестка. Здесь от широкой улицы отделялась маленькая — даже не улочка, а не поймешь что: то ли придворовой проезд, идущий вдоль подъездов, то ли дублер проспекта с редкими отворотками.

Помедлил, все еще не в силах принять окончательного решения. В голове вдруг всплыло предостережение Андрея Андреевича. Не зря ведь он заострял внимание на том, что дело очень важное и нужно подойти к нему максимально ответственно. Вот и думай теперь: как это, ответственно? Ждать до утра что ли? Свечку стоять держать?

Прислушался к предчувствию и решил все же немного выждать. Немного — это до тех пор, пока не надоеет в конец. Подожду, пока совесть уснет, тогда и сам отправлюсь на боковую.

Приняв решение, неторопливо развернулся, дефилируя вдоль дома. Добрался до одинокой скамеечки, оценил место: видно и выход из клуба, и, краем глаза — вход в отель. Присел с самого бока, нахохлился, как воробей. И приготовился наблюдать.

Прошло десять минут, двадцать. Время ползло неумолимо медленно. По внутреннему хронометру — миновала целая вечность; по часам — кое-как прошел час.

Поскольку сидел без особого движения, стал заметно подмерзать. Хотя и весна, а ночи холодные. Морозец нагло пробирался под куртку, давая еще один повод прекратить все эти игры в шпионов.

Народу на улице становилось все меньше. Посетители клуба постепенно разбредались по домам. Большинство уезжали на такси, находились и любители пеших ночных прогулок. Заметил и одну парочку, резво переметнувшуюся все к тому же отелю — провести ночь без

обязательств. Вот ведь, симбиоз: наверное, клуб делает гостинице знатную долю выручки.

Наконец, я почуял, как глас разума уверенно заглушает попискивания замерзающей совести. Еще раз все взвесил и решил — ждать больше нечего и незачем. Никому ведь не будет лучше, если я заработаю воспаление легких? Так что... посижу еще минут пять — и сматываюсь!

По иронии судьбы, именно пяти минут и не достало, чтобы уйти спокойно.

Двери клуба распахнулись, выпуская на улицу очередную подвыпившую компанию. Шестеро молодых парней, громко горланя и разговаривая, весело двинулись по улице. Я провожал их сонным взглядом: ничего необычного, просто еще одна дружеская попойка.

Только вот эта команда мимо не прошла. Не знаю, сразу они меня заметили или только в процессе движения. Но как-то незаметно повернули в мою сторону.

А вот я, надо признать, в очередной раз сплоховал. Виной ли тому долгое бесплодное ожидание, или общая усталость. Одним словом, внимание притупилось, чувство самосохранения дало сбой. Ощущение чего-то неладного пришло, только когда что-то предпринимать стало уже поздно.

— Привет, чепушило! — возглас рявкнул над самым ухом, заставив меня нелепо подскочить.

Вспрыгнул на ноги, судорожно оглядываясь. Компания оказалась вся тут, в полном сборе. Стояли грамотно, полукругом, отрезая возможные пути бегства. Сразу стало понятно — не вырваться. Тут уж либо съехать на базаре, либо...

Мой подскок с лавки они восприняли с одобрительными смешками. Глядели оценивающе, с пьяной ленцой, даже можно сказать — жадно. Глазами истосковавшихся до крови волчат.

Самое обидное, что, судя по лицам — совсем молодые. Пожалуй, едва-едва стукнуло восемнадцать, а то и еще меньше. Зато ростом и шириной выдались знатно. Возможно, спортсмены; завсегда и какого-нибудь зала. Тот самый счастливый возраст, когда занятия в «качалке» можно без проблем совмещать с алкоголем и вечеринками до глубокой ночи.

— Ну чо? — слегка покровительственно поинтересовался обладатель пудовых кулаков и прически «ежика», — Помнишь, плечом меня задел, а? Теперь-то че не такой смелый?

Его товарищи одобрительно хохотнули, будто радуясь удачной шутке. Покопавшись в памяти, я моментально сделал вывод, что вижу всю компанию впервые. Если кого-то и задел, то только случайно. Впрочем, сейчас это не играет никакой роли. Ведь удар плечом — лишь повод. Да и весь разговор — не более, чем прелюдия к драке. Нелепая попытка оправдать последующее насилие.

Сделав шаг назад, уперся в стенку. Судорожно соображая, сжал кулаки. Бежать некуда, отступить дальше — тоже. Что остается? Принять неравный бой? Попробовать прорваться?

Ну почему это вновь случилось именно со мной? Как же хваленые правила безопасности? Неужто я притягиваю неприятности, сам нарываюсь? Вроде бы нет... Прокрутив события вечера назад, не могу припомнить ни одной серьезной оплошности. Ну, кроме, разве что самого посещения клуба. Но это работа, от нее не отвертеться.

— Чо, парень, язык проглотил? — угрожающе рыкнул второй мордоворот, становясь вровень с первым, — Ты там чо, в штаны наложил?

Он демонстративно принюхался, а вся компания заржала в полный голос.

Очень в эту секунду захотелось сказать нечто лихое и едкое, чтобы разом утереть всем нос. Такое-этакое — резкое, хлесткое, жесткое — чтобы все разом заткнулись. Чтобы стая

уличных гопстоперов понурила головы и пошла бы отсюда восвояси.

Только вот в голове ни одной умной мысли вообще не возникло. А язык, как назло, словно прилип к гортани. Да и в горле пересохло так, что любое слово вышло бы лишь бесполезным хрипом.

Короче говоря, стало страшно. Потому что я понял — будут бить. И чем сильнее станешь сопротивляться, тем серьезнее придет расправа. Можно, конечно, смириться; покорно принять с десяток-другой обидных плюх, да и отделаться разбитым лицом и попорченной честью... Только потом в зеркало стыдно смотреть.

Значит, драться? Один против шестерых — про честный поединок говорить не приходится. Даже если успею задеть одного или двух, остальные затопчут. Возможно, какой-нибудь мастер спорта по условному кикбоксингу раскидал бы всех... а может и нет. Все-таки драка на ринге, пусть по жестким, но правилам, и драка на улице, где единственное правило — выжить, это две большие разницы.

И навыки карате, тоже, кстати, вряд ли сильно помогут. Здесь не зал, не татами. Нет, ну если бы, конечно, хулиганы нападали строго по очереди, джентельменски ожидая, пока я отражу предыдущую атаку... тогда бы шансы были. Но что, если они бросятся всем скопом? А ведь именно так, скорее всего и будет.

Тренер всегда учил, что карате — искусство одного удара. В идеале поединок должен им начинаться, им же и заканчиваться. Один удар, разящий противника наповал. И, в общем-то, так оно и есть. Нужно только наработать этот удар, сделать его неотразимым. Ну и суметь нанести, конечно. Это тоже не так-то просто.

Интересно, что бы тренер сделал сейчас, в подобной ситуации? Хотя я почему-то уверен, что он вообще никогда бы не попал в такую засаду. Ну а если... Да по-любому бы всех раскидал! Бум, бум, бум — трое лежат. Оставшиеся, может, и вовсе не полезут. Ну а коль сунутся — им же хуже.

Или просто гаркнул на ребят — нечто грозное и громкое — они сами бы расступились. Сила она всегда видна, и заставляет себя уважать. Если, конечно, у противника есть в наличии хоть какие-то зачатки разума.

Жаль только, что я не тренер. Не достиг нужных вершин мастерства. Вот, кстати, и тренировку прошлую пропустил — был занят на работе. А зря, зря... вот оно как сейчас аукнется.

И в очередной раз отругал себя за то, что брожу по пустынным улицам без оружия. Впрочем, на этот раз у меня рациональное оправдание: в ночной клуб не пустили бы. Там на входе обыскивают довольно профессионально, хоть и не слишком тщательно. Но вот сейчас...

Сейчас родной кастет пришелся бы как нельзя кстати!

Люди, зачастую, преувеличивают убойную силу этого оружия. Но иногда и наоборот — преуменьшают. Правда, как обычно, где-то посередине. Достаточно попробовать ударить по кирпичной стене голым кулаком, а потом — кастетом. Сравнить результат и ощущения в руке. И сделать выводы.

Но чего нет, того нет. Да что там — кастет. Сейчас мне помог бы даже банальный газовый баллончик. Одно-двоих отвлечь, остальных смешать, растолкать — и ходу, ходу!

Но я пуст. Гол, как сокол. Остается рассчитывать только на силу кулаков и эфемерную удачу.

— ...похоже, он нас не уважает! — юный балбес с круглым красным лицом пришел, наконец, к закономерному выводу.

— Точно! — гыгыкнул ближайший мордovorот, потирая сжатый кулак, — Ну ничего, ща, исправим!

Он шагнул ближе, поворачивая тело для богатырского замаха. Его напарник страховал с другого бока. Да и вся компания подтянулась, жадно наблюдая за началом драки.

Напружинив ноги, я приготовился к прыжку.

— Стоять! — резкий окрик больно резанул по ушам.

Я вздрогнул, настолько неприятным оказался голос. Да и тон, которым это было сказано, не сулил ничего хорошего. Было в нем нечто... устрашающее. И это при том, что голос совсем не ставил своей целью запугать — получалось как бы походя, само собой. Просто тембр сразу давал понять, что непослушание будет приравнено к сопротивлению, а оно жестко пресечено и наказано.

Если во мне и имелся хоть какой-то боевой напор, то он моментально иссяк. Компания хулиганов тоже притихла. Все разом остановились, невольно опустив руки. Головы, как по команде, повернулись в сторону нежданного гостя.

Василий стоял, широко расставив ноги и грозно набычившись. И без того широкие плечи под покровом плаща создали иллюзию настоящей горы. Толстая короткая шея почти не видна из-под воротника. Зато отлично просматривается стриженная круглая голова с перекошенным лицом. Руки в карманах, злобный взгляд, не сулящий ничего хорошего, блуждает в поисках жертвы. Натуральная бандитская внешность заставляет невольно поежиться. Хищная ухмылка как бы говорит: сейчас я буду причинять боль...

— Ты кто... — начал было парень, но договорить не успел.

Презрительно сплюнув, детектив обратился к шпане с короткой оглушительной речью. Ни одного цензурного слова! Зато по напору и влиянию на умы с ней вряд ли что-то сравнится. Выражаясь крайне некультурно, с помощью грязных маргинальных эпитетов, мужчина в непреклонной манере предложил товарищам хулиганам как можно быстрее удалиться восвояси, пока они еще в состоянии держаться на ногах.

Не зря говорят, что все гениальное — просто. Вот они — те слова, что я безуспешно искал. Вот та интонация, та подача, что несет гораздо больше смысла, чем сама речь. И главное: нужно пересилить себя, опуститься до уровня собеседника. Говорить с ним на одном языке — только тогда есть шанс быть понятым.

— Ты чо... — опешил громила.

—;*%*#@&,, я сказал! — рявкнул Василий, резко вытаскивая руки из карманов.

В левой ладони оказался зажат тот самый кастет, об отсутствии которого я так сокрушался. Зато в правой...

Я отнюдь не знаток огнестрельного оружия, но отличить его способен. Не понятно только: откуда у Василия ствол? Насколько я знаю, разрешения на ношение у нас ни у кого нет, да и быть не может. Мы же не правоохранительные органы.

И тут как-то разом все отступили на шаг. Раздались удивленно-недоуменные возгласы разной степени испуганности. Ребята явно не ожидали такого развития событий.

Не теряя инициативы, Василий быстро сместился вперед. Рука влетела вверх, дуло уставилось в небо. Прежде чем кто-то хоть пикнул, оглушительно прогремел выстрел. А мгновение спустя пистолет уже смотрел в лицо ближайшему хулигану.

Тут страшно стало даже мне. Я вдруг уверился в том, что, случись такая необходимость, детектив перестреляет эту шпану, не моргнув глазом. Конечно, мне это только на руку, но проблем потом не оберешься...

— Э-э! Тихо-тихо! — «вожак» мордovorотов разом пошел на попятный, — Мы уходим...

— Сваливаем, Жорж! — поддержал его высокий шкет, пятясь назад, будто рак, — На такое мы не подписывались!

Озверело рыкнув, Василий резко шагнул вперед, слегка притопнув ступней. Это оказалось последней каплей — доморощенная банда рванула восвояси, только пятки засверкали. Детектив провожал их суровым взглядом, пока последний из шпаны не скрылся за поворотом.

Тогда мужчина спокойно распихал оружие по карманам и медленно обернулся ко мне.

— Ты как тут, стажер? Развлекаешься?

— Не пойми меня неправильно, я очень благодарен за помощь, — я мямлил, будто первоклассник на экзамене, — Ты меня спас... наверное. Но какого черта ты тут забыл? Только не говори, что случайно проходил мимо!

— Стреляли... — философски усмехнувшись, хмыкнул Василий.

Какое-то время я судорожно соображал, лишь потом смекнув, что это отсылка к советскому фильму. Потер лицо, стараясь успокоиться — сердце до сих пор колотилось, как бешеное.

Василий стоял рядом, как ни в чем не бывало. По его виду вообще невозможно было сказать, что произошло нечто нештатное. Что вообще хоть что-то произошло. На бандитской физиономии детектива застыла довольная гримаса самоуверенного спокойствия.

Он сунул руку в карман плаща, достал пакет ирисок. Одну тут же закинул в рот — начисто выбритый подбородок начал размеренные поступательные движения. Следующую конфету мужчина протянул мне.

— Держи, от нервов помогает, — негромко проговорил детектив.

— По тебе не скажешь, что ты нервничаешь, — раздраженно выдохнул я, освобождая ириску от фантика.

— Не, я курить бросаю.

И опять не поймешь — то ли шутит, то ли сказал серьезно. Лицо абсолютно не изменилось. Только разве что глаза еще больше прищурились.

— Так что...

— Батя велел присмотреть за тобой, — перебил Василий, демонстративно похлопав себя по карману.

— Зачем? — опешил я.

— Да кто ж его знает? — парировал коллега, — Как видишь, оказался прав. Это ж Батя... Он такого повидал, что нам с тобой и не снилось. Старая школа.

— В смысле? Что еще за старая школа?

Василий насмешливо осмотрел меня с ног до головы, сокрушенно качнув головой.

— Ну... ты явно не из старой школы.

— Почему это?

— Да хотя бы потому, что задаешь много идиотских вопросов.

Я тут же прикрыл рот, хотя на языке прямо-таки вертелись десятки невысказанных мыслей. Мужчина еще раз покачал головой, в его взгляде появилась нотка сочувствия.

— Не переживай, я тоже не из старой школы, — мягко сказал он, — Это... хм... люди совсем другие. Со стержнем что ли. С иным менталитетом, если угодно.

Пришлось кивнуть, хотя я ничего и не понял. Но не выставлять же себя дураком. Разглагольствовать про «старую школу» и другие философские материи можно и в более подходящее время. А сейчас есть вопросы поважнее.

— Так ты что, все время за мной наблюдал?

— Угу, — он сказал это так обыденно, будто речь шла о присмотре за трехлетним ребеночком.

А мне осталось только чертыхнуться сквозь зубы. Потому что, возомнив себя чуть ли не образцовым шпионом, умудрился не заметить банальный присмотр. А если бы следил не

коллега? А какой-нибудь маньяк?

— Классическая ошибка новичка, — безмятежно пояснил Василий, — Ты так сосредоточился на объекте, что смотреть по сторонам совсем позабыл. В какой-то момент я сидел за столиком прямо у тебя за спиной. Мог рукой по плечу похлопать, — детектив показал ладонь, имитируя прикосновение, — Но ты не расстраивайся, все так прокалываются поначалу. Прими к сведению, сделай выводы, намотай на ус. И постарайся в будущем быть повнимательнее.

Вот теперь мне точно осталось только сгорать от стыда, да досадливо вздыхать. Вот что бывает, когда безосновательно переоцениваешь собственные возможности. Мало того, что не заметил очевидной слежки, так еще и совершенно идиотским образом попал в переделку. Так что Василию пришлось вмешаться, чтобы выручить непутевого напарника.

И ведь простая по своей сути идея — если ты за кем-то следишь, значит кто-то другой, вполне возможно, будет следить за тобой. Но почему-то пришла это мысль только теперь, когда толку от нее совсем чуть. Прямо хоть напоминание в телефоне делай...

— А что это за черти были? — Василий задумчиво кивнул в сторону опустевшей улицы, — Чего не поделили? Сцепился что ли где-то?

Пожав плечами, я еще раз промотал в голове события сегодняшнего вечера. Ни в одной из сцен, хранящихся в памяти, не смог распознать лица хулиганов. По всему выходит, что если я их раньше и видел, то совершенно мимолетно, не придав этому никакого значения.

— Ты знаешь, нет. Такое ощущение, что вообще их первый раз вижу.

Детектив нахмурился, глядя туда, где скрылась давешняя компания.

— Бывает, — с каким-то сомнением проговорил он.

Недоверие Василия передалось и мне. Я тоже пялился на пустую улицу, стараясь осознать: что же это было? Неужели я настолько невезуч, что просто притягиваю неприятности?

— погоди, — буркнул вдруг мужчина, — А этот, долговязый... Что он такое вякнул?

— Э-э-э...

— Что-то вроде «мы на такое не подписывались»?

Я встретился взглядом с Василием. Закостеневшие мозги со стоном заворочались, взявшись переваривать новую информацию.

Что значит «не подписывались»? Их что, кто-то подписал? Надоумил напасть именно на меня?

Впрочем, кому я нужен? Не много ли чести? Гораздо проще все объяснить обычным течением обстоятельств и неисповедимыми путями молодежной шпаны.

— Знаешь, — выдавил Василий с крайне кислой физиономией, — Если бы кто-то захотел нас спровадить... Это вышел бы отличный отвлекающий маневр.

Мы почти синхронно обернулись в сторону отеля, вход куда с текущей позиции практически не просматривался. Помрачнев, будто туча перед грозой, Василий быстрым шагом направился к вывеске. Я семенил следом, стараясь собрать воедино разбегающиеся мысли.

Далеко мы не ушли — успели сделать едва ли с десятков шагов. Ночную тишь вдруг прорезали приглушенные хлопки. «Бум! Бум!» — словно кто-то со всей мочи долбит в здоровенный барабан. А потом, через секундную паузу, еще раз: «Бум!»

Признаться, я не сразу понял, что это за звук. Накатило какое-то отупение. Да и опыта в подобных делах не то чтобы много. Зато Василий среагировал мгновенно. Злобно чертыхнувшись, мужчина с места сорвался в бег. Мне ничего не оставалось, кроме как припустить следом.

Уже у самого входа в отель звук настиг с новой силой. «Бум!» — здесь грохот слышался гораздо явственнее, — «Бум!».

Только теперь до меня дошло, что звук весьма напоминает приглушенный грохот выстрелов. А доносятся они из-за дверей отеля. А в отеле Евгений и Голякова. А значит...

Додумать не успел. Впрочем, выводы напрашивались вполне очевидные. Если на Елену Николаевну ведет охоту маньяк... Возможно, только мое присутствие сдерживало его весь вечер от активных действий. Ему даже пришлось нанять парней, чтобы те переломали мне кости. А сам, получается, добрался до женщины...

Василий распахнул дверь с такой силой, что та чуть с петель не слетела. Мы ворвались внутрь тесного холла, где с трудом умещалась стойка ресепшена и журнальный стол с двумя креслами.

На нас со страхом глянула обильно намалеванная тетка внушительных габаритов, застывшая у прохода в фойе. Крашенные волосы, длиннющие ресницы, яркие полные губы — весь набор женских украшательств. Да и одета дамочка, несмотря на габариты, была весьма откровенно. Я бы сказал — с претензией на сексуальность. Тесная кофта едва скрывала громадный бюст, а из-под короткой юбочки напоказ вылезали громадные ляжки.

Увидев нас с Василием, она открыла рот, собираясь что-то сказать. Может быть даже — закричать. Но мужчина не дал такого шанса.

— Прочь! — рявкнул детектив с такой силой, что рот дамочки буквально захлопнулся, не успев издать ни звука, — И вызови полицию!

С грациозностью громадной мышки она юркнула под конторку. Более чем внушительные габариты барышни едва сумели укрыться за хлипкой стойкой. В ладонях, увенчанных длинными разноцветными ногтями, мелькнул телефон. Открылась дверь — спустя мгновение женщина уже исчезла в недрах подсобки.

Я одним прыжком преодолел фойе, в растерянности застыв перед развилкой. Одна дверь вела в длинный коридор по первому этажу; рядом красовалась пологая лестница вверх. Взгляд пробежался по ступеням, дверям, проходам — ничего необычного.

Не успел заметить, как Василий оказался у ресепшена. Мужчине хватило секундного взгляда в журнал, чтобы отыскать нужную информацию. Одним плавным движением он перенес тело через стойку, ледяной взгляд стрельнул по пролету лестницы.

— Двести пятый! — рявкнул детектив, разом оказавшись рядом со мной.

Я рванул первым, совершенно не задумываясь, что буду делать, когда достигну цели. В голове воцарилась пустота. Слабоумие и отвага, приправленная тревогой за подопечных — наилучший коктейль для того, чтобы кинуться с голыми руками на вооруженного противника. То, что мы слышали приглушенные выстрелы — сомнений нет никаких. Но что я буду делать, когда доберусь до нужного номера — таких мыслей почему-то не возникало. Казалось бы, совсем недавняя история с хулиганьем должна бы чему-то научить, но нет...

Не успел преодолеть и пары ступеней, когда на встречу по лестнице с громким стуком скатилось нечто черное. Показалось, что в меня просто бросили камнем. А в следующий миг на плечо упала рука Василия, крепкие пальцы ухватили за куртку стальными тисками.

— Ложись! — заорал он что есть силы.

Неодолимая сила рванула назад, так что я разом потерял равновесие. Запнувшись о собственные ноги, полетел сквозь холл, настоящей рыбкой ныряя за кресло. Василий швырнул меня с такой же легкостью, как огромный волкодав раскидывает несмышленных щенят.

Рухнул за кресло, больно ударившись коленом; голова едва не пропахала лбом по полу. Яркой вспышкой возникла мысль: «Зачем?!». Дальнейшие события послужили достойным ответом.

Рвануло так, что на несколько секунд я оглох. Дождь стальных осколков обрушился на злополучный холл, за мгновение превращая его в поле боя. Тяжелое кресло приняло на себя весь урон, предназначавшийся мне. Буквально волосами почувствовал, как нечто смертоносное проносится в считанных сантиметрах сверху. А потом на затылок обрушился тяжелый удар.

Не знаю, сколько провалялся без сознания. Должно быть, не больше нескольких секунд. Пришел в себя как-то резко, разом, будто кто-то щелкнул выключателем. Со стоном потрогал голову — на затылке ощутимо бугрилась наливающаяся кровью шишка. Рядом валялся внушительный деревянный чурбак — обломок от перил. Он-то, по-видимому и саданул по кумполу.

На ноги вскочил почти сразу, хотя, возможно, и не стоило так торопиться. Кровь резко бросилась в голову, мир слегка качнулся, прежде чем зрение сфокусировалось. Только теперь обратил внимание на противнейший тремор, появившийся в конечностях. Ноги еще худо-бедно держали, а вот руки трясло так, что пальцы ходуном ходили.

Теперь фойе действительно напоминало поле только что окончившегося сражения — такая тут царила разруха. Откуда-то из-за изрешеченной двери подсобки доносились истеричные женские повизгивания. В воздухе стоял неприятный горелый запах, вперемежку с целым облаком пыли. Где-то неприятным рефреном завывала сирена: то ли сработала пожарная сигнализация, то ли приближались машины экстренных служб.

Василий высился у лестницы. Где он сам укрылся от взрыва — ума не приложу. Однако, на мужчине не нашлось и царапины. Озабоченный тревожный взгляд пробежался по мне, удостоверившись — жив, здоров — и вновь уперся на верхние пролеты подъема.

Только сейчас до меня неожиданно дошло, что детектив, по сути, опять спас мне жизнь. Если тогда, с парнями, не столь очевидно... то здесь — практически стопроцентно. Если бы не Василий, я сейчас валялся где-нибудь в уголке, со смертельными стонами стараясь собрать собственные кишки из разорванного желудка.

Рыкнув по-звериному, Василий резко бросился вверх. В три прыжка преодолев внушительную лестницу, он скрылся в коридоре второго этажа.

Я бросился следом, справедливо решив, что если уж ему удалось, то и мне подавно ничего не угрожает. Правда, мой бег оказался не столь грациозным: ноги подвели. Едва не споткнулся на самой первой ступени, дальше пришлось скакать почти на четвереньках.

Второй этаж встретил развилкой: коридор уходил направо и налево. Не успел задуматься, как из одной отворотки выскочил Василий. С совершенно озверелой физиономией, не издав ни звука, он тут же скрылся в противоположном проходе. Выбор стал очевидным: я рванул за ним, стараясь не упускать спину более опытного товарища из вида.

Мужчина несся по коридору, на мгновение примыкая к дверным проемам. Я не сразу понял, что он высматривает нужный номер. Одна из створок приоткрылась, оттуда

высунулась испуганная растрепанная женская рожица.

— Тихо сиди! — на ходу рявкнул Василий таким тоном, что мне самому захотелось усесться.

Приоткрывшаяся дверь захлопнулась моментально. Детектив промчался вдоль нее, мимоходом засадив по створке кулаком, так что та тревожно загудела. Думаю, теперь из этого номера еще очень долго никто не высунется.

Не добежав до конца коридора считанные метры, Василий издал торжествующий рык: на двери красовался номер двести пять.

Он с ходу ударил ногой, снося дверь с петель вместе с худосочным замком. Тигром ввалился внутрь, моментально кинувшись обыскивать помещение. Я прыгнул следом, но тут же остановился, едва удерживая себя на грани паники.

Первое тело лежало почти у входа. Это был Евгений: полуголый, в одних штанах. Почему-то сразу бросился в лицо небольшой животик на выкате, волосатая грудь, яркий шрам от вырезанного аппендикса... В районе сердца на грудной клетке расплылись красными пятнами безобразные раны. Крови натекла целая лужа; такое ощущение, что вытекла вся, сколько было.

Ноги мертвеца нелепо подогнулись, одна рука лежала поверх тела. Остекленелый взор уставился куда-то в сторону. В том, что мужчина мертв, сомнений не возникало с первого взгляда.

Похоже, когда в номер вломился убийца, Евгений пытался защититься. И не будь нападавший вооружен, вполне возможно, что-то бы и вышло...

Не в силах сдвинуться с места, я медленно поднял взгляд. Второе тело лежало на кровати, раскинув руки и ноги «звездой».

Голякова была полностью обнажена, без нижнего белья. Голова повернута в сторону двери, на бледном лице застыла гримаса ужаса: глаза полуприкрыты, рот перекошен, губы разбиты в кровь.

Ее избивали? Одного взгляда на тело оказалось достаточно, чтобы сделать гораздо более страшные выводы.

Многочисленные кровоточащие порезы испещрили гладкую кожу. Синяки и кровоподтеки украшали некогда прекрасное тело. Мне показалось, что в одном месте виднелся даже ожог.

Женщину не просто били, ее пытали. Маньяк вновь использовал на жертве нехитрый арсенал садиста-недоучки: крушащие тумачи, болезненные порезы, ужасающие раны. А наигравшись, выпустил пулю в сердце.

Сделав над собой титаническое усилие, я перепрыгнул тело Евгения: обойти мертвеца сбоку не представлялось возможным. Едва держась на ватных ногах, подошел к широкой кровати. Кое-как проглотив ком в горле, провел ладонью по лицу женщины. Взглянул на руку — пальцы испачкались в чужой крови. Еще теплой крови.

Из смежной комнаты вывалился яростно сопящий Василий.

— Никого! — доложил он, вперившись взглядом в тела, — Ушла тварь!

Я кивнул, с трудом осознавая реальность. На полном автомате, не осознавая, что делаю, ткнул пальцами в сонную артерию. И, к своему величайшему удивлению, почувствовал ответный толчок.

Нагнувшись, прижался ухом к груди женщины. Василий замер, глядя на меня, как на помешанного. Да я и сам превратился в статую, стараясь уловить мельчайшее колебание

сердечной мышцы.

Есть! Редкий и очень слабый! Но пульс есть!

— Она еще жива! — заорал я, как безумный, — Сердце бьется из последних сил! А дыхания, кажется, нет...

Рывком подхватив подушку, сунул ее под шею женщине, запрокинув голову назад. Схватил рукой за лоб, одновременно пережав носовую полость. Преодолевая секундное омерзение, обхватил губами бесчувственный рот. Мощно выдохнул, стараясь отдать как можно больше воздуха в расправляющиеся легкие жертвы.

— Скорая!? Женщина с огнестрелом! — раздался голос из-за спины: Василий не терял времени, — Да! Еще жива! Но долго не протянет! Нужна экстренная помощь!

И он принялся надиктовывать адрес.

Я сидел в каком-то странном оцепенении-отупении. Физические силы истощились, а дух взирал на окружающее с полнейшим безразличием. Дышал тяжело, как после долгой гонки. Впрочем, практически так оно и было — делать искусственное дыхание очень тяжело.

Голякову забрала скорая, и, по крайней мере на тот момент, она все еще находилась в мире живых. Думаю, в этом есть часть и моей заслуги. Бригада скорой суетилась настолько быстро и сосредоточено, что мне, конечно, никто ничего объяснить не стал. Ясно одно — состояние женщины крайне тяжелое. Чтобы просто выжить ей придется приложить максимальные усилия. Не говоря уже о том, чтобы вернуться к нормальному существованию.

Полиции набежало — целое море. Вокруг одновременно бродили, работали, фотографировали, шуршали и разговаривали никак не меньше десятка разнообразных оперативников. Похоже, третье убийство за неполные две недели навело шороху. И теперь уже никаких сомнений в том, что это серия. Маньяк выбирает жертв не случайно. Они все как-то неуловимо связаны.

В какой-то момент в дверном проеме возник старший следователь Курдюмов. Хищный взгляд обежал место преступления, подмечая все детали; на лице Степана Васильевича появилось странное выражение — как будто он давно ждал чего-то подобного. И теперь, несмотря на всю трагичность ситуации, источает определенное довольство. Мол — ну вот, я же говорил!

Заметив Василия, следователь приветливо кивнул. Увидев меня — досадливо поморщился. Подошел, голова склонилась в мимолетном приветствии.

— Краугольников? — буркнул он, — Наслышан о твоих подвигах. Молодец. И это... сходи умойся. А то ты на вампира похож больше, чем на человека.

С трудом приподнявшись, я прошел в ванную. Скрипнул кран, послушно зажурчал теплый поток воды. Глянул в зеркало и ужаснулся: вся рожа красная; рот и вовсе перепачкан так, будто я чью-то кровь слизывал прямо из раны. Руки... не лучше. Пальцы покрыты засохшей коркой. Одежда — местами безнадежно перемазана.

Сунулся было мыть ладони, но не выдержал — наклонившись, подставил голову целиком под струю. Вода сбегала по волосам, падала вниз, булькала на затылке, потекла за шиворот. Ничего... даже приятно. Хотелось забраться в душ целиком. А лучше — в ванную. Эх, сейчас бы в баню! Чтобы смыть с себя все следы, выпарить даже частички воспоминаний о пережитых ужасах!

Долго и тщательно оттирался, с трудом добившись хотя бы относительной чистоты на

физиономии. Перепачканную одежду, похоже, снова придется выбрасывать. Кажется, я начинаю понимать, почему в агентстве такая существенная зарплата: львиную долю придется потратить на новые шмотки!

Выбрался из санузла немного освежившимся; соображалка кое-как пришла в подобие нормы. Обвел происходящее мутным взглядом, не понимая, куда податься теперь.

Василий о чем-то беседовал с Курдюмовым. Они стояли чуть в стороне, говоря в полголоса. Заметив мое появление, детектив кивнул и шагнул навстречу. Следовательно, обернувшись, вяло махнул рукой.

— Пошли отсюда, — мрачно буркнул Василий, подхватывая под локоток, — Показания я дал, сегодня нас мучить больше не будут. Зато потом... — он с досадой поморщился, — Не обольщайся. Будешь ходить в отделение с докладами, как на работу.

Мы спустились по лестнице, наблюдая везде одну и ту же картину: оживленно суетящихся людей. Кто-то собирал осколки, кто-то фотографировал повреждения. Пухлой барышни, кстати, нигде не заметил. Наверное, уже увезли — то ли в больницу, то ли в отделение.

Василий вывел на улицу; я оторопело прислонился к фонарному столбу, переживая приступ слабости. Вокруг теснились машины экстренных служб — так, что не протолкнуться. Мерцающие мигалки еще больше усиливали ощущение сюрреалистичности.

— Вызову такси, — буркнул детектив, доставая смартфон, — Только давай отойдем чуть подальше...

Мы выбрались из скопления автомобилей, неторопливо продефилировали половину квартала. В голове стояла такая пустота, что я почти с радостью ухватился за первую попавшуюся мысль.

— Хорошо, что нас обыскивать не стали, — с идиотской улыбочкой прошипел я, — А то, загребли бы прямо щас...

Василий непонимающе посмотрел исподлобья.

— Ты это о чем?

— Ну, у меня камера. А у тебя — пушка, — воровато оглянувшись, прошептал я.

Теперь детектив снисходительно покачал головой.

— Ты чего, Саня? — мягко спросил он, вытащив ствол из кармана, — Это же обычный пугач...

И тут меня накрыла волна дурацкого истерического смеха.

На этот раз Батя был в ярости. Он не бегал, не топал ногами, не кричал и не рвал на себе волосы. Все эти театральные проявления эмоций ему не подходили. Мужчина казался невероятно суровым, собранным, жестким. Но скрытый внутри гнев пугал гораздо больше обыкновенной необузданности.

Андрей Андреевич сидел за столом в собственном кабинете. Мужчина выглядел мрачнее тучи, на суровом лице застыла маска мрачной сосредоточенности. На меня демонстративно не смотрел, делая вид, что занят чрезвычайно важным делом — переключением бумаг из одной стопки в другую.

Между тем, я замечал следы напряженной внутренней борьбы. Кулаки шефа то и дело сжимались, желваки ходили ходуном, губы сплюснулись в тонкую линию, брови сошлись к переносице, глаза недобро сощурились.

Он словно готов был взорваться в любой момент, но, проявляя чудеса самообладания, сдерживал себя от безумных криков.

Не могу сказать, было ли это напряжение натуральным или наигранным — но жути затянувшаяся молчаливая пауза нагоняла гораздо больше, чем тысячи слов. Босс словно давал понять, какая сущая малость отделяет меня от... от чего?

— Ну что, так и будем молчать?! — Андрей Андреевич поднял глаза, болезненно прожигая взглядом, — Нечего сказать в свое оправдание?

Я открыл было рот, чуть подумал — и захлопнул обратно. Все равно разбор полетов еще не перешел в конструктивную фазу. Что ни скажи сейчас — все зря. Надо дать человеку выкрикаться, выплеснуть праведный гнев. А уж потом приводить рациональные доводы.

— Ну так что, Александр Сергеевич! Будьте добры объясниться! — грозно отчеканил Батя, переходя на «вы», — Я что, поручил вам нечто невыполнимое? Какую-то миссию на грани невозможности? Нечто, требующее сверхспособностей?

Он уставился прямоком мне в глаза, терпеливо дожидаясь ответа. Я с отчаянием понял, что дальше отмолчаться не получится.

— Я стажер... — жалкая попытка откреститься от ответственности.

— Прежде всего, ты — мужчина! — рявкнул Андрей Андреевич, — Твоя обязанность — защищать! Не только доставать с того света — тут, надо отдать должное, справился — но и предотвращать! И думать, думать! Голова тебе дана не только чтобы в нее есть! Я хочу знать, почему мой лучший оперативник погиб! А на тебе — ни царапины!

Тяжело вздохнув, понуро опустил голову. Елену Николаевну Голякову врачам удалось таки спасти. А вот Евгений... нет его больше. Не знаю, был ли он действительно лучшим, или Батя сейчас говорил в запале... Но определенную часть вины на себе я все же ощущал. Впрочем, перебирая события того вечера, так и не смог для себя определить — где же именно допущена роковая ошибка.

— Я никогда не работал... против убийц.

— Никто не работал! — шеф в сердцах хватил кулаком по столу, да так, что все его содержимое подскочило на добрую ладонь, — Не надо мне тут рассказывать, какой ты бедный-несчастный!

— Не хватило опыта, — я угрюмо продолжал гнуть свою линию, — Вероятно, маньяк наблюдал за Голяковой весь вечер... как и я. Он догадался, что за женщиной

присматривают...

— Да тут уж к гадалке не ходи!

— И не стал нападать в людном месте. Потом, когда объекты переместились в отель... натравил на меня подростков...

— Их уже опрашивают, — буркнул шеф, постепенно остывая, — Правда, без особых результатов.

— Отвлекающий маневр... я не ожидал такого... Просто не хватило опыта.

Андрей Андреевич тихонько чертыхнулся, будто выговаривая невидимому собеседнику.

— Не надо мне рассказывать про свою неопытность, — угрожающе прошипел мужчина, — Я все о тебе знаю! Понаслышан! И о твоей службе в армии! И о приключениях в Кандагаре. И про городскую вендетту — все здесь, — он похлопал ладонью по кипе бумаг, — Иначе мы вообще бы не разговаривали! Иначе и ноги бы твоей в агентстве не было!

Пришлось пристыженно замолкнуть, борясь с внутренними демонами. Хотя и постарался не подавать вида, но удивился знатно. Ибо Батя сейчас упомянул о тех эпизодах, коими я никому не хвастался. Не те это подвиги, чтобы трубить о них на каждом шагу. Вот только — откуда информация у Андрея Андреевича? Неужто по каким-то секретным каналам?

— Иногда мне кажется, что вокруг — сборище идиотов, — уже гораздо спокойнее заявил шеф, — И чтобы гарантировать результат, нужно за любую работу браться исключительно самому. Но я не могу разорваться, понимаешь? — он уставился на меня, будто главный герой какой-нибудь трагикомедии, — Не могу!

Помолчали. Батя вновь взялся за раскладывание бумаг; я все также сидел, понуриив голову.

— И дело ведь не в каких-то особых навыках, а в обычной соображалке! — вновь вспыхнул Андрей Андреевич, но как-то быстро сник, — Ладно, давай пошаговый доклад. Разберем твои ошибки.

Я начал рассказ заново, будто бы не излагал его перед этим уже раз десять. И Андрей Андреевич слушал с таким вниманием, словно перед ним на столе не лежал тщательно изученный рапорт с моими донесениями. Но, надо отдать должное, теперь Батя не просто слушал — перебивал. И заставлял краснеть своими вопросами.

— Почему не заметил слежку? — резко поинтересовался он, — Это же первое, чему учат в... да где угодно!

Ответить на это мне было нечем. Про «детскую» ошибку уже Василий объяснил, да что толку теперь, задним числом. И пусть такую оплошность допускают все... но не все платят за нее жизнью напарника.

— А ты что? Уставился в одну точку, а про другое и знать позабыл? Как осел, перед носом которого морковкой помахали!

Помолчав для солидности, тихо продолжил рассказ. Но уйти далеко в повествовании не успел.

— Почему не проверил отель? — сурово перебил Батя, — А вдруг маньяк ждал бы там?

Тут он, если разобраться, не совсем прав. Нельзя объять необъятное. Бросился бы проверять номер — оставил бы парочку без присмотра в клубе. По итогу то на то бы и вышло. Разве что привлечь еще людей. Но... на тот момент дело не казалось настолько сложным. Не вдесятером же за одной дамочкой бегать?

Впрочем, говорить об этом сейчас бессмысленно. Тут уж шеф сношает больше для проформы, а не по действительной надобности. Пройди все гладко — о таких оплошностях никто бы и не заикнулся. Но не прошло...

— Почему не проводил до дверей? — не унимается босс, — Ты с Голяковой глаз не должен был спускать!

И тут Батя не совсем прав: все же нужно еще и блюсти режим скрытности. Вряд ли Елена Николаевна вела бы себя столь раскованно, если бы поняла, что за ней наблюдают. А я, как ни крути, не обладаю навыками ниндзя, чтобы оставаться незаметным, находясь прямо перед глазами.

— Дальше, — сурово чеканит Андрей Андреевич, — Что за история с нападением? Откуда взялась эта шпана? Почему не удалось избежать конфликта? Саша, ты ведь уже не мальчик, чтобы влезать в подобные разборки!

Вот тут, конечно, шеф правильно сказал. Не имел я права расслабляться, тем более — попадать в окружение уличных хулиганов. Слишком рано выключился из операции; решил, что дело уже сделано.

— Мало того, что попал в переделку, едва не стоившую самому жизни, так еще и Василия отвлек! Он был вынужден вмешаться, чтобы спасти твою шкуру от побоев!

Это правда, и крыть тут нечем. Очень глупо вышло. Если не сказать — по-детски.

— Почему ты оказался без оружия?! — яростно выкрикнул шеф, — Банальный баллончик или шокер? — он выхватили из выдвижного ящика тазер, помахал у меня перед глазами, — Неужели мозги совсем не работают?!

Электрошокер отправился обратно в стол, босс тяжело дышал, раздувая ноздри.

— В клуб не пускают с оружием... — пристыженно пробормотал я.

— Ты что, идиот?! — рявкнул Батя, — А оставить у охраны не судьба?! Для чего, по-твоему, у них оборудованы камеры хранения?

Мда... Об этом точно не подумал. Никогда не пользовался, вот и забыл, что подобный сервис вообще есть. Чертовски глупо получилось.

— И, наконец, последнее, — шеф раздраженно вытянулся в кресле, — Почему не контролировал выходы из отеля? Ты понимаешь, что мог бы схватить негодяя? Или предотвратить нападение? Хотя бы рассмотреть убийцу — и то польза была бы! А что мы имеем в итоге? Неизвестный маньяк легко проникает в номер отеля, обманув слежку; убивает тренированного детектива, пытается и едва не отправляет на тот свет женщину. И уходит. Легко и непринужденно. Так, что даже никто не заметил, откуда он появился и куда делся. Не находишь все это слегка странным?

«Слегка», пожалуй — слабо сказано. Все это *очень* странно. Так, что даже кажется невероятным. Убийца, с одной стороны, действует с какой-то излишней нерациональной жестокостью, будто настоящий буйнопомешанный. С другой стороны — орудует, как настоящий профессионал, знающий, что и как нужно делать. Определенно, у него должна быть весьма специфическая подготовка, чтобы повернуть несколько смертей с такой легкостью.

— Одним словом, вся операция — ошибка на ошибке! — подводит черту Батя, — Можно писать хрестоматийное пособие «как не надо делать дело»! Очень плохо, Александр. Оценка — неудовлетворительно!

Он разочарованно отвернулся, словно больше не желая разговаривать. Но у меня еще есть вопросы, поэтому терпеливо жду. Жду, пока на меня снова обратят внимание.

Минут пять шеф шуршал бумагами, делая вид что чрезвычайно занят. Я сидел, угрюмо насупившись. Смотрел исподлобья на его возню, упрямо не желая покидать кабинет. Наконец, он воздел хмурый взгляд, словно случайно вспомнил о моем существовании.

— Ну что еще?! — гаркнул Андрей Андреевич, отодвигая кипу документов.

Ничего, пусть себе бесится. Теперь все на взводе. Не каждый день гибнет коллега. Но мне нужно кое-что выяснить. Иначе так и буду себя чувствовать не в своей тарелке.

— Почему вы ничего не сказали про Василия? — спросил тихо, но вполне уверенно, — О том, что кроме меня в операции участвует кто-то еще?

Откинувшись в кресле, Батя изобразил кривую недобрую усмешку. Его руки легли на живот, пальцы скрестились в замок. Всем видом мужчина изобразил крайнее неодобрение.

— Честно говоря, я думал, что ты сам в состоянии провести простейшую операцию, — отчеканил босс, — Без серьезных ошибок! Но... поскольку уже тогда дело виделось довольно важным, я решил подстраховаться. Отрядил Василия, чтобы он проконтролировал стажера, гарантировал благоприятный исход. Да как видно — зря понадеялся! Расслабились оперативники, засиделись на кабинетной работе!

Он щелкнул пальцами, задумчиво глядя куда-то в пол. Продолжил говорить, будто рассуждая сам с собой.

— Ну ничего... Сейчас всех отправлю на внеочередную проверку. Вы у меня побегаετε! Попрыгаετε! Научитесь действовать безошибочно. А потом тест — приму лично! И кто не сдаст... вплоть до увольнения!

Я невольно вжал голову в плечи. Плохое начало карьеры. Выходит, мой неудачный дебют выйдет боком всей конторе. Как бы потом коллектив не начал искать виноватых...

— Василий меня спас, дважды, — тихо выдавил из себя, — Он действовал правильно...

— Хватит! — Батя отмахнулся с кислой физиономией, — Я сужу не по действиям, а по результатам! А результат у нас... плачевный! И с Василия, уж поверь, я спрошу отдельно — по всей строгости! Он, все-таки, давно уже не стажер; с него и спрос особый. Так что не переживай — воздастся всем!

Возразить тут особо нечего. Я скупно шмыгнул носом, из легких вырвался протяжный вздох.

— Пойми одно, парень, — Андрей Андреевич наклонился вперед, заговорив теперь вполне спокойным, проникновенным тоном, — Простейшая с виду операция оборачивается полнейшим провалом. Убийством. И это третья смерть в серии! Мы бессильны, полиция в полнейшем раздрае! Понимаешь, что это значит?

Честно говоря, не особенно. Но Батя и не ждал ответа. Он продолжил говорить, будто репетируя заранее заготовленную речь перед важным выступлением.

— Кто-то затеял очень серьезную игру, — мрачно продекламировал шеф, — Этот кто-то водит за нос полицию, не гнушаясь, при случае, и щелкнуть по этому носу. А нас и вовсе выставляет полнейшими идиотами! Это пощечина. Удар под дых. Вызов. И я пока не вижу, что мы можем ему противопоставить. Мы отстаем, причем серьезно — на несколько шагов. Убийца жив и здоров, он на свободе, готов к дальнейшим действиям. А мы — не знаем ни кто он, ни как выглядит. Черт возьми, мы не догадываемся даже о мотивах! Скажем так, агентство — в глубокой заднице.

Не сказать, чтобы услышанное повергло меня в глубокий шок — к чему-то подобному я,

в принципе, был готов. Но и абсолютно безучастным высказывание Бати не оставило. Все-таки новая работа мне нравилась... пока что. Да и самолюбие оказалось задето. Как это так — меня обвели вокруг пальца, словно трехлетнего мальчика.

Впрочем, гамма чувств внутри бушевала довольно обширная; уязвленная гордость — отнюдь не самое сильное из них. Сюда же примешивался стыд за проваленную работу. Хотя с точки зрения закона я невиновен, но, как ни крути, часть ответственности за смерть Евгения лежит и на мне. Не знаю как, но должен был предусмотреть подобный расклад. Предусмотреть — и предотвратить.

Но еще больше внутри бушевал хорошо знакомый страх. Банальный и вполне осязаемый страх за собственную жизнь. Уже понятно, что убийца действует профессионально, дерзко и безжалостно. Что ему стоит умертвить еще одного детектива? Или, к примеру, стажера? Внезапно вставшего на пути...

Я уже встречался с этим ужасом раньше. Не могу сказать, что это приятное чувство. Проснулся древнейший из инстинктов — самосохранения — и дал о себе знать по полной программе. Такой страх вяжет мышцы, делает ватными ноги, лишает движения точности и размеренности. А из головы и вовсе выгоняет все мысли, кроме одной — убежать восвояси и спрятаться так, чтобы никто никогда не нашел! Но лишь борясь с темным ужасом и побеждая его — становишься мужчиной. И больше того — человеком.

Андрей Андреевич смотрел на меня с предельным скептицизмом, поглаживая ладонью чисто выбритый подбородок. Его взгляд — строгий, оценивающий, взвешивающий — вызвал неприятную оторопь. Будто я вещица на рынке, которую осмотрели со всех сторон, взвесили, вывернули наизнанку — и теперь торговец готов вынести свой вердикт, огласить цену.

— На счет тебя... Признаться, меня гложут большие сомнения, — мрачно изрек Батя, не меняя позы, — Вроде бы всего лишь стажер... но проштрафился по полной.

Он протер лицо руками и как-то встрепенулся, видимо, приняв решение.

— Не увольняю... пока. Но и на улице тебе работать нельзя, — Андрей Андреевич выдал безапелляционный вердикт, — Посидишь в офисе, за бумагами. Пока не научишься... делать все правильно!

Я уныло скосил взгляд куда-то в сторону рабочего места.

— И что же мне делать?

— Что? — босс не задумался ни на секунду, — Возьмешь на себя составление инструкций.

— Каких еще инструкций?

— На все случаи жизни, — не терпящим возражения тоном закончил Батя.

Пришлось кивнуть и отправится восвояси с удрученным видом. До последнего надеялся, что шеф окликнет, остановит. Сменит гнев на милость. Но нет — не случилось. Наказание осталось в силе. Причем, наказание довольно бессмысленное, в стиле — копать отсюда и до обеда.

Впрочем, в моих руках вдохнуть в рутину капельку осознанности. Человек — это вообще такая животина, что любому действию придумает какой-нибудь скрытый смысл и резон. А тем более, если это в твоих же интересах.

Рабочий день едва приблизился к своей середине, в офисе царила удивительная тишина и спокойствие. Детективы-аналитики разбрелись кто куда. Некоторые, может, и вовсе еще не появлялись. Другие успели исчезнуть, чтобы не попасть под горячую руку Бати. Видимо,

ни у кого не возникло желания отхватить порцию нравоучений «за компанию».

Уселся в кресло, ноги расслабленно вытянулись под столом. Ткнул в кнопку на системном блоке, комп мигнул и еле слышно загудел вентиляторами. Спустя пару секунд на экране появилась приветственная картинка.

Покопавшись в памяти, вбил в поле нужный пароль. Но прежде чем налаживать электронную жизнь, решил все же разобраться с реальностью.

С тяжелым вздохом взялся за стопку бумаг, сиротливо высившуюся на столе. Взгляд пробежался по первому листку — в сторону. Второй — в другую.

Взялся за сортировку макулатуры. Что-то прямо сейчас — подписать и в дальний ящик стола. Что-то требует более пристального внимания — изучить, сохранить, принять к сведению. И, наконец, самые неприятные экземпляры — всякого рода анкеты, опросники и прочие бланки, требующие не столько умственной работы, сколько монотонной писанины. Набралось их — из этой третьей категории — предостаточно. Штук десять, наверно.

Разделив бумаги по стопкам, взялся за самое сложное — заполнение отчетности. Хочешь не хочешь, а делать все равно придется. Так что, мой выбор — сначала самое трудное. Остальное, не слишком обременительное, оставить напоследок.

В общем, с бумагами провозился часа два. Пока все заполнил, пока разнес по нужным отделам — за печатями да подписями. Так пол дня и пролетело. Потом позволил себе неторопливый размеренный обед, не выходящий, однако, за разумные временные рамки. И только после всего вновь уселся за комп.

Здесь тоже пришлось сначала навести порядок. Какая-то часть документов нуждалась в создании электронных копий — отправил их на сканирование. Некоторые бланки вообще имелись лишь в виртуальном варианте — заполнил и разослал. Наконец, на диске рассортировал все файлы по подходящим директориям. Теперь, спроси кто, навскидку смогу назвать — где и что находится.

Только хотел немного расслабиться, как прозвучало уведомление с электронной почты. Скрипя сердце открыл — так и есть, ценные указания от начальства. А точнее — список инструкций, которые ну просто совершенно необходимо составить. Включая «Инструкцию по ведению скрытного наблюдения», «Инструкцию по скрытой видеофиксации» и «Инструкцию по технике безопасности в людных местах». В общем, список на тридцать с лишним позиций. А внизу говорящая приписка: «После составления — мне на проверку. АА.»

Глядя на список, как-то взгрустнулось. А ведь Батя вполне серьезно решил за меня взяться. Инструкции эти, думаю, ему нафиг не нужны, но вот загрузить работой, да так, чтобы мозги кипели — это да. Чтобы, так сказать, самостоятельно проделал всю работу над ошибками, да еще в письменном виде.

Переборов апатию, запустил текстовый редактор. Новый файл, заголовок... Руки поудобнее легли на клавиатуру, пальцы ударили по кнопкам.

«1. Никогда не воспринимайте задание, выданное начальником, буквально. Скорее всего, он хочет от вас совсем не то, что говорит...»

Три дня промелькнули почти незаметно, по накатанной схеме. Я приходил на работу, запускал компьютер. Пальцы привычно барабанили по клавиатуре. Спустя энное количество килознаков делал перерыв на обед. Затем — следующая порция графоманства. И так до вечера, пока рабочий день не завершится.

Из-под моего виртуального «пера» выходили такие перлы, как «Организация взаимодействия сотрудников с целью обеспечения их наилучшей безопасности» и «Особенности и правовые нормы оборота оружия». Но самый любимый документ, куда я, похоже, вложил всю душу, назывался «Инструкция по взаимодействию и разрешению конфликтов с полукриминальными элементами». Вот уж где пришлось расстараться на славу...

Все завершённые файлы я старательно корректировал и отсылал Андрею Андреевичу на ознакомление. Впрочем, ответ не пришел ни разу. Никаких комментариев, никаких отзывов — ни ругательных, ни хвалебных. Читал ли он мои творения? Хотя бы открывал? Далеко в этом не уверен.

Тем не менее, работа спорилась. Я уверенно приближался к завершению первой трети списка и даже всерьез стал рассчитывать расправится с ним до конца следующего месяца. А там, глядишь, Батя остынет. И даст более «творческое» задание.

Как ни странно, но я довольно быстро привык к подобному распорядку. Монотонная повторяющаяся работа, не требующая больших умственных и физических усилий — она даже приятна в определенной степени. Не нужно никуда бежать, напрягаться. Всегда уверен в сегодняшнем и завтрашнем дне. Можно составить четкое расписание и безукоризненно ему следовать. Никаких неожиданностей. Спокойствие, целеустремленность, предсказуемость. И скука.

Я привык к тому, что зачастую сижу в офисе в гордом одиночестве. Прочие «аналитики» появлялись и исчезали без всякого расписания, будто свободные художники, находящиеся в беспрестанном творческом поиске. Непонятно, делают ли они вообще хоть что-то... И как их контролируют. За мной, кстати, тоже никто не приглядывал. В открытую, по крайней мере. Но я в любом случае старался не злоупотреблять оказанным доверием. Ведь я пока всего лишь стажер.

Пару раз на рабочем месте появлялся Василий. Мы здоровались, общались — с его стороны я не заметил никакого негатива. Поговорили, как ни в чем не бывало. Правда не долго. Он забежал, разбросав по столу бумаги, и снова скрылся, не утруждая себя бюрократической волокитой.

Однажды почтила своим присутствием Диана. Продефилировала меж столов, как настоящая царица, одарив меня слегка высокомерным взглядом. Впрочем, пообщались с ней вполне по-приятельски. Во всяком случае никакого пренебрежения от нее я не увидел. Она расспросила о моих успехах. Хмыкнула, узнав о списке инструкций. Пожелала удачи в нелегком деле освоения профессии. И, изящно махнув ручкой, скрылась. От красотишки осталось только приятное воспоминание да будоражащий запах парфюма.

С прочими коллегами не общался — как-то не довелось. Лишь наблюдал, как они приходят и вновь удаляются восвояси.

Был там один мелкий, юркий, передвигающийся чуть ли не бегом. Про себя я окрестил

его «Проныра». Не особо-то понравился — какой-то скользкий, суетливый, хитрозадый.

Другой, словно в противовес — высокий, под два метра, зато тощий, как спичка. Подпольная кличка «Каланча». Вышагивал всегда степенно и представительно. Я бы даже сказал — манерно. И было что-то в его движениях... «не такое». Наводящее на мысли о нестандартной ориентации.

В общем, я больше разглядывал. И невольно фиксировал проходящих и уходящих. Каждому выдавал условную кличку, каким-то образом соответствующую манерам и образу. Так в моем мысленном списке появились «Бегемот», «Знайка», «Болтушка», «Крендель» «Выскочка». Целый зоопарк, одним словом.

Батя своим присутствием не баловал. А если и появлялся, то на меня вообще не обращал внимания, будто я пустое место. Обидно, конечно, ну да ладно. Хоть не ругает — и на том спасибо.

Точно такой же день предстоял и сегодня — обычный, ничем не примечательный. Заявился в офис с утра пораньше, перекинулся парой слов с Юлей, да так и брякнулся на привычное место. Машинально отметил, что кабинет шефа пуст. Смерил взглядом пространство офиса — никого. Лишь безотказные ибепешки подмигивают из-под столов.

Стартанул комп, началась привычная писанина. Очередная никому не нужная инструкция по жизненно важной теме. Изредка приходилось сверяться с интернетом, копипастя некоторые куски из свободных источников. В остальном — ничем не примечательное утро, практически не отличимое от предыдущих.

Сегодня в офисе было на удивление малоллюдно, пустынно, даже по меркам агентства. Словно все сговорились взять выходной. Или, напротив — именно в этот день, как по заказу, случилась важная полевая работа.

Единственный, кто мелькнул, да и то эпизодически — «Бегемот», тучный лысоватый мужчина лет пятидесяти. Он появился совсем рано, пошуршал бумагами за своим столом, и, глянув на меня как-то сочувственно, скрылся восвояси.

Ничто не предвещало беды. Я работал не покладая рук, а вернее — пальцев. Набил, наверное, страницы три, не меньше. Уже подумывал закончить текущий документ, когда краем глаза заметил у входной двери некую суету.

Там, принужденно улыбаясь, вытянулась стрункой Юля — миловидная блондинка-секретарша, будто сошедшая из энциклопедии заезженных штампов. Она казалась какой-то непривычно напряженной: приглашающий жест рукой выглядел так, будто его сделал не живой человек, а пластиковая кукла.

В дверной проем вошел гость. Я повернул голову и рассматривал посетителя во все глаза, без всяких зазрений совести. Еще бы — он-то до поры до времени меня увидеть никак не мог.

Статный мужчина, чуть выше среднего, явно с небольшим избыточным весом, о чем недвусмысленно намекает выпирающий живот. Впрочем, ширина плеч и размах рук говорит о немалой силе, характерной для данного телосложения. Голова большая, овальная, с копной растрепанных волос, где легко прослеживались вкрапления седины.

Лицо... незамутненное. Необремененное мыслью, я бы сказал. Большой лоб, глаза на выкате, незаметный нос и чуть приоткрытые губы. Подбородок на удивление маленький, розоватые щечки надуты от чувства собственного величия. Весь облик незнакомца как бы говорил о невеликих умственных способностях. Впрочем, данное впечатление бывает ой

каким обманчивым. Так что расслабляться не стоит. Потому как явных идиотов в людях его профессии не бывает.

А профессиональная принадлежность гостя не вызывала у меня никаких вопросов. Ибо он был облачен в форму, при погонах, на поясе даже болталась штатная кобура с торчащей рукоятью. Как будто ему здесь и сейчас могло понадобиться табельное оружие. Хотя... вполне возможно, это просто привычка.

Блондинка повела рукой в мою сторону, неизвестный полицейский шагнул вперед, браво чеканя шаг. При виде пустующего офиса на лице представителя власти не отразилось ни малейшего сомнения. Так эта странная парочка пересекла длинное помещение — на мгновение я даже понадеялся, что меня не заметят. Но нет, не повезло.

Юленька ухватила гостя под локоток и прямо подвела к моему столу.

— Вот, знакомьтесь, Александр Сергеевич Краеугольников, — каким-то деревянным заискивающим тоном доложила девушка полицейскому, — Наш новый сотрудник. Он-то вам все и покажет!

Она зыркнула на меня, сделав страшные глаза. Увы, телепатии я до сих пор не обучился, а потому значение этого жеста осталось за гранью моего понимания. Но пришлось все же подняться на ноги и пожать протянутую руку.

Несмотря на лишний жирок, ладонь незнакомца оказалась на удивление крепкой и цепкой. Его взгляд охватил меня целиком, сразу составив какое-то свое, сугубо прикладное мнение.

— Старший оперуполномоченный, Седов Дмитрий Иванович, — коротко представился посетитель, — Прибыл для проведения внеочередной инспекции. Возражения имеются?

Возражений у меня не было. А если бы и были, уверен, они тут же отправились бы в страну проигнорированных. Единственное, на что я осмелился — попросил предъявить документы.

Юля совсем побледнела и медленно попятилась назад.

— Ну, я вас оставлю, — мило и чуть испуганно пролепетала она, — Саша тут сам все знает...

Она смешно засемила ногами и резво выпорхнула прочь из офиса. Седов приподнял брови, чтобы продемонстрировать крайнюю степень удивления.

— Сразу видно, что вы новичок, — констатировал полицейский, доставая, тем не менее, удостоверение.

Пока я изучал корочки, Дмитрий Иванович не отказал себе в удовольствии произнести целую речь на тему сотрудничества частных детективов и органов правопорядка. Суть ее сводилась к тому, что у нас в стране прав тот, у кого больше прав. А у детектива прав нет вообще. Следовательно, мы должны и поклоны бить, и ноги целовать. Иначе — лавочка прикроется быстрее, чем он достигнет ее порога.

Пока он болтал, меня вдруг взяла какая-то острая злость. На страну, на полицию, на агентство, на Андрея Андреевича с его заскоками. Благодаря кому я оказался тут один на съедение этому коршуну?

Последние слова речи еще не отзвучали в ушах, а я твердо решил — ничего лишнего не покажу и не расскажу. Фигушки. Будем делать все по закону. Не то чтобы я их хорошо знал, но... Без ордера на обыск никуда не пушу. А сотрудничать...

— Докладываю! — вытянувшись в струнку, выпалил я, — Стажер Краеугольников к сотрудничеству готов!

Седов уставился на меня с явным недоверием, будто проверяя: не разыгрываю ли я его. Пришлось застыть неподвижно, выдав на физиономии наиболее простоватое выражение — глупое, доверчивое, не искаженное никакими внутренними пересудами. Полицейский с полминуты буравил меня взглядом, но я даже не дрогнул — стоял, как столб, уставившись на гостя преданными глазами.

Наконец, удовлетворившись осмотром, Дмитрий Иванович неопределенно хмыкнул. По этому проявлению эмоций невозможно было понять, какой вывод сделал относительно меня посетитель. То ли посчитал затюканным терпилой, готовым на все, лишь бы не идти на конфликт; то ли решил, что я полнейший придурок, изображающий из себя невесть что. Ну а с моей точки зрения оба варианта настолько близки, что разницу можно считать несущественной.

— Ладно, — ехидно проговорил полицейский, — Посмотрим, что тут у нас...

Он размеренно прошелся вдоль столов, скептически глядя на темные экраны мониторов. Оглядел помещение с таким видом, будто ожидал прямо здесь обнаружить склад наркотиков или, на худой конец — чей-то труп. Взгляд оперуполномоченного остановился на двери в кабинет Андрея Андреевича.

— Т-а-а-а-кс! — Седов даже в лице переменялся, будто обнаружил неопровержимую улику, — Пройдемте...

Хищная походка привела полицейского напрямик к двери. Его несколько не смутила табличка с надписью «Директор» — наоборот, Седов даже руки стал потирать от предвкушения долгожданной наживы. Ладонь сунулась к дверной ручке; раздался щелчок, еще и еще один. Закрыто! Вполне закономерно, Батя-то еще не удосужился заявиться.

— Открывай! — скомандовал гость, досадливо морщась.

— Никак нет! — отрапортовал я все с тем же идиотским выражением лица, — Не имею ни прав, ни возможностей!

Представитель власти глянул на меня, будто впервые увидел. Его лицо побагровело, налилось кровью; глаза полезли на лоб.

— Что-о-о-о-о?! — повышающимся тоном протянул он, — Отказ в законном требовании? Соппротивление при исполнении?

— Никак нет! Не имею полномочий!

— Каких еще полномочий? Открывай, говорю! Где ключи?!

— Не могу знать! — я вытянулся еще больше, изображая полнейшую покорность, — У Андрея Андреевича лично!

Седов шумно выдохнул, нависая надо мной своей громадной тушей. Рука полицейского нервно легла на застежку кобуры.

— Ты хоть понимаешь, что препятствуешь правосудию? — прищуришь пороссячи глазки выдавил он, — По закону частный детектив обязан предоставить представителю полиции доступ к местам хранения спецсредств и служебной документации! Отказ приравнивается к преступлению!

— Так точно!...

В подобном ключе мы беседовали минут десять. Дмитрий Иванович напирал на то, что закон на его стороне. Что честным гражданам должно быть нечего скрывать от полиции. И что раз мы что-то скрываем — следовательно, нарушаем!

На все это я отвечал вылупленными глазами и возгласами «так точно!».

Тогда полицейский приказывал открыть кабинет. На что я с тем же идиотским видом докладывал «никак нет!», изредка поясняя что «не имею полномочий».

Так мы и ходили по кругу, пока гостю это не надоело. Я-то готов был продолжать хоть до вечера — занятие не менее веселое, чем написание инструкций.

— Раз не желаешь открывать, я имею полное право выбить дверь, — рывкнул Седов, отходя на шаг, — Будешь препятствовать?

Он явно примерялся засандалить ногой в область ручки.

— Никак нет! — со всем возможным пылом покачал головой, — Надеюсь, у вас есть ордер...

Тут посетитель как-то сразу помрачнел. Не то чтобы упоминание ордера охладило пыл, просто нет никакой уверенности, что найдешь нечто стоящее. Да к тому же, по опыту, полицейские очень не любят таких умников, якобы разбирающихся в законах.

— Хорошо... — пробубнил Седов, скорбно насупившись, — Так и запишем... От сотрудничества отказались...

— Никак нет! — ничуть не унывая, воскликнул я, — Не имею полномочий!

Но полицейский уже не слушал. В его руках, как по мановению волшебной палочки появился потрепанный блокнот, где мужчина принялся делать какие-то пометки.

— Та-а-а-кс, — он старательно выводил на бумаге какую-то надпись, — Краеугольников, да? Так и запишем...

Не утруждая себя лишними перемещениями, нежданный ревизор заполнял листок стоя. Ручка порхала над бумагой, испещряя ее мелкими буквами.

Мне, признаться, стало как-то неприятно, даже боязно, когда была упомянута моя фамилия. Но тут уж ничего не поделаешь — взял на себя ответственность, так неси до конца. Снявши голову, как говорится, по волосам не плачут.

— Ну, начало положено, — удовлетворенно вымолвил Седов, с видом гурмана, отведавшего изысканное блюдо, — Пойдем дальше?

Он прошелся по офису с видом оскорбленной невинности. Взгляд коршуна вновь пробежался по помещению, отыскивая любую зацепку. Возникло острое ощущение дежавю — как будто прапор в армии проверяет, насколько качественно ты проделал уборку. И уж он-то, само собой, отыщет место, где осталась пыль. Ибо свинья всегда грязи найдет.

В три быстрых шага Седов оказался у ближайшего стола. Не спрашивая разрешения ткнул кнопку включения компьютера — спустя пару секунд экран засветился формой входа.

— А пароля ты, конечно, не знаешь? — с проницательной ехидцей оглянулся полицейский.

— Никак нет! — подтвердил я.

— Хорошо! — проверяющий, кажется, даже обрадовался, — Внесем в протокол!

Сделав необходимые пометки в блокноте, он задумчиво почесал подбородок.

— Ну айти отдел-то у вас имеется? Там-то пароли должны храниться?

— Не могу знать, — гаркнул я без особой уверенности.

— Показывай!

Я повел гостя в вотчину программистов и админов, душой предчувствуя новые неприятности. Почему-то представлялись какие-то ужасы: что сейчас полицейский завладеет всеми паролями, потом будет долго и нудно потрошить каждый копм... Неизвестно еще, что он там обнаружит. А отвечать придется мне.

Но все оказалось гораздо проще. Уже входя в каморку айтишников, я понял, что никаких паролей проверяющему не найти. Как и сотрудников, похоже.

— И где все? — слегка ословело развел руками Дмитрий Иванович.

— Не могу знать!

В отделе царила небывалая пустота и тишина: системники выключены, мониторы потушены, на столах — ни пылинки. И не следа человека. Лишь у рабочего места Джаеша стояла чашка, заполненная еще дымящимся кофе. Похоже, сотрудники эвакуировались в спешке, такую важную улику изъять позабыли.

— Где народ? — Седов продолжал задавать патетические вопросы, — У вас тут что за контора? Хоть кто-нибудь работает?

— Так точно...

Не могу винить Джаеша и его коллег за бегство. Возможно, они поступили весьма рационально, с какой точки зрения не посмотри. Теперь паролей не найти, а с меня спросу — как с козла молока. «Нет полномочий!» — и все тут.

Только почему-то стало очень паршиво на душе. Тоскливо до невозможности. Словно я опять совершенно по-идиотски влип в какую-то глупую детскую переделку, от которой более опытные товарищи мастерски отмазались.

— Все с вами понятно, — бормотал, меж тем, сотрудник полиции, — Соккрытие информации... противодействие... саботаж мероприятия... умышленный отказ от сотрудничества...

Ручка вновь затанцевала над бумагой, полицейский заполнил один лист, а потом и второй почти целиком. Я с ужасом осознавал, что список вмененных прегрешений растет не по дням, а по часам. И даже по секундам.

— Показывай свое рабочее место! — угрожающе рявкнул Седов, — Только не надо рассказывать, что забыл пароль! Не то арестую сразу же за неповиновение!

Пришлось вести обратно, с горечью наблюдая, как грузное тело вмещается в мое кресло. Он накинулся на единственный включенный компьютер, как изголодавшийся хищник на долгожданную добычу. Сразу же открыл почтовый клиент, ничтоже сумняшеся полез в историю браузера.

— Э-э-э, там личное, — успел пролепетать я.

— Личное — дома! — отрезал оперуполномоченный, — А на работе может быть только рабочее!

Он с жадностью углубился в изучение информации, а я, тем временем, едва сумел сдержать усмешку. Ни черта этот жлоб там не найдет! Не настолько я тупой, чтобы хранить хоть нечто ценное в открытом виде. Пусть рыщет, потешит самолюбие. Главное — чтобы каких-нибудь закладок не установил. Ну так затем я здесь и стою — наблюдаю.

Прошло, наверное, не меньше часа напряженной работы, прежде чем Дмитрий Иванович пришел к тому же выводу. Он с раздражением отбросил мышь, отрешенно вытянувшись в кресле.

— Все подчистили, да? — злобно поинтересовался оперуполномоченный, — Такие, мол, мы белые пушистые. Ну ничего... я еще выведу эту контору на чистую воду!

Он вдруг резко поднялся, так что мне даже пришлось отпрянуть назад.

— Где вся техническая документация?! — рявкнул полицейский, не скрывая разочарования.

— В архиве...

— Веди! Быстро!

Ну я и повел, раз так приказано. Подспудно ожидал какой-то подянки, навроде той, что случилось с айти отделом. Но здесь персонал сработал еще чище: все-таки запас времени был побольше.

Дверь архива оказалась не только заперта, но и тщательно опечатана. И, что характерно, на пломбе явственно просматривалось позавчерашнее число. Умеют. Могут. Вытворяют настоящие чудеса. Когда захотят, конечно.

— Да вы что тут, за идиота меня держите! — возопил Дмитрий Иванович.

Далее с его стороны последовал весьма сумбурный монолог на повышенных тонах, едва не выходящий за рамки литературной цензуры. Проверяющий не забыл помянуть всех и вся — от нашего зажавшегося начальника и вплоть до последней уборщицы. Но больше всего досталось, конечно, мне. Со слов оперуполномоченного выходило, что именно я — Краеугольников — главный виновник всех нарушений и беспорядков. А посему, сидеть в тюрьме придется тоже мне.

Вытянувшись по стойке «смирно», я делал вид, что внимательно слушаю. И лишь изредка позволял себе вставить очередное «никак нет» или «так точно», подбрасывая, тем самым, очередную порцию дров в топку полицейского гнева.

Наконец, Седов иссяк. Он уставился мне в лицо покрасневшим взглядом, с трудом переводя сбитое долгой речью дыхание.

— Вы поплатитесь, — прохрипел оперуполномоченный, — Сгною! Со света сживу! Ищи новую работу, парень! А еще лучше — хорошего адвоката! Можешь считать, что этой конторы уже не существует! Как только мой рапорт попадет на стол начальству — ваше сраное агентство в ту же секунду перестанет существовать!

Выглядело все это довольно страшно, да и слова подобраны что надо — будто у заранее заготовленной и отрепетированной речи. Но так уж вышло, что у меня имелся кое-какой опыт общения с «большими» начальниками. А потому я просто слушал, покорно переживая бурю. Внешне, конечно, изображал крайнюю степень озабоченности. А внутри — все трнтрава!

Седов двинулся к выходу, прямо-таки источая на ходу едкую злобу. Его обещания становились все смелее, последствия непослушания — все размашистей, наказания — все строже. Теперь уже не только конторе грозило закрытие, но и всем работникам — либо крупные штрафы, либо тюрьма. Ну или, на худой случай — серьезные неприятности.

Я шагал следом, переживая последнюю вспышку гнева. Про себя радовался, завершению этой нескончаемой клоунады. Надоело потакать этому растолстевшему циркачу, надоело строить из себя покорного дурачка. Да и вообще — давно уже настало время обеда. Желудок явственно начинал бурчать от накатывающего голода.

Мы пересекли офис в обратном направлении. С облегчением подумалось, что вот оно — наконец-то проверяющий уберется восвояси!

Но тут на сцене появились новые действующие лица. И мне сразу как-то взгрустнулось. Показалось, что день окончательно теряет всякую надежду на хорошее завершение.

Входная дверь распахнулась, навстречу Дмитрию Ивановичу вошли трое.

Первым, само собой, вышагивал Андрей Андреевич, причем с таким неимоверно самоуверенным видом, будто для него не существует неразрешимых вопросов. И любая проверка, какой бы страшной она не казалась — для Бати полнейшая ерунда. Он глянул на

меня с заметной усмешкой, на Седова — удивительно спокойно. На лице шефа не отразилось ни тени сомнений.

По правую руку от босса эффектно цокала каблучками Диана. Как всегда, неотразимая и неприступная. Голубовато-белый брючный костюм сидел на ней, как вторая кожа, подчеркивая идеальность фигуры. Прическа, макияж — все на высшем уровне. На прелестном личике, как и обычно — выражение легкой надменности.

Красотка удостоила меня взгляда, где, в кои-то веки, мелькнуло нечто, похожее на одобрение. Она даже чуть заметно подмигнула, будто заговорщик, подающий тайный знак.

А за их спинами как-то незаметно пристроилась Юля. Секретарша словно бы сжалась, стараясь казаться незаметной. На меня глянула как-то смущенно и тут же отвела глаза.

Да что за дела? Все трое будто мне сочувствуют... Словно я угодил не туда, куда следует. Или... стал жертвой красочного розыгрыша...

— Иваныч! — весело гаркнул Батя, с радостной улыбкой протягивая руку, — Давно не виделись!

— Андреич! — в тон ему протрубил Седов, мгновенно растеряв всю свою злобу и раздражение, — Приветствую, дорогой!

Мужчины пожали руки с видом старых друзей, похлопывая друг друга по плечу. Я смотрел на их встречу, все еще ничего не понимая.

— Посмотрел контору? — без особого удивления поинтересовался шеф, — Ну как тебе? Как стажер? — кивок в мою сторону.

— Ты знаешь, вполне себе ничего, — уверенно пробасил оперуполномоченный, — С виду — дуб дубом, а на деле — третий калач!

Оба хохотнули, измеряя меня насмешливыми взорами. Наверное, в тот момент я представлял из себя довольно нелепое зрелище — с удивленно выпученными глазами, глупо открытым ртом...

Больше всего меня поразило даже не преобразование Дмитрия Ивановича, в миг превратившегося из склочного ревизора в проникательного и понимающего опера. Изумило поведение Бати. Будто он... знал о проверке? Или даже сам ее организовал?

— Ну, пойдем, посидим, обсудим, — Андрей Андреевич гостеприимно потащил посетителя к своему кабинету.

Диана неотрывно следовала за ними, а Юля, смущенно потупившись, осталась стоять у входа.

Обернувшись на ходу, Батя посмотрел серьезно и одобрительно.

— Саша, на сегодня можешь быть свободным, — небрежно бросил он.

— Не переживай ты так, все прошло на пятерку с плюсом! — девушка непринужденно подхватила меня под руку, заботливо прижавшись к плечу, — Проверка как проверка. Посидят теперь с Батей в кабинете, почешут языками, как это у них заведено. Вспомнят старые времена, как настоящие дедки...

Юля забавно хихикнула, игриво тряхнув волосами. Я наблюдал за ней, чуть скосив глаза — и зрелище было весьма приятным.

Оказывается, Андрей Андреевич отпустил с обеда не только меня, но и всю контору освободил от работы. Наверное, остался какой-то дежурный состав... Но большинство работников распустили. Во всяком случае, секретарша покинула офис вместе со мной.

И как-то незаметно, слово за слово, мы оказались вместе. Прошлись под полуденным солнцем, проехали несколько остановок на автобусе. И очутились в парке.

Вообще, в Москве на удивление много прекрасных парков. Всегда есть, куда сходить, где погулять. Чем, в общем-то, мы сейчас и занимались.

— Ну, и каковы же итоги сегодняшней проверки? — с показным равнодушием буркнул я, степенно вышагивая по прямой асфальтовой дорожке.

— Да все, как обычно, — беспечно отмахнулась девушка, — Думаю, это вообще не больше, чем формальность. Продлят лицензию, подпишут документы, пройдут освидетельствование. И будем работать дальше, как ни в чем не бывало.

— Понятно... — как-то тоскливо протянул я.

Почему-то никак не оставляло ощущение, что проверяли не только и не столько контору, а именно меня — новоявленного сотрудника. Как поведу себя в нештатной ситуации? Сдам ли агентство с потрохами? Пойду ли на конфликт с властью? Предам или останусь лоялен? Какотреагирую на угрозы и крики?

А вот Юля, казалось, не особо-то обеспокоилась результатами полицейского визита. Она шла рядом, уцепив меня под локоток, беспечно лепетала обо всем на свете. Из нее прямо-таки лилась наивная жизнерадостность.

Мы прошлись по дорожке, оставив позади глухую аллею. В лицо дохнул свежий ветерок: перед глазами раскинулась водная гладь обширного пруда. Высокое небо хвасталось синевой без единого облачка; весеннее солнце жарило вовсю, разгоняя последние остатки прохлады.

— Пойдем, уток покормим! — радостно ойкнула девушка, потянув меня в сторону воды.

Глядя вслед блондинке, я невольно улыбнулся, настолько непосредственной и незамутненной казалась ее радость. Выйдя из офиса, красотка оставила там рабочий настрой, а вместе с ним — высокие строгие туфли. Теперь на ее изящных ножках красовались белые кроссовки. Как ни странно, спортивная обувь вполне себе гармонировала с мини-юбкой и жилеткой. Хотя, кажется, в наше время можно носить что угодно и с чем угодно — никого ничем не удивить. Какое бы безумное сочетание ты не надел, оно все равно попадет под определение одного из бесконечных стилей.

Мы подошли к импровизированной набережной: вокруг прудика шла дорожка, а непосредственно берег оказался выложен крупными камнями. Юля, не задумываясь, попрыгала по валунам, а потом, оглянувшись с заговорщицким видом, уселась на один из них. Я последовал примеру девушки, приземлившись на нагретую поверхность камня.

Вытянув ноги, блондинка блаженно прищурилась на солнце. Ее ладонь нырнула в сумочку, секунду спустя выудив оттуда сдобную булку.

Утки уже спешили в нашу сторону, приученные к ежедневным кормежкам. Юля протянула мне полбулки, тут же принявшись крошить в воду собственную половину. В утиной стае зародилась суета; толкотня у кормушки, так напоминающая вполне человеческие отношения. Животные другие, а принципы построения социума — те же.

— И часто у вас случаются такие... проверки? — спокойно поинтересовался у девушки спустя пять минут безмятежного молчания.

Она глянула с укором, но все же ответила, таиться не стала.

— Да как сказать... раз в квартал точно, — совершенно по-детски пожав плечами, проговорила Юля, — Они же давние друзья... Ну, Андрей Андреевич и Дмитрий Иванович. Вот он и заходит... в гости. Ну, заодно, и агентство аттестует.

— Ага... и проверяет новеньких работников. На вшивость.

— Ну хватит, Саша, — фыркнула девушка, — Что ты завелся, как ужаленный? Ничего ведь страшного не случилось? Всех так или иначе проверяют. А ты — держался просто здорово! Я даже не ожидала... что ты сумеешь так отшить Иваныча...

Я засмеялся, давая, наконец, выход накопленному напряжению. Было горько от всех этих проверок и заговоров; от шпионских выходов начальства и раболепного подчинения коллег. Ведь та же Юля, так подчеркнута дружелюбная сейчас, знала заранее, что надо мной будут проводить эксперимент. Но даже не подумала предупредить или намекнуть.

Девушка оглянулась и, улыбнувшись, легко подхватила смех. Впрочем, если мой гогот был полон скрытой горечи и самоиронии, то она выражала радость вполне искренне.

Мы сидели у пруда, пока хлеб не кончился. Утки еще какое-то время толпились возле, ожидая новых подачек. А потом легко и естественно переметнулись к другой парочке, что кидали крохи с противоположного берега.

Я поднялся, раздираемый не самыми веселыми мыслями. Мы вновь неторопливо двинулись по бесконечным дорожкам. Похоже, мое настроение передалось и спутнице. Юля по-прежнему держалась рядом, ухватив меня под локоток. Вот только от былой веселости и легкости не осталось и следа.

— Пожалуйста, не думай, что Андрей Андреевич — старый интриган, — выдохнула девушка, — Просто он не доверяет людям... сразу.

— Хм... А что же мне прикажешь думать?

— Он вовсе не плохой, — блондинка надолго задумалась.

Мы прошли, должно быть, метров сто, прежде чем она продолжила речь.

— Хочешь услышать сказку? — с преувеличенной бодростью воскликнула Юля, — Не слишком веселую и оригинальную, зато весьма правдивую!

Девушка скорчила загадочную физиономию и, не дожидаясь ответа, начала рассказывать протяжным речитативом.

— Жила-была маленькая девочка со своей матерью. Отец их бросил, а мать оказалась той еще стервой — пьющая, злющая, гулящая. Жилось девочке несладко, редко от людей видела она что-то хорошее. Нищета, голод, постоянные ссоры и побои. Впрочем, ничего необычного... Сколько таких девочек здесь, вокруг? Стоит, возможно, только посмотреть за угол?

Юля взмахнула рукой, обведя жестом прекрасный миролюбивый пейзаж. Глядя на

теплое весеннее солнце, на широкую гладь воды, на суетливо галдящих уток и первую зеленую травку, мне вовсе не верилось в существование таких девочек. И все же... С рациональной точки зрения приходилось допустить, что их количество гораздо больше, чем должно бы быть в идеальном мире.

— Девочка росла и рано выросла, — Юля грустно усмехнулась, — Она познала все радости этого мира будучи еще слишком юной. И она... ждала принца. Настоящего принца на белом коне. А знаешь, к чему приводят такие мечты?

Я задумался, но рассказчице отнюдь не требовался мой ответ. Девушка продолжала, даже не сделав паузы.

— Они приводят либо к появлению сорокалетних девственниц, либо... к падению на социальное дно. Так уж вышло, что наша девочка оказалась на втором пути. И стала... девочкой. Такой, чьи телефоны хорошо известны завсегдатаям дешевых кабаков и саун.

И вновь мне оказалось нечего сказать. История не то чтобы банальная, но и не такая уж редкая. Неблагополучная семья из бедного района, плохая компания, отсутствие альтернатив... Безысходность в ее наихудшем варианте.

— Ирония в том, что рыцарь все же пришел, — с глухим смешком проговорила Юля, — Настоящий рыцарь, из сказок, без страха и упрека. Он развеял тьму, показал прелесть света, научил жить и радоваться каждому дарованному мгновению. Почему он выбрал именно ее, эту девочку? Сам рыцарь никогда не говорил, а девочка не спрашивала. Может, разглядел в ней нечто... какой-то дар или скрытый талант. А может все банальнее — она оказалась похожа на его умершую дочь.

Мда... окончание истории тоже не блистало оригинальностью. Ужасало разве что невероятная правдивость в приложении к конкретным действующим лицам.

— И теперь у девочки — красный диплом МГУ, престижная работа и квартира в Москве, — почти весело закончила блондинка, — Бесконечные часы, проведенные у психологов, выправили детские комплексы; а хорошее отношение — исцелило душу. О прошлом она вспоминает, лишь когда рассказывает грустные сказки...

Мы шли дальше в каком-то стесненном молчании. Юля, похоже, выдохлась — рассказ вымотал эмоционально, будто вампир, высасывающий силы. Я же слишком погрузился в раздумья, чтобы что-то говорить. Да и что тут скажешь? Утешать? Соболезновать? Поздравлять? Все пустое. Сказано же — прошлое очень далеко и давно позабыто. История рассказана совсем не для того, чтобы вызвать сочувствие.

А сколько же, интересно, лет моей спутнице? Почему-то Юля или, как ее называет Андрей Андреевич — Юленька, всегда казалась мне весьма юной. Ну то есть точно не старше двадцати с небольшим. В ней слишком много от подростка: манера одеваться, подчеркнуто инфантильное поведение, какая-то детская чистота и непосредственность.

И только сейчас я задумался, что за внешностью юной красотки вполне может прятаться богатый жизненный опыт. Которому она просто не дает выхода наружу. А годы... что годы? Есть такой тип людей, по кому вообще не скажешь, сколько лет. Выглядят совершенно одинаково: что в двадцать, что в сорок. Тем более со всеми современными процедурами и косметикой...

Так что же, выходит, Юля старше меня? Ей уже ближе к тридцати? Или даже за... Да нет, не может быть!

Повернув голову в пол-оборота, я в очередной раз принялся разглядывать блондинку. И,

несмотря на все старания и скептически настроенный взгляд, дать спутнице больше двадцати трех не получалось.

Юля, будто почувствовав мое любопытство, вынырнула из собственных мыслей. Повернулась и подмигнула с хитрой улыбкой. Хмурая девочка исчезла — ее место заняла всегдашняя взбалмошная красотка, искристая и радостная.

— Пойдем поедим? — без всякого перехода предложила девушка, кивнув на приближающийся шатер уличного кафе.

Голод действительно давал о себе знать — с утра во рту маковой росинки не было. А обед как-то прошел стороной. Так что теперь я согласился, не задумываясь, и мы рука об руку направились к тонкому просторному павильону. Обо всех мрачных историях, по молчаливому согласию, больше не упоминали.

Обычная кафешка, каких летом вырастают сотни, как грибы после дождя. Правда, до лета еще прилично, так что этот экземпляр был первым, можно сказать — экспериментальным. Весеннее солнце давало не настолько много тепла, чтобы наслаждаться трапезой под открытым небом, зато под навесом шатра оказалось вполне комфортно.

Мы заказали мясо — очень уж вкусно пахло жареным шашлыком. Лаваш, овощи и горячий чай в придачу — нормальный комплект для ужина. Я немного зазевался, а Юля тут же расплатилась за двоих — будто это в порядке вещей. Возражать было поздно — это только усугубило бы неловкость. Но про себя сделал заметку — за мной должок.

Ужин на столе соорудили в считанные минуты. Мясо выдалось горячим, сочным, очень вкусным. Ели молча, да так, что за ушами хрустело! Юля вгрызалась в дымящиеся куски с голодным рыком, ничуть не заботясь о правилах приличия или застольном этикете. Я старался не отставать, а попутно все размышлял о рассказанной девушкой истории.

По ее словам, выходит, что Андрей Андреевич — тот самый рыцарь, спасающий заблудших принцесс. И если так оно и есть, то... честь ему и хвала. Вот только — что дальше? То, что мужчина спас девушку в сложной ситуации, вовсе не делает его святым. Возможно, Батя и герой. Но вот положительный ли?

А история свидетельствует только об одном — шеф прозорливо собирает вокруг себя команду преданных людей. Юля, выходит, обязана ему всем. И с таким долгом так просто не рассчитаешься. Пожалуй, девушка за Батей и в огонь пойдет, и в воду.

Что же до остальных... Откуда я знаю, как они оказались в агентстве? Вполне возможно, за плечами каждого — и Василия, и Дианы — есть такие же жутковато-мрачные истории? Как бы об этом разузнать — спокойно, ненавязчиво, как бы между делом...

Да и я сам, если уж задуматься, кое-чем Бате обязан. Если бы не его участие, до сих пор мотался бы по допросам, как главный подозреваемый в убийстве. А так — ничего. Работаю, живу, мясо вот ем с красивой девушкой.

Вот и думай — кто же такой Андрей Андреевич. Филантроп, творящий добро направо и налево? Или расчетливый делец, меняющий свою помощь на преданность и лояльность?

Закончив ужин, тут же выбрались наружу. Теплый весенний вечер вовсю вступал в свои права, солнце опускалось к горизонту, на улице плавно начало темнеть. Взяв меня под руку, Юля направила движение подальше от пруда — мы потихоньку приближались к выходу из парка.

— Вижу, тебя все никак не отпустит, — слегка смущенно заявила Юля, требовательно

тербя за куртку, — Такой бука! Может хватит уже бесконечно перемальвать одни и те же мысли?

Я покачал головой, удивляясь прозорливости девушки.

— Ну, не так-то просто ощущать себя подопытной крысой, — попытался нелепо оправдаться.

Блондинка хихикнула, переводя фразу в шутку. И я тоже не прочь пошутить, но, как известно, в каждой шутке есть доля шутки.

— Ты даже не представляешь, сколько таких проверок и тестов проходил каждый из нас! — горячо воскликнула красотка, — И, думаю, еще не раз будет проходить! Это ведь тоже часть работы, разве нет?

Она дернула за руку, вынуждая скрестить взгляды. Ее зеленые глаза прострелили меня насквозь. Я кивнул, и мы тихо продолжили путь.

— Большая часть проверок безобидные, незаметные, — пояснила девушка, — Вроде повседневной рутины. Ты их даже не замечаешь, а они есть. Например... Составил отчет, хотя мог бы спустить втихаря... Занес деньги в кассу, хоть мог бы присвоить...

— Перевел бабушку через дорогу, хотя мог бы пройти мимо, — ехидно подсказал я, но блондинка не поняла иронии.

— Да! — воскликнула она, — Именно так! Возможно, никто и не узнает. Но мне кажется, что часть таких событий... измеряется. И... Андрей Андреевич знает очень много. Не думаю, что он следит за всеми, но... присматривает точно.

Мы прошли под деревьями, углубившись в лесную аллею. Следы цивилизации вдруг остались где-то далеко позади, уступив место вполне себе заросшей чаще. Только асфальтовая тропинка, да просвет где-то впереди — вот и все, что отличало этот лес от обычного.

— Конечно, другая часть проверок более серьезная, суровая, — проговорила девушка.

— Как сегодня, например?

— Вроде того. Но без этого ведь никак, понимаешь? Какой-нибудь... условный программист или бухгалтер... ходит на курсы, повышает квалификацию, сдает тесты, получает корочки. А мы? То есть вы? Ну то есть — как у нас? Зачастую приходится учиться на ошибках. И хорошо, если эти ошибки не приводят к чьей-то смерти.

Это да, тут она права. История с Евгением тому прямое подтверждение. И мудрые слова собеседницы совершенно не вяжутся с легкомысленной внешностью. Все же она гораздо старше, чем выглядит. Спросить? Как-то совсем неудобно.

— А есть и более серьезные проверки? — осторожно поинтересовался, как бы невзначай продолжая расспросы.

— Есть, — нехотя кивнула Юля, отводя взгляд в сторону, — Но тебе пока рано... знать про них.

— Не дорос?

— Всему свое время, — мрачно поморщилась она, — Не торопи события. В конце концов каждый должен сделать выбор... с кем быть.

Я ехидно хмыкнул, а красотка игриво встряхнула белоснежной шевелюрой.

— Сашка! — почти весело воскликнула она, — Ну почему ты такой мрачный? Во всем видишь сплошной негатив! Разве тебе плохо в агентстве? Тебе мало платят? Загружают непосильной работой? Выживают из коллектива? Так чем ты тогда вечно недоволен? Живи и радуйся жизни! А потом — будь что будет!

Под ее напором и непобедимой жизнерадостностью пришлось сдаться. Я согласился, и клятвенно обещал радоваться жизни. Хотя пока и не совсем представлял, как именно буду исполнять обещанное.

Остаток прогулки на скучные темы не говорили. Так — перебрасывались малозначительными фразами, обсуждая больше погоду да окружающие пейзажи. Аллея закончилась, выпустив на небольшую ухоженную площадку, а в двух шагах уже находился выход из парка.

Прошли мимо обветшалой скульптурной композиции, посмотрели на витиеватую ограду. Скрипучие ворота, распахнутые настежь, вывели на узкую улочку. Преодолев ее, оказались уже на вполне себе людном проспекте.

С одной стороны виднелась остановка автобуса. Про себя прикинул, что и метро где-то недалеко. Ну а если лень на общественном транспорте, можно и такси вызвать — район не самый загруженный, но и далеко не глушь. Доедем, не долго и относительно дешево. Только вот — куда?

Остановились одновременно, в некотором замешательстве глянув друг на друга. Юля как-то несмело улыбнулась, даже, похоже слегка покраснела.

— Может, ко мне? — хрипловатым голосом выдавила она.

В принципе это выглядело весьма логичным продолжением вечера. Романтическая прогулка, кормление уток, серьезные разговоры о высоких материях, сытный ужин, а потом... бутылка вина, тихая музыка и постель?

И все же как-то неожиданно. Не ждал от красотки столь стремительного форсирования отношений. Да и настроение совсем не то, чтобы думать о свиданиях.

— Знаешь, — мягко выговорил я, — Порой мне кажется, что это все — наша прогулка, разговоры, твое приглашение — всего лишь очередной тест. Как поведет себя стажер? Согласится? Откажет? Насколько он галантен или напорист?

Она вспыхнула мгновенно, девичья ладошка взлетела вверх в неловком замахе. Я приготовился принять заслуженную пощечину, но ее не последовало. Юля сдержалась.

— Дурак! — с горечью воскликнула девушка.

Развернувшись, красотка быстро пошла прочь. Я смотрел ей вслед, понимая, что, вероятно, второго шанса у меня не будет.

И впрямь дурак.

Новый рабочий день начался, как и обычно: с утренней суеты, стандартной рутины. Ранний подъем, зарядка, легкий завтрак, просмотр последних новостей — просто чтобы быть в курсе событий — и пора собираться на работу.

Как всегда, чтение новостей нагнало тоски: ничего хорошего из этого источника узнать невозможно. Давно выявленный маркетологами закон: людям гораздо интереснее негатив. Когда кого-то убили, что-то взорвалось, образовался тот или иной конфликт... А добрые новости очень плохо продаются. Потому их и нет.

Сейчас же сводка пестрела ничего не значащими для меня событиями. Новые политические баталии; идиотские законы; странные болезни... Биткоин побил очередной рекорд стоимости, а Центробанк выражает ему свое «фи»... Россия противостоит целому миру за все светлое и против всего темного... Порой при чтении ленты возникает ощущение, что ты — герой какого-то мрачного комикса. Иначе трудно объяснить весь творящийся вокруг сюр...

До работы добрался вовремя, даже на десять минут раньше положенного. Я вовсе не ранняя пташка, просто чертовски не люблю опаздывать. В идеале, конечно, приходит секунда в секунду, но и так сойдет. Будет лишнее время на подготовку. Это я тоже люблю: оценить предстоящий день, составить план, а то и два...

Юля уже сидела за своим столом. Девушка встретила меня едва заметным кивком головы и прямо-таки ледяным взглядом. Хотел заговорить, но осекся, едва открыв рот. Блондинка сегодня оказалась абсолютно холодна и неприступна. Так что даже и попробовать нечего. Пусть немного остынет... или наоборот — растает. Может, нужно было хоть коробку конфет ей принести?

Прошел к своему рабочему месту. Настроение опустилось ниже средней отметки, и тенденций к росту не наблюдалось. Развалился в кресле, но включать комп не торопился — есть еще минут пять, чтобы спокойно поглазеть по сторонам.

В этот день в офисе стало неожиданно многолюдно. Такое ощущение, что все «аналитики», будто сговорившись, решили забежать на работу в один и тот же момент. Появились почти все знакомые. Вошел Василий, приветливо махнув рукой. Мелькнула неповторимой красотой Диана, правда, тут же куда-то упорхнув. Нарисовались даже «новые» лица: смуглого коренастого мужчину и спортивного вида женщину я видел впервые.

Что это сегодня за собрание? Пришли отметить окончание инспекции? Вряд ли... Почти тут же в голове возникла более вероятная догадка.

Конец месяца, все просто торопятся подвести итоги. Закрывать отчеты, подбить дела. Провести финальную черту, так сказать. А заодно, может быть, узнать планы на следующий месяц.

Это хорошо! Это, как минимум, означает, что все проекты так или иначе сдвинутся с мертвой точки. А меня интересует нечто вполне конкретное...

Уже который день из головы не выходят убийства, свидетелем которых я стал. Сначала Теплов, потом его супруга, затем и вероятная любовница.

Голякова-то, кстати, выжила. Правда, до сих пор находится в реанимации. Но даже когда, и если очнется, вряд ли с женщины удастся получить хоть какие-то полезные показания. Не в том она состоянии. Да и убийца совсем не дурак, чтобы так подставляться.

Знаю, что меня отстранили; знаю, что не мое это дело. Но просто так отмахнуться тоже нельзя. Каким-то образом я попал в тесный переплет. Серия убийств случилась так быстро и так легко, что даже осознание смертей пришло еще не полностью. Но от собственной причастности так просто не откристишься.

Включив комп, открыл папку с отчетами. Не знаю, кто и как выдавал мне права доступа, но факт остается фактом: содержание чужих отчетов для меня недоступно, но вот их список просмотреть можно. А если есть перечень, значит уже можно оценить — кто и над чем работает. Есть ли подвижки по делу Теплова. Кто из аналитиков им занимается.

Смотрел долго и старательно, но не увидел ничего. Не поверил сам себе, пробежался взглядом еще раз: пусто. Последней документ, касающийся интересующего меня дела, был как раз мой же подробный рапорт по операции с Голяковой. И все... Дальше — тишина.

О-о-о-очень странно. Неужели другие рапорты засекречены? Или кто-то пока не успел задокументировать данные? Или... не может же быть, что по делу вообще не работают?

А для меня это, как ни странно, стало личным. Еще бы — первая жертва погибла, можно сказать, на моих руках. И две последующие — при непосредственном участии. Или вернее, при попустительстве. Как результат небрежной халатности. Значит, я просто обязан докопаться до истины. Ну, может, не сам. Пусть это сделает кто-то другой. Но я должен знать — кто убийца!

Приняв решение, как-то сразу успокоился. Некоторое время терпеливо занимался написанием новой инструкции, даже успел набросать пару страниц. Постепенно окружающая суэта улеглась, народ мало-помалу рассасывался. Похоже, догадка оказалась верной: каждый пришел, чтобы составить отчет о проделанной работе. А после считал своим долгом таинственно исчезнуть, перекинувшись с коллегами лишь парочкой многозначительных фраз.

Одним словом, буквально через пару часов от бывшего столпотворения не осталось и следа. Все разбежались по своим неведомым делам. Задержались только самые нерасторопные, либо те, кто, подобно мне, нес ту или иную трудовую повинность.

Наконец, я решил, что удобное время пришло. Дальше тянуть незачем, тем более, что изнутри буквально распирает любопытство. Настал час для прямого вопроса.

Неторопливо поднявшись, прошел к кабинету Андрея Андреевича. Краем глаза косился на офис — совершенно зря: никто не обратил внимания на мои перемещения.

Постучался и, дождавшись ответного бурчания, открыл дверь.

— Саша? — шеф, казалось, искренне изумился, будто не ожидал увидеть меня в офисе, — Проходи, садись.

Прошел. Сел.

На этот раз Босс не пялился в монитор. Он был занят гораздо более ретроградным делом: по-царски раскинувшись в респектабельном кресле, погрузился в чтение обычной бумажной газеты. И главное, нет бы что-нибудь серьезное — еще можно понять — но в руках шефа покоилась какая-то бульварная желтая газетенка третьего пошиба.

— Занимательное чтиво, — ничуть не смутившись, пояснил Батя, — Рекомендую! Так чем обязан?

Небрежно смяв газету, он легко скомкал ее в нечто, напоминающее мяч для тенниса. Почти не целясь запустил через всю комнату — бумажный шар упал точнехонько в корзинку для мусора. Андрей Андреевич удовлетворенно хмыкнул, а я сделал для себя вывод об

истинной «занимательности» статей.

— Если ты насчет вчерашнего, то можешь не беспокоиться, все прошло как нельзя лучше, — продолжил шеф с легкой ленцой, — Очередная инспекция пройдена, работаем спокойно. Что же до учиненного тебе разноса... Иваныч просто любит иногда пошутить. Надеюсь, ты не в обиде? Это он еще лайтовенько, жалеючи... Вот лет десять назад — довел одного паренька до заикания! Как сейчас помню — захожу я в приемную, а там...

Судя по расслабленной позе, Батя собрался приступить к любимому занятию стариков: воспоминаниям о бурной молодости и о том, как тогда все было клево, не то что в наше время.

— Андрей Андреевич, что у нас по делу Теплова? — пришлось бесцеремонно перебить, — Есть какие-то подвижки?

— К-х-м-м... — шеф даже закашлялся, разом потеряв мечтательный вид, — Чего? Какому делу?

— Дело о смерти Теплова Виктора Ивановича и его супруги, Тепловой Светланы Аркадьевны. Есть по ним что-то новое?

Андрей Андреевич изумленно покачал головой, то ли удивляясь моему напору, то ли просто разминая затекшую шею. Он как-то суетливо поскреб стол, опустив взгляд к рукам.

— Эк тебя зацепило, — чуть виновато проговорил шеф, — Прямо вцепился мертвой хваткой.

— Это дело...

— Да нет никакого дела, Саша, — мягко перебил Батя, — Дело закрыто.

— Что?! Как? Разве убийцу уже нашли?

— Нет. Но теперь это проблемы полиции.

— А как же...

— Нам не платят за ловлю маньяков. Вернее, бывает и такое... Но не в этот раз. Теперь платить просто некому. А нет денег — так с чего бы вдруг агентству тратить силы и ресурсы?

Я застыл с открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег. Умом-то вроде понимал значение сказанного, но вот натура отказывалась воспринять мысль собеседника.

— Вы же говорили... задета честь агентства!

— В данном случае репутационные издержки незначительны.

— А смерть Евгения? Тоже незначительна?

Батя посмотрел сердито, и я понял, что сморозил глупость.

— Извините...

— Не переживай, Александр. Мы все скорбим о потере... товарища. Но... дальнейшие мероприятия по так называемому делу Теплова признаны нецелесообразными. Не только мной, это общее решение. Так что... Не кори себя. Твоей вины здесь нет.

— Как же так, Андрей Андреевич! Кого же тогда...

— Успокойся. Евгений был хорошим оперативником. Возможно, не лучшим, но явно выше среднего. Он отлично осознавал, на что идет. Понимал все риски и возможные последствия. Точно также, как должен научиться понимать и ты: что именно ты делаешь, зачем и почему именно это!

На такой нравоучительной ноте, в общем-то, разговор и закончился. Результат оказался неутешительным. Я был подавлен, даже, наверное — раздавлен. Батя выпроводил из

кабинета, довершив эмоционально-мотивационную накачку лозунгами вроде «делай что должен, и будь, что будет». Легче от этого не стало, напротив — появилось чувство, что от меня пытаются отделаться, прикрывшись ширмой корпоративной заботы. Ну а про закрытое дело я и вовсе молчу...

В голове не укладывалось — как такое возможно. Убили троих, из них Евгений — давний сотрудник агентства. Голякову едва не отправили на тот свет — повезет, если женщина выкарабкается. И вот так раз — и все позабыть? Вычеркнуть из памяти? Даже мне тяжело, а что уж говорить о тех, кто знал погибшего оперативника ближе? Неужели всем плевать? С глаз долой — из сердца вон?

Мозг погрузился в пучины бардака. О работе я и думать позабыл — мысли смешались, перед глазами мелькали неразборчивые видения. Просто уселся за комп, руки легли на клавиатуру, невидящий взор вперился в монитор. Великое искусство офисных работников — делать вид, что работаешь, хотя на самом деле практически спишь.

Так и сидел, будто статуя, без особых шевелений. Перекатывались мысли одна мрачней другой. Наконец, буря из бессвязных идей кое-как улеглась, оставив на поверхности одну более-менее здравую. Не то чтобы гениальную, даже, скорее, не слишком умную. Но попробовать стоит, тем более, что в любом случае ничего не потеряю.

Кое-как дотянул до обеда. Едва часовая стрелка показала двенадцать, подхватился на выход. Видок у меня, похоже, был еще тот: даже Юля глянула удивленно-встревоженно. Я лишь махнул рукой — все, мол, в порядке.

Выбрался на улицу, и некоторое время ноги несли меня без разбору: то вперед по тротуарам, то заворачивая во дворы и скверики. Минут десять брел без всякой видимой цели. Наконец, устроившись на одинокой скамейке, огляделся.

Опасался ли я слежки? Не то чтобы сильно... Но, как говорится: береженого бог бережет. К счастью, не настолько важная персона, чтобы с меня глаз не спускать. И все же — приглядывать могли. Кто? Да мало ли... Я ни в чем не был уверен, а потому — дул на воду.

Из кармана вынырнул смартфон, я задумчиво уставился на экран. Что насчет прослушки? Для органов — слишком сложно, да и незачем абсолютно. Для агентства — незаконно и трудновыполнимо. Есть, конечно, варианты миниатюрных устройств на все случаи жизни... Но их, обычно, цепляют на одежду. А за собственным гардеробом я слежу исправно.

Ладно, придется действовать, понадеявшись на русский авось. Во всяком случае, я не собирался совершать ничего *настолько* уж секретного. Если Андрей Андреевич и пронюхает... отбрехаюсь как-нибудь.

Еще раз огляделся, подверился. Ладонь, сжимающая телефон, заметно дрогнула. Вторая рука нырнула в карман, пальцы ухватили картонный прямоугольник. Вытащил, взгляделся в надпись: «Степан Васильевич Курдюмов. Старший следователь по особо важным делам». И номер.

Тяжело вздохнув, принялся набирать цифры. Еще с минуту пялился на результат, не отваживаясь нажать дозвон. Наконец, палец обреченно ткнул на значок зеленой трубки.

Протяжные гудки звучали в трубке на удивление долго. Я вслушивался, напряженный до предела. Неужели никто не ответит? Ну не зря же Курдюмов дал визитку? Значит, это его личный номер. Или...

А может, у следователя сейчас тоже обеденный перерыв. С чего я взял, что он будет ждать звонка круглосуточно? Полицейский, может, и вовсе уже позабыл, кому и сколько визиток раздал. Номер наверняка рабочий. Следовательно, ответит какой-нибудь клерк, а то и вовсе робот. Перебросит на автоответчик и все тут.

Почему-то вспомнилось, что по правилам этикета нельзя продолжать дозвон дольше четырех гудков. Не учтиво выходит. А я ждал уже гораздо больше — со счета сбился. Да и черт с ними, с нормами приличия! Главное — результат.

Голос на том конце трубки раздался, когда я уже отчаялся. Звук был какой-то гулкий, с эхом, будто собеседник находился где-то на дне колодца. Звучал он не то чтобы слишком бодрим. Скорее, так говорит человек, пытающийся собраться после внезапного пробуждения.

— Следователь Курдюмов слушает, — с мрачной хрипотцой изрек динамик.

— Степан Васильевич? Здравствуйте! — как-то слишком суетливо затараторил я, — Краеугольников беспокоит. Александр Сергеевич.

В трубке повисла заметная пауза. Похоже, собеседник лихорадочно старался вспомнить, о каком Краеугольникове идет речь. Но надо отдать следователю должное — сориентировался на удивление быстро. Даже голос как-то ожил, стал более проникновенным.

— Да-да, Александр Сергеевич. Я помню нашу беседу, — с дружелюбной интонацией проговорил Курдюмов, — Вы что-то хотите сообщить? Слушаю вас!

Пришел мой черед неловко молчать, подбирая верные слова. Как-то неловко стало, что отвлекаю занятого человека со своими пустяковыми проблемами.

— Да я, собственно, хотел бы поинтересоваться... если возможно... есть ли какие-то новости по делу Теплова?

На этот раз пауза в трубке длилась гораздо дольше. Если меня собеседник вспомнил почти сразу, то какое-то «дело» какого-то «Теплова» восстанавливать в памяти пришлось гораздо дольше. Я даже встревоженно глянул на экран смартфона — не сбросился ли разговор?

— Дело Теплова... — протянул мужчина без особой уверенности, — А почему вы спрашиваете? Надеюсь, понимаете, что я не уполномочен разглашать любые детали? Тайна следствия все-таки.

— Понимаю... Но мне важно знать, есть ли хоть какие-то подвижки?

— Не уполномочен, — упрямо отрезал Курдюмов, но тут же слегка смягчился, — Но неофициально могу заявить, что дело на особом контроле. Хоть и выглядит, к сожалению, довольно гиблым.

— Гиблым? Почему?

— В данных обстоятельствах разыскать злоумышленника почти невозможно. Если только не появятся новые сведения. А вы, Александр Сергеевич, не желаете сообщить ничего нового?

Как-то неожиданно разговор перетек в ту фазу, когда собеседник задает вопросы, а я пытаюсь отвечать, не нагородив при этом заведомой чуши. Больше походило на натуральный допрос — да еще с невероятным знанием дела.

Курдюмов бегло поинтересовался о работе, осведомился о здоровье Андрея Андреевича, вскользь пробежался по многим знакомым коллегам. Оказалось, что следователь хорошо осведомлен о работе агентства. В частности, визит Седова и прошедшая «аттестация»

конторы вовсе не явились для него неожиданностью. Напротив, собеседник упомянул об этих событиях, как о чем-то само собой разумеющемся.

Я откровенно маялся, не зная, как закруглить разговор, пошедший совершенно не по сценарию. Будь на том конце трубки кто другой — я уже давно бы просто разорвал дозвон. Но с органами правопорядка так шутить почему-то не хотелось.

И в этот момент, Курдюмов, будто почуяв, что ничего толкового не добьется, сам прекратил расспросы. Он громко хмыкнул в динамике, словно осаживая дальнейшие разглагольствования.

— У вас все? — решительно поинтересовался он, — Тогда — до связи! Звоните, если будет что-то необычное.

Заблокировал смартфон и тут же убрал его во внутренний карман. Подальше, так, словно боялся, что Курдюмов сейчас перезвонит. На самом деле следователь вполне мог бы так сделать... И вряд ли бы у меня хватило духу не ответить. Впрочем — зачем ему? И так столько времени бестолково потратил.

Пока разговаривал, сам не заметил, как изрядно пропотел. Несмотря на не слишком теплую погоду, на лице выступила испарина. Расстегнув куртку, кое-как отдышался. Прохладный воздух приятно охладил взмокшее тело.

Переборов накатившую апатию, добрал до ближайшего ларька. Купил громадное мороженое — с большой порцией жидкого шоколада сверху. Все, как я люблю. И охладиться можно, и — заодно — ударная порция быстрых углеводов мгновенно приведет мозги в надлежащее состояние. Возможно, для желудка не слишком полезно, но сейчас приходится думать о другом.

Вновь уселся на скамейку; язык с жадностью слизнул подтаявшее мороженое. Быстро расправился с лакомством, успев даже пожалеть, что не взял две штуки. Ладно, зато горло болеть не будет.

Только восстановив физическое и духовное равновесие, взялся за анализ ситуации. Включилась соображалка, заработал мозг, зашевелились мысли. Наморщился лоб и даже щеки слегка раздулись для важности. Итак, какие же выводы можно сделать?

Во-первых, агентство не будет раскручивать это дело. Андрей Андреевич вполне ясно дал понять. Он четко обрисовал круг проблем, решаемых конторой, и дело Теплова в данную категорию не попадает. Нет наживы, нет заинтересованности. А если и есть, то возможные убытки многократно перевешивают вероятную прибыль. Значит — нецелесообразно. И попросту незачем.

Во-вторых, полиция хоть и пытается, формально, что-то сделать, но так нерасторопно и расслабленно, что возникают серьезные сомнения в эффективности работы правоохранительных органов. Спору нет, дело сложное, и найти убийцу очень трудно, если вообще возможно. Как выразился Курдюмов — «гиблое» занятие. А значит — раскручивать его не будут и стараться. Положат на дальнюю полку и будут ждать дальнейшего развития событий.

И что из всего этого следует? Очень просто: раз ни полиция, ни агентство заниматься убийствами не желает, это должен сделать кто-то другой! Только вот... кто-то? Какие вообще есть кандидатуры?

Я мрачно усмехнулся, отрешенно поглядывая по сторонам.

Думаю, большого количества желающих не сыскать. Если уж быть точным, то такой

дуралей только один. Потому что всем другим, как ни странно, плевать. И на смерти, и на то, что убийца бродит где-то на свободе. Вполне возможно — выискивает новую жертву.

Если уж судьба так распорядилась... Если сам ввязался в это дело... Значит, нужно самому и закончить! По крайней мере попытаться. А иначе — какой из меня детектив?

Что-то внутри болезненно напряглось — и надломилось. Вот и все, решение принято. Раньше я действовал неосознанно, по велению души, а теперь — попробую вполне целенаправленно. Даже можно сказать — наперекор всем. Потому что больше некому.

Накрутив себя эмоционально, решительно поднялся на ноги. На пару секунд принял героическую позу, поправляя распахнутую куртку. А потом — шагнул вперед с задумчивым видом.

Как ни крути — но мне нужен план.

В офисе царило привычное запустение и тишина, прерываемая лишь появлением редких посетителей. Коллеги заглядывали, здоровались, приходили и уходили. Больше никаких отвлекающих факторов. Казалось бы — идеальная атмосфера. Сиди да работай.

Работа не ладилась. Вот уже час проторчал перед клавиатурой, сумев выдавить из себя жалкие две страницы текста. Очередная инструкция шла со скрипом, каждый новый пункт приходилось буквально выжимать по букве. А все потому, что думал совершенно о другом. Мысли крутились исключительно вокруг убийств. Это уже стало напоминать одержимость. Но ничего поделаться с собой я не мог: так или иначе все помыслы возвращались к Теплому и неизвестному маньяку.

В конце концов, с досадой отодвинул клавиатуру прочь. За сегодня и так написал достаточно — на дневную норму потянет. А ничего стоящего уже не добавить — настрой не тот. Продолжать мучить себя нет смысла, выйдет только хуже. И сам окончательно отупею, и работу толком не выполню.

А потому — можно заняться действительно важным! Наконец-то пришло время расставить приоритеты. Бредовую, никому не нужную работу отложить на потом, а сейчас выполнить то, от чего глаза загораются мрачным огнем, а в голове роятся целые стаи идей.

На всякий случай незаметно осмотрелся — нет, никому до меня совершенно нет дела. Сидит человек, значит работает. А чем именно я занят — не уследишь. Да и отчет готов предоставить в любой подходящий момент. Так что не придерешься, не подкопаешься.

Выудил телефон, бережно расположил на ладонях. Документ на экране компа продолжал подмигивать курсором — закрывать редактор не стал. Пусть работает, на всякий случай. Есть ведь не просит. А я, тем временем, займусь своими делами.

Послушно стартануло приложение заметок, там сразу же выбрал новый список. И пошел сочинять — прямо по пунктам.

Первое — мотив. Никакой дурак не стал бы убивать просто так. Во всяком случае не столь выборочно и целенаправленно. Да еще с какой-то садисткой злостью. Значит, нужно выяснить, кому и чем выгодны свершившиеся смерти.

Второе — орудия. В широком смысле. Убийца, похоже, совсем не простой человек. Одинаково хорошо управляется и с шокером, и с огнестрелом, и с холодным оружием на «ты». То есть, получается, прошел какую-то своеобразную подготовку. А значит — можно сузить круг подозреваемых.

Третье — проверить окружение Теплового. Собственность, финансы, долги. Фирма его — что с ней теперь, кому перейдет. Кто вообще наследник? Родственники, друзья, враги.

И четвертое — хорошо бы получить доступ к электронным уликам. Двадцать первый век все-таки. Везде камеры, у всех телефоны. Значит, так или иначе можно отслеживать перемещения людей. Вот и попробовать подобраться к этим данным. Не так уже это и сложно — только плати деньги.

Посмотрел на получившийся список — неплохо. Основа для плана есть. Так всегда лучше — думать на бумаге. Ну или, как в данном случае, на экране телефона. Когда освобождаешь мозг от текучки, он начинает генерировать новые мысли. Глядишь — и появится стоящая. Вот я и глядел, надеясь на внезапное озарение.

Но пока что никаких гениальных идей не зарождалось. Что ж, обидно, но вполне

предсказуемо. В таком случае, будем действовать по старинке: поочередно детализировать пункты плана, уходить внутрь, вглубь каждого предположения. И, по возможности, проверять все появившиеся теории в практическом русле.

Итак, мотив. У каждого преступления — тем более убийства — есть мотив. Аксиома.

Никто не станет убивать просто так. Разве что полные отморозки, но разговор сейчас не об этом. Таких дегенератов быстро ловят — они, обычно, не отличаются умом и сообразительностью. А наш маньяк, напротив, весьма хитер и изворотлив.

Значит, есть весомая причина для трех убийств. Вернее, двух, и одного покушения на убийство. Голякова ведь еще жива, технически.

Что это может быть?

Бытовуху — сразу исключим. Не те это люди, чтобы набрасываться друг на друга из-за неправильно сказанного слова или взгляда. К тому же, так можно было бы объяснить одну смерть, но не череду.

А то, что три нападения связаны между собой — сомнений никаких. Доказательств, конечно, тоже... Но отрицать очевидное будет лишь идиот. Теплова и его супругу убили не просто так. Не по прихоти и не из-за бутылки водки. Тогда что?

Какой-нибудь давний враг? Злодей-недоброжелатель? Кровная месть?

Там можно было бы объяснить смерти Тепловых, но при чем тут его секретарша? Да и обстоятельства гибели... На женщинах явные следы пыток, в то время как сам Виктор Иванович погиб относительно быстро и безболезненно.

Нет, не похоже все это на безумную вендетту. И убийца ни разу не похож на спятившего маньяка. Он действует тонко, расчетливо, тщательно планируя. Разве что в первый раз не учел моего появления...

Значит, не месть. Вернее, она конечно возможна, но крайне маловероятна. Значит — откидываем. Держим где-то в самом дальнем уголке памяти, как запасной вариант.

Остается лишь один реальный мотив.

Деньги.

Большие деньги. А вернее, как объяснил в свое время Андрей Андреевич — *очень* большие деньги!

Только ради такого приза расчетливый, смелый и беспринципный человек мог бы решиться на серию убийств. Но есть в этом допущении одна малюсенькая проблемка...

Проблемка в том, что нет у Теплова таких денег.

Да, они с женой жили не бедно, можно даже сказать — зажиточно. Но и особых звезд с неба не хватало. Основали свой бизнес, развивали, потихоньку наращивали обороты. Однако же, семейной паре было еще очень далеко до тех богатств, ради которых убивают. Не было у них миллионов... долларов, имеется ввиду.

Тем более, когда цель — деньги, нет смысла в смертях. Зачем убивать, если можно банально украсть? Запугать, обмануть, обворовать. Банальный разбой тоже никто не отменял. Ну, максимум — убили бы мужа. При чем тут супруга и любовница? Зачем эти зверства? Как объяснить пытки?

Пытались что-то вызнать? Но что?

Пин-код карты? Так нет на счетах Тепловых таких сумм, ради которых стоило бы стараться.

Код сейфа? Какого еще сейфа? Да и любой сейф проще вывести в укромное место и

методично, без спешки, вскрыть. Совершенно незачем кого-то пытаться и, тем более, убивать.

Тогда что? Координаты зарытого клада?

Поняв, что начинаю морозить чушь, резко остановился. Вздохнул, потер лицо руками. Хватит догадок! Пора собирать факты.

Если убили ради денег, нужно найти эти деньги. А значит — узнать все о финансах Теплова. Счета, бизнесы, наличка... Желательно копнуть как можно глубже.

Как? А вот это как раз не слишком сложно. И даже не то чтобы сильно затратно. Я бы сказал — непозволительно дешево. Но... такова сложившаяся система, и ее не перебороть. Остается только действовать, исходя из имеющихся правил и ограничений.

Пробить человека, его счета, налоги, имущество — проще простого. Даркнет предлагает и не такие услуги. Только плати. К счастью, деньгами я пока что не обделен.

Далее — убийца. Что можно сказать о том, кто провернул эти преступления? Серийный маньяк, по нелепой случайности взявшийся за семейство Тепловых? Или расчетливый спец, съехавший с катушек?

Ну, во-первых, посмотрим на факты.

Этот злодей, кем бы он ни был, отлично владеет холодным оружием. В частности — ножом. Теплова он убил именно так, да и женщин уродовал с помощью чего-то острого. А это уже говорит о многом, потому что купить нож может каждый, но вот уметь с ним обращаться — это уже удел немногих.

К тому же, мистер «икс», по-видимому, неплохо обращается и с прочими образчиками вооружения. С электрошокером, например. Я невольно поежился, будто заново переживая удар электродов и последующие разряды тока. Не слишком приятные воспоминания. Но, как минимум, наводят на определенные мысли.

Еще убийца показал, что владеет и огнестрелом. Причем, у него в наличии не просто пистолет. Достать гранату, пожалуй, посложнее будет. Их так просто в магазине не купишь. А у кого может быть доступ к подобному вооружению?

Едем дальше. Взглянем на проявленные убийцей навыки.

Он ловко обходит камеры наблюдения, либо вовсе избегая попадаться в объектив, либо, как в случае с убийством Тепловой, загодя их отключая. Значит — знает, как устроено оборудование слежения, общие принципы систем безопасности.

Более того, злоумышленник хорошо понимает регламент и распорядок работы правоохранительных органов. Такое ощущение, что он имеет доступ к некоей служебной информации. И, самое удивительное, будто бы осведомлен о деятельности нашего агентства!

Что еще? Личностные данные?

Хладнокровен, силен, решителен. Расчетлив и хитер. Хорошо тренирован и обучен. Пожалуй... все? Так что за образ выходит по итогу?

Это что — сотрудник полиции? Или, возможно, отставной военный? Очень похоже! Еще вариант — убийца так или иначе связан со спецслужбами.

В таком случае сходятся все предположения. Легко объясняется и его подготовка, и знания, и доступ к информации. Да и оружие такому кадру получить будет гораздо проще обычного человека с улицы.

Что это дает? Именно сейчас, для меня — какая польза из такого вывода? А очень просто, пожалуй. Можно взять следующий пункт списка и значительно сузить диапазон поиска. Выйдет точнее, да и, как ни крути, дешевле.

Нужны полные данные об окружении Теплова. Окружение — значит друзья, враги, коллеги, сослуживцы. И, конечно, конкуренты — как уж без них.

Список всех, кто хоть как-то связан с личностью убитого. Ведь предать может кто угодно. Когда замешаны *очень* большие деньги.

Враги — понятно, они для того и нужны, что строить всякие пакости. Не знаю, были ли у Виктора Ивановича явные недоброжелатели, но выяснить этот вопрос стоит в любом случае. Правда, тут есть один нюанс — те, кто с жертвой в явной контре, не станут лезть на рожон. Ведь именно они под подозрением в первую очередь. А значит, для таких персон самое важное — сидеть и не высовываться. Или, как минимум, обеспечить для себя стопроцентное алиби. Так что на многое рассчитывать в данном случае не приходится.

То же можно сказать и про друзей. Дружба, как выясняется, далеко не залог безгрешности и вечной преданности. Наоборот. Друг кинуть может легче легкого, особенно, когда ему стопроцентно доверяют. Получается, товарищей Теплова нужно бы проверить еще тщательней, чем врагов. Во избежание, так сказать.

Коллеги, соратники. Тут все понятно. Наверняка кто-то мог возжелать запретного — долю в бизнесе или нечто другое столь же ценное. Только вот... убивать ради этого? Проверить в любом случае необходимо.

Ну и конкуренты. В любом мало-мальски прибыльном бизнесе они есть. Некоторые — вполне себе культурные, воспитанные, умеющие вести себя по-дружески. С такими можно сотрудничать, делиться клиентами, даже выручать изредка. Но бывают и другие — дикие, глупые, непуганые. Для которых слова «взаимодействие» просто не существует. Безусловно, подобные персоны могут сделать любую пакость.

Однако, опять же — от борьбы за клиентов до серии убийств расстояние довольно значительное. Сомневаюсь, что его можно так запросто преодолеть.

И, кстати, все тоже самое верно и для супруги. Нужен такой же список друзей, врагов и коллег, только составленный относительно Светланы Аркадьевны. В конце концов, могли охотиться и на нее лично. А муж... просто подвернулся под горячую руку.

И хорошо бы, на самом деле, выяснить — кому теперь перейдет все имущество убиенных супругов? Вопросы наследования — скользкая тема. Осталась просторная квартира в Москве, две отнюдь не старые машины, бесхозный бизнес... Не могут же все эти ценности просто перейти государству? Детей у Тепловых вроде бы нет... Но вдруг найдутся какие-нибудь дальние родственники в условном Тамбове или Урюпинске? Что-то ведь делают в подобных случаях? Ищут как-то?

Значит — перечень социальных связей для обоих Тепловых. И если задуматься, списочек-то выходит немаленький. Это только с ходу кажется, что у обычного не публичного человека не слишком много знакомых. Но если начать учитывать не только родственников и близких друзей, а всех — коллег, случайных товарищей и особенно недругов — список будет внушительным.

И вот тут-то как раз очень хорошо, что на личность убийцы можно наложить вполне осязаемые ограничения.

Это должен быть умелый, хорошо обученный и тренированный мужчина. Имеющий непосредственное отношение к тем или иным органам правопорядка или военным структурам. А это уже изрядно сужает поле поиска. Пожалуй, из подобного поиска даже может выйти нечто путное.

Ну и последнее — по списку, но отнюдь не по важности. Данные с электронных гаджетов. А именно — телефоны и камеры. Не знаю, насколько это может быть полезным, но попробовать явно стоит.

Обычные люди, а в особенности жители провинции, приехавшие в Москву, часто недооценивают количество камер наблюдения, развешанных по городу. А между тем, они везде. В подъездах и магазинах, на улицах и площадях, на дорогах и перекрестках. Порой кажется, что и шагу ступить невозможно, чтобы не попасть в объектив очередного электронного глаза.

И чаще всего так оно и есть. Неподготовленный человек, да к тому же не сильно обращающий внимание на наблюдение, будет заснят везде и во всех возможных ракурсах. Но есть, конечно, и способы избежать слежки.

Во-первых, внешний вид человека может поменяться до неузнаваемости. Маски, шляпы, очки, накладные бороды и прочий грим — те, кто в теме, знают, как сменить внешность буквально за считанные минуты.

Ну а во-вторых, камеры можно и обойти. Если знать принцип, конечно. И далеко не везде. Но все же покрытие города отнюдь не полное. Значит — обладая определенными навыками, вполне возможно оставаться незамеченным. По крайней мере в то время, когда это необходимо.

Именно поэтому на камеры я не слишком рассчитывал. Убийца уже показал, что он не дурак, и умеет прятаться от объективов. К тому же, как бы я не был разочарован действиями полиции, именно видео с камер они просматривали в первую очередь. И раз ничего не нашли — значит на записях пусто. Иначе давно бы уже поймали злоумышленника.

А вот с телефонами дело обстоит немного иначе. Заполучить данные геолокации не так-то просто, операторы обычно не разбрасываются подобными сведениями. Да и что можно тут узнать — перечень всех номеров, находящихся в определенном радиусе?

Вроде бы хорошо, но, во-первых, для них еще нужно выявить владельцев. Настоящих, имеется в виду, владельцев, а не только тех, на кого номер зарегистрирован. А это зачастую будут совершенно разные, не связанные между собой люди. И во-вторых, убийца, если он, конечно, не полнейший идиот, мог просто выключить свой телефон!

И вот тут неплохо бы сделать такой финт... узнать всех, кто приблизился к точке «икс», скажем, на километр, а потом пропал из сети. В нужное время, естественно. А после — раз и появился, тоже на определенном удалении. Только вот, кажется, такая процедура не слишком реальная. Разве что вручную всех подозрительных абонентов перебирать.

Посмотрев на разросшийся список требований, я невольно поморщился. Не оставляло ощущение, что я дублирую чью-то работу. Ведь во лбу-то у меня не семь пядей, никогда особой гениальностью не блистал. Значит — в органах сидят люди не глупее. Да и в агентстве работают опытные товарищи. Получается, все мои выдумки уже должны быть проверены, как полицией, так и собственной конторой.

Эх... Ну и что! А я возьму — и перепроверю! Пусть это ничего и не даст, зато совесть будет спокойна. В конце концов, со мной информацией никто не делится, значит — придется все добывать самому.

И вот тут я вступал на весьма тонкий лед. Ибо получить подобные данные законными путями для среднестатистического гражданина невозможно. Полиции, конечно, проще, но на то она и полиция. К тому же многие конторы разглашают конфиденциальную

информацию лишь по решению суда. Зато у обычных людей есть свои лазейки. Вернее, целый пласт «серой» действительности, балансирующей где-то на грани между законом и полнейшей анархией.

Даркнет. Анонимная сеть, полностью лишённая надзора и цензуры. Относительно безопасная и бесконтрольная — при должном уровне собственной параноидальности, конечно. Ибо тут, если сделаешь оплошность — на тебя набросятся все, даже недавние компаньоны.

И в даркнете, по слухам, достать можно абсолютно все. Наркотики, оружие — в том числе. Хотя я и не пробовал, но не вижу ничего невероятного. Если есть спрос, предложение тоже найдется. Ну а торговля персональными данными здесь просто процветает — только успевай платить!

Не сказать, что я похож на хакера — скорее наоборот, недалеко ушел от обычного юзера. Но базовые правила безопасности в сети все же знаю. И как выйти в даркнет тоже. Пришлось, в свое время, слегка подковаться. Поэтому и с доступом проблем не возникло, да и адрес нужного форума искать долго не пришлось.

Ну а дальше — проще. Всего лишь нужно грамотно сформулировать заявку. Учитывая, что мне нужны не какие-то односторонние данные, а целая всесторонняя «пробивка» человека, логичнее искать не десяток разных исполнителей, а тех, кто занимается именно «комплексными» услугами. Выйдет быстрее, хотя и дороже. Но денег в любом случае придется потратить изрядно. Что ж делать, за все ценное нужно платить.

С грустным вздохом притянул поближе клавиатуру, уселся удобнее. Пальцы забарабанили по кнопкам, на экране поползли строчки текста. Техническое задание для проверенного исполнителя. Как и все в даркнете — незаконно, рискованно и может обернуться, при неблагоприятном стечении обстоятельств, против тебя самого.

Но это — первый шаг на пути собственного расследования.

«Альтернативная» работа так увлекла, что за заполнением списков и постов я совершенно не заметил приближения вечера. Вторая половина рабочего дня пролетела совершенно незаметно. Будто только что сел за компьютер — и вот уже пора и уходить. С заметным облегчением отвел уставшие глаза от монитора и только теперь заметил, что в офисе уже давно воцарилась тишина и почти мистический полумрак.

Верхний свет то ли выключили, то ли просто забыли включить. А может, и некому было. Лишь у входа светился одинокий торшер, да помаргивали дежурными огнями редкие включенные экраны. Окна оказались прикрыты непрозрачными жалюзи, так что даже и не скажешь — день на улице или ночь. Глянул на часы — время-то уже не рабочее. Что-то я засиделся.

Потянувшись так, что суставы затрещали, медленно поднялся на ноги. И только теперь заметил, что, оказывается, несмотря на поздний час, в офисе я отнюдь не один. За своими местами расположились еще двое, мои давние знакомые — Диана и Василий.

Они тихо, едва слышно о чем-то беседовали, повернувшись друг к другу. Судя по всему, эта парочка частенько так время проводила. Во всяком случае даже я, совсем недавно тут очутившийся, уже успел наткнуться на подобную картину дважды.

Впрочем, «парочка» — совсем не в «том» смысле. Представить этих двоих именно парой, в романтическом смысле слова, совершенно невозможно. Они, как бы это сказать, были ягодами абсолютно с разных полей. Ну или птицами разного полета.

Диану я мог вообразить где-нибудь на высоком приеме, на балу, на пресс-конференции. На совещании с премьер-министром, наконец. Но никак не, к примеру, за кухонной плитой. И уж совсем невозможно было выдумать те обстоятельства, при которых бы эта дама опустила до мытья полов. Наверное, даже мусор сама не выносит.

А Василий, наоборот, казался излишне приземленным. Этаким «последний герой боевика». С нарочито бандитской физиономией и пудовыми кулаками. При этом умудрившийся сломать все стереотипы необычайно интеллигентной речью. Его я уже видел в деле, а потому он и представал в подобном образе — где-то на передовой, в жестокой схватке с злодеями. Хотя, думаю, с не меньшим профессионализмом он бы нашинковал и мяса для шашлыков.

Как раз в эту секунду мужчина, словно почувствовав чужой взгляд, повернулся ко мне. Простоватое лицо исказилось жутковатой ухмылкой, он приглашающе махнул рукой. И если бы я не знал детектива, то вполне мог бы наложить в штаны от подобного жеста.

Теперь на меня глянула и Диана. Как всегда — оценивающе, как-то свысока, слегка заносчиво. Явно одним взором давая понять, какая грандиозная пропасть нас разделяет. И к этому я тоже уже успел привыкнуть.

Подошел ближе, испытывая странное чувство дежавю. Как будто снова вернулся в тот день, когда устраивался на работу. Те же лица, те же взгляды. Только вот время другое — слишком поздно.

— Ну что, стажер, как жизнь молодая? — глухим баском поинтересовался Василий, едва я очутился рядом, — Гляжу, из-за монитора не вылезает. Неужто работа так захватила?

Под его пронизательным взором стало слегка не по себе. Слово он прямо сейчас

сможет походя вычислить, чем на самом деле я только что занимался. Тут же отбросил эту мысль, как бредовую — для подобных умозаключений одной дедукции недостаточно. Вот если бы они специально следили...

— Не смущай молодняк, увалень, — со снисходительной улыбкой посоветовала коллеге Диана, — А то он снова язык проглотил.

— Да я что, я ничего, — слегка смутился мужчина, — Шучу же... Просто интересно, чем малек так сильно увлечен.

Я напряг мозг, лихорадочно изыскивая наиболее безобидный ответ, который мог бы разом отрезать последующие расспросы. Но тут случилось нечто, само собой избавившее меня от необходимости врать.

Дверь кабинета шефа распахнулась, оттуда с рассеянным видом вышел Батя. Захлопнулась створка, скрипнул ключ в замке — босс пошел через офис, глядя перед собой каким-то невидящим взором. Он словно настолько увлекся какой-то внутренней идеей, что совершенно не замечал ничего окружающего.

Зато мои сослуживцы разительно переменились.

Диана как-то сразу посерьезнела, напряглась, распрямилась. От бывшего высокомерия не осталось и следа. Я бы сказал, что шеф сбил с нее спесь одним фактом своего появления.

Василий тоже вытянулся стрункой. Если бы можно было сесть по стойке «смирно» — это выглядело бы именно так.

Причем, в обоих случаях это была отнюдь не показуха, не желание выпендриться перед начальством. Искреннее уважение и почтение — вот что можно прочесть в позах и на лицах детективов.

Ну и я, конечно, последовал их примеру. Замер, как тополь на Плющихе, нелепо прижав руки к бокам.

— Андрей Андреевич, — Василий поприветствовал шефа уважительным наклоном головы.

Батя прошествовал мимо, не обратив, казалось, никакого внимания ни на слова, ни на фигуры подчиненных. Лишь пройдя с десятков шагов, он остановился, будто только сейчас восприняв услышанную информацию.

Он рассеянно оглянулся, мимолетный взгляд обежал собравшихся, чуть дольше задержавшись на сидящем детективе.

— А, Вася... — слегка смущенно протянул босс, — Приветствую...

И, посчитав диалог исчерпанным, Батя продолжил путь к выходу. Он покинул офис в полной тишине, так и не удостоив словом ни меня, ни Диану. Я, впрочем, совершенно на шефа не в обиде.

— Не смотри, что Батя иногда такой странный, — совершенно спокойно проговорил Василий, — На все есть свои причины. Я тут работаю почти десять лет и кое-что успел усвоить. Андрей Андреевич никогда ничего не делает просто так. За каждым его шагом скрыто нечто, непостижимое для таких олухов, как мы с тобой.

Диана издала сдержанный смешок, однако, спорить не стала. Скорее даже утвердительно моргнула. Похоже, оба детектива были о шефе исключительно высокого мнения.

— Я заметил, что вы Батю сильно уважаете, — полувопросительно кивнул вслед ушедшему.

— Ха! Уважаем... Можно, конечно, и так сказать, — Василий, слегка расслабившись, оперся локтями на стол, — Уважение, дружба, преданность...

— Любовь, — подсказала Диана, что в ее устах прозвучало... неожиданно.

Мужчина глянул на коллегу, на секунду задумавшись.

— Пожалуй, — согласился он, — У каждого из нас свои резоны. Однако, ты должен понять, что Батя — не простой человек. Это... своего рода современный Дон Кихот. Со своими необычайными чертами характера, с непоколебимыми убеждениями и верой в человеческую доброту. Он... не чета нам. И если уж быть честным, с Бати пример нужно брать.

Василий поскреб подбородок, потом как-то весело прищурился.

— Ты даже не догадываешься, из какой задницы босс меня вытащил в свое время, — с ехидной усмешкой продолжил он, — Я ведь воевал, по молодости. А потом, внезапно, стал никому не нужен. Подразделение расформировали, личный состав уволили в запас, как это бывало в те времена. Хоп — и от ворот поворот! И вот я оказался без друзей, без семьи, без родни. И все пожитки умещались в заплечной сумке.

Наклонил голову, сполна оценив сказанное. Почему-то, подспудно, ожидал какой-то подобной истории. Более того, внутри крепло подозрение, что каждый сотрудник агентства может рассказать нечто подобное — повествование о падении на дно и неожиданном спасении с непосредственным участием Андрея Андреевича.

— Я ведь не дурак, — хмыкнул Василий, — Уже тогда хорошо понимал, что с моей рожей и навыками путь один — либо в менты, либо в бандиты. Милиция в те времена тоже палец сосала, совсем тоскливо было. Так что светила мне одна проторенная дорожка... И если бы не Батя, то, вполне возможно, я до сих пор крышевал бы рынки да быковал на зажиточных коммерсов. А скорее всего — уже давно бы сидел. И, вероятно, не в первый раз.

— А почему Батя вышел именно на тебя? — удивился я, — Как нашел?

— А вот не знаю, — хохотнул детектив, — Судьба, наверное. Или приглянулся чем-то, понравился.

Теперь уже засмеялись все. Даже Диана хихикнула вполне искренне, деликатно прикрыв ротик изящной ладошкой.

Я посмотрел на женщину, встретив ответный взгляд — жесткий, пронизывающий, надменный.

— Даже не думай, — усмехнулась красотка, — Я делиться откровениями из прошлого не собираюсь.

— Жаль, — я вполне искренне пожал плечами.

Василий иронично посмотрел на меня, с таким видом, будто читает открытую книгу.

— Ты, верно, решил, что Андрей Андреевич тут собирает армию преданных солдат. Так сказать, ищет больных, помогает, а потом приобщает их в строй своей личной армии.

Пришлось неопределенно помотать головой, потому что детектив буквально снял подобную фразу у меня с языка.

— Ничего, стажер, не ты первый, не ты последний, — саркастично подбодрила Диана.

— И ведь, по большому счету, ты в этом и прав, — задумчиво подтвердил Василий, — Только ничего плохого в этом нет. Да и уважают Батю не только и не столько за это. За его плечами весьма богатый опыт, знания и умения, о которых мы можем только догадываться. Бьюсь об заклад — какую сферу не возьми, шеф тебя легко за пояс заткнет!

Возражать не хотелось, ведь это самое легкое — бахвалиться попусту. Впрочем, в случае Бати ни в чем нельзя быть уверенным наверняка. Вдруг он и вправду такой уникальный, как говорят?

— Ты знаешь, например, что Андрей Андреевич жмет больше меня? — с легким оттенком грусти пробурчал Василий, — А уж про становую тягу я и вовсе молчу! Сдается мне, Батя когда-то силовым троеборьем занимался вполне серьезно. Да и сейчас силы в нем предостаточно!

— А по нему не скажешь, — удивился я, — Видно, конечно, что фигура атлетичная, но не настолько...

— То-то и оно! — радостно кивнул детектив, — Батя напоказ не выставляется... Не то что некоторые... атлеты, — последнее слово он выплюнул с хорошо различимым презрением, — Ладонь у шефа видел?

— Ну... ладонь как ладонь.

— Ха! Стальные тиски и то слабее! — фыркнул Василий, — Как-то раз приходил тут один... конкурент. Отжать бизнес решил, или, как это тогда было принято — войти в долю. Ну и поручкался по дурости. Так и ушел — с кашей из костей вместо пальцев. Больше его, кстати, видно не было.

Я понятливо переваривал услышанную информацию. Совершенно ясно, что большая часть из сказанного могло оказаться обычными байками... Но и сказки все же зачастую основаны на правде.

— А помнишь, как Батя на спор уложил три выстрела в десятку на двух сотнях? — мечтательно протянула Диана, — Он и с оружием обращается — будь здоров! И с огнестрелом, и с холодным. Такое ощущение, что в руках шефа любая вещь может стать смертоносной. Старая школа КГБ. Их там вообще порой учили весьма... странным вещам.

— Ага! — с улыбкой подхватил мужчина, — Очень странным! Приемчики настолько необычные... Вроде и просто все, а сходу не поймешь. Ты ведь знаешь, что я подраться не дурак. А вот как-то вышел с Батей на ринг... На спарринг. И знаешь — такое чувство обреченной беззащитности меня не посещало ни до, ни после. Он меня с полчаса по настилу катал, татами мною вытирал, как хотел. И главное — меня после этого хоть выжимай, как мокрую тряпку. А Бате — хоть бы хны! Так, пот со лба вытер, да и дальше пошел.

— Это... впечатляет, — выдавил я с некоторой оторопью.

Если уж Василий, человек сильный и тренированный, признает первенство Бати. То что говорить обо мне? Получается, Андрей Андреевич наголову выше. Во всяком случае в том, что касается специальной подготовки.

— Да... — протянула Диана, — Мы вообще довольно мало о нем знаем. Вот ты, например, хотя бы представляешь, какая фамилия у твоего босса?

— Ну, это легко, — ответил с показной бравадой, — Видел в документах. Самая обычная фамилия, распространенная. Петров!

— Как бы ни так, — с обидной издевкой рассмеялась красотка, — Видеть-то видел, да ничего не понял!

— В смысле? Это что, псевдоним?

— Вроде того, да не совсем, — фыркнула дама, — Это, так сказать, официальная фамилия. Но есть и другая, настоящая.

Тут я действительно смутился. Как-то в голову не приходило, что у человека, тем более

довольно успешного, может быть несколько фамилий. К тому же был уверен, что уж это-то точно знаю! А оказывается вон оно как...

— И... что за настоящая фамилия?

Детективы переглянулись, словно советуясь: можно ли доверять подобную информацию стажеру. Диана как будто сморщилась, но Василий сурово пожал плечами — мол, сказала «а», говори и «б»!

— Каландаришвили, — мрачно выговорила женщина.

— Так он что — армянин?

— Грузин. Наполовину. Отец с Грузии. Бросил их с матерью, когда сын только ползал. Вот тот и не захотел фамилию папаши себе оставлять. Взял нейтральную. Таковую, что ни к чему не обязывает. Да и неприметная она... Эй! Ты чего это?

— А?! — я выпрямился, только сейчас осознав, что стою, разинув рот и схватившись руками за волосы, — Да ничего... Просто очень удивился!

— Это да! Батя умеет удивлять! — пафосно и слегка покровительственно заявил Василий, — Вот, помню, был раз случай...

Он что-то еще рассказывал, но я слушал в пол-уха, совершенно не воспринимая слова. В голове вертелась фамилия Андрея Андреевича, крутилась, переворачивалась, склонялась на все лады. А все потому...

Потому что вдруг мне вспомнилась последняя фраза убиенного Теплова. Он прошептал нечто нечленораздельное, глупое, несуразное. Что-то очень сильно напоминающее слово «карандаш». Однако, вот теперь я взглянул на прощальный стон совершенно по-другому.

А что, если он пытался назвать своего убийцу? Что, если это вовсе не упоминание писчей принадлежности? Что, если бедолага хотел произнести чью-то сложную фамилию? Что, если умирающий Виктор Иванович силился выговорить — «Каландаришвили»?!

Остаток разговора прошел как-то скомкано. Во всяком случае, воспоминания о нем какие-то рваные, пустотелые. Голова моя оказалась занята совершенно другими мыслями, а потому отвечал невпопад, зачастую морозил глупости. Ну а по большей части — молчал с глупым видом.

Собеседники, быстро поняв, что толку от меня никакого не добьешься, покорно оставили в покое. Надеюсь, списали мои причуды на долгий рабочий день и накопившуюся усталость. Не хотелось бы с ними ссориться — хорошие ведь, по сути, ребята. Даже несмотря на свои явные заскоки.

Внезапно я ощутил себя сидящим за собственным столом. Каким образом сюда дошел и как включил комп — совершенно вылетело из головы. Вокруг царил почти полная тьма — в офисе остался, похоже, только я один. Ни души, ни лучика света, ни единого шороха. Только попискивания системника да яркие блики монитора.

Руки как-то механически опустились вниз: одна на мышшь, другая на клавиатуру. Усталость — настоящая, а не вымышленная — действительно давала о себе знать. Действуя, как робот, по заранее заданному алгоритму, снова вышел на недавно посещенный форум.

Отыскал свою заявку — статус поменяться еще не успел. Это хорошо! Значит, отредактирую на месте. Просто добавлю новые данные к уже имеющимся. А спросить у меня теперь есть что! На этот раз интересуется кое-кто вполне конкретный!

Итак, вопрос можно сформулировать следующим образом. Где находился телефон Андрея Андреевича в миг покушения на Теплова? Плюс — не только в момент «икс», но и,

скажем, за час до этого? И через час после?

А что? Если вдуматься, такое предположение многое объясняет! Именно Батя имеет и необходимые навыки, и, вероятно, может получить легкий доступ к оружию. Черт возьми, да ведь он сам показывал электрошокер в кабинете! Уж не из него ли тогда шандарахнул по мне в темноте?!

Тем более, что оспаривать квалификацию Андрея Андреевича никому и в голову не взбредет. Только что двое коллег всю голову прожужжали на тему того, какой Батя «уникальный». Вот тебе и рыцарь! Вот тебе и Дон Кихот!

Единственный непонятный вопрос — мотив. Но об этом можно и позже поразмыслить. Когда появятся весомые доказательства. Потому что пока все подозрения — лишь голословные умозаключения, не более.

Обновил заявку, уже осознавая, что ее выполнение теперь точно влетит в копеечку. Такую информацию добыть несколько сложнее и стоит она уже совсем других денег. Зато это будет первым ощутимым шагом на пути к отгадке. Реальное расследование с настоящим подозреваемым. Остается только дожидаться результатов изысканий.

Так и пошел домой — усталый, вымотанный, иссякший. Зато с чувством хорошо выполненного долга.

Утром еле-еле проснулся. Продрал глаза по будильнику, веки расцепились ровно настолько, чтобы понять — на улице уже светло. Тяжелый липкий сон никак не хотел отпускать. Кровать притягивала, как магнит. Одеяло спутало ноги, мешая подняться. Лишь титаническим усилием воли перевалил тело на пол. Медленно поднялся и, скрипя зубами, побрел умываться.

Пока чистил зубы так и не смог прийти в чувство. Вода брызгала на лицо, не принося ожидаемой свежести. Движения неуверенные, замедленные. Будто сомнамбула. Что уж говорить о голове — ни одной мысли в мозгу не родилось.

Уставился на себя в зеркало — жуткое зрелище. Не выспавшаяся, усталая рожа с красными глазами и осунувшимися щеками. Потер лицо ладонями и, переборов приступ лени, полез в душ.

Душ волей-неволей получился контрастным. Такова уж особенность водоснабжения. Главное, в чем причина — хрен поймешь. Вроде и напор воды отличный, и температура что надо. А вот все равно, то поток обжигающий, то леденящий, и хоть ты тресни!

Зато освежился действительно отменно. Наконец-то проснулся, ощутил первые признаки бодрости. Для полноты картины не хватало лишь одного — чашки крепкого кофе.

Пробравшись на кухню, приступил к насыщению. Щелкнул чайник, в холодильнике нашлась вполне съедобная с виду ватрушка. Растворимый кофе, сахар, кипяток — над чашкой поплыл освежающий запах напитка.

Уселся за стол, размеренно работая челюстями. Параллельно тыкнулся в телефон, просматривая план на день. Ничего необычного не предвиделось, кроме, разве что, одного пункта, который я держал исключительно в уме. А именно — нужно проконтролировать собственную заявку. Сегодня исполнитель точно что-то ответит. А значит, будут и подвижки.

Завершив завтрак, усиленно потянулся. Возникло адское желание никуда не ходить. Как было бы здорово остаться дома, поваляться в постели, почитать книгу. Да хотя бы просто прогуляться по парку, наслаждаясь бездельем и праздностью.

Встряхнувшись, заставил себя собраться. Дела сами себя не сделают! Быстро оделся, проверив прогноз погоды. Куртка обхватила плечи, хлопнула входная дверь, улица встретила холодным воздухом и горячими солнечными лучами.

Домчался до офиса меньше чем за час. Все как обычно — метро; вагоны, забитые сонными людьми. Мрачные лица, уткнувшиеся в телефоны. Толпа, суета, бесконечная лента эскалатора.

В офисе оказалось на удивление многолюдно. Я даже как-то растерялся — не привык видеть за рабочими местами столько народа. Сегодня что — день зарплаты? Или звезды так сошлись? В обычно пустом помещении образовалась толкучка, стоял приглушенный гвалт голосов. Я пробрался к рабочему месту, удивленно приветствуя встреченных коллег.

Диана и Василий, конечно же, тоже присутствовали. На своих рабочих местах, во всеоружии, деловые и собранные. На меня особого внимания не обратили, ограничившись стандартным приветственным кивком.

Это хорошо, это значит, что я по-прежнему не вызываю подозрений. Обычный тихий стажер, занятый непонятно чем и неясно зачем. Что ж, чем меньше любопытных взглядов,

тем спокойней работать.

Едва успел сесть за стол, как в офис вошел Батя. Он шествовал сквозь собрание под одобрительный приветственный гул, раскланиваясь и улыбаясь во все стороны. Многие детективы специально подходили, чтобы протянуть шефу руку. Иные ограничивались радостным взмахом ладони или веселой фразочкой. Андрей Андреевич отвечал всем — с довольным видом, будто кот, осиливший банку сметаны.

Я тоже буркнул нечто доброутреннее, изобразив приветливую гримасу. Но Батя, вместо того, чтобы просто пройти мимо, неожиданно задержал ход.

— Александр, здравствуй! — одобрительно прогремел он, — Как успехи? Копаешь?

Сказано это было таким тоном, что у меня аж сердце в пятки упало. Неужто он *знает*, что я *знаю*? Растерянно моргнул, не найдясь с ответом.

— Работай! — Андрей Андреевич размашисто хлопнул меня по плечу и как ни в чем не бывало продолжил триумфальное шествие к кабинету.

Все еще находясь в небольшом раздрае, уселся за комп. Из головы никак не выходило то выражение лица, с каким Батя произнес: «Копаешь?». Этакая смесь одобрения и снисходительной насмешки. Будто он все знает, но, так уж и быть, дает высочайшее дозволение на дальнейшие раскопки.

А если знает, значит — уверен, что ничего не найду? Стопроцентно может доказать собственную невиновность? Может, у него неоспоримое алиби? Да и вообще, что это привязался именно к нему? Других бывших гэбэшников что ли мало?

Хотя, про таких говорят, что они бывшими не бывают...

Ну и ладно. Раз «сам» разрешил, то и проверим. С меня не убудет. Вернее, убудет, конечно — любая информация стоит денег. А вот каких и сколько — сейчас узнаю!

Запустил комп; почти не глядя на клавиатуру вбил пароль. Запустил браузер, соблюдая все необходимые предосторожности. Не забыл, кстати, и оглядеться — в офисе собралось столько народу, что кто-то мог заглянуть через плечо просто случайно. Но нет, никто вообще в мою сторону не смотрел. В любом случае не помешает быть начеку.

Вот и нужный форум, вот моя заявка. Есть — статус поменялся! Исполнитель ответил — как всегда лаконично и только по делу.

За задание берется. Срок исполнения — сутки с момента оплаты. И цена. Сумма, невольно заставившая меня уважительно присвистнуть.

Конечно, тут нужно понимать, что я общаюсь не с конечным поставщиком услуг. Это всего лишь посредник. Агрегатор заданий, так сказать. Ему скидывают запросы, а уж дальше этот тип сам ищет, кому и что можно поручить. Оттого и сумма увеличивается в разы: каждому дополнительному звену в цепочке требуется своя мзда. Ну а не хочешь связываться — пожалуйста. Сам ищи исполнителя по каждому пункту.

И все же — отдавать почти половину совсем не маленькой зарплаты... Признаюсь, такая заявка изрядно напрягла. С другой стороны — отступить-то уже некуда. Я решил и решил твердо — довести дело до конца. А значит, чем-то придется и пожертвовать. В конце концов, деньги отнюдь не самое страшное из того, чего можно лишиться.

Гораздо больше напрягла приписка, оставленная внизу: «Оплата исключительно в биткоинах». И номер кошелька.

Вот так раз! Ранее вроде обходились более демократичными вариантами. Хотя, когда это было... С тех пор много воды утекло, а уж в айти сфере и вовсе сменилось целое

«поколение».

Так-с... Биткоин. Ну и что? А то, что кошелька у меня не имеется, ровно как и понятия о том, каким образом его заполучить. Вроде бы процедура не должна быть особо сложной. Но и с бухты-барахты тут не разберешься. Надо вникать, чтобы не попасть впросак.

Что я вообще знаю о биткоинах? В голове вертелись только какие-то общеизвестные фразы. Даже не фразы, просто набор случайных слов: «анонимность», «майнинг», «криптовалюта»... Напряг мозг, но при всем желании увязать разрозненные мысли в нечто общее не получилось. Вывод — нужна консультация специалиста. А специалист у нас кто?

Поднявшись, размеренно направился в сторону айти отдела. Оставалось только надеяться, что Джаеш на месте.

— А, Саня! — Джаеш, кажется, даже обрадовался, увидев новое лицо, — Доброго утра!

Говорил он на удивление чисто, без намека на акцент. Да и выглядел вполне себе по-европейски, без чалмы и прочих индусских штучек. Происхождение выдавало себя только невероятно смуглой кожей, да характерной формой лица.

Вообще, сколько индусов встречал до этого — не слишком-то они мне нравились. Чрезвычайно хитрожопые, импульсивные. Постоянно что-то лопочут на своем непонятном наречии. И танцуют по любому поводу, куда уж без этого. Сказать по правде, больше напоминают каких-то окультурившихся цыган. Впечатление оставляют не самые радужные, хотя есть, конечно, и исключения.

И вот Джаеш как раз таким исключением и являлся. Ничего в нем не напоминало тех самых «цыган», которые всплывали у меня в воображении. Глава айти отдела выглядел невероятно культурно и интеллигентно. О знаниях можно и вовсе не говорить. Память, кстати, тоже отменная, раз мое имя запомнил с одного раза.

Одним словом, был он не таким, как все. Насколько бы двусмысленно это ни звучало.

— С чем пожаловал? — доброжелательно прищурившись, спросил индус.

Узнав о цели визита, он как-то даже лицом просветлел. Видно, эта тема была Джаешу близка и знакома не понаслышке. Усадив меня рядом с собой, айтишник тут же взялся за развернутый ликбез. Это напоминало целую лекцию — настолько он порой подробно углублялся в суть вопроса. Пожалуй, после получасового прослушивания в моей голове скопилось столько новых данных, что дальнейшее усвоение попало под угрозу саботажа.

— Погоди-погоди! — я прервал очередную длинную тираду «наставника», — Что же это получается? Все твердят об анонимности, а ты мне рассказываешь про то, что каждая транзакция попадает в общую историю?

— Так и есть! Транзакции общедоступны и полностью прозрачны. Анонимными могут быть только кошельки. Вернее, даже не так — владельцы кошельков! При должной осторожности, разумеется.

— Ага... Ну, а как бы мне...

— Создать кошелек? — счастливо просиял Джаеш, — Ты пришел по адресу!

Он полез в сумку, и спустя секунду в руках айтишника мелькало некое устройство, до боли напоминавшее обычную флеш-карту.

— Это — аппаратный кошелек, — пояснил индус, — Не смотри, что выглядит непрезентабельно. Где простота — там и надежность! По сути, внутри обычная эсде-карта, только с навороченной системой защиты от несанкционированного доступа.

— Как это?

— Да вот так. Пароль на вход — раз! Кроме верного есть еще два пароля — для параноиков. При вводе первого программа покажет обычную пустую флешку, без следа ключей. Ну а второй — для полного уничтожения всех данных.

— А перебор?

— После десяти неправильных вводов — блокировка и уничтожение! Все продумано, парень! Фирма не первый год в деле. Этими кошельками все уже лет десять пользуются!

Мне осталось только развести руками — возразить было нечем. Единственное, что я кажется понял — так странную заинтересованность Джаеша.

— А ты, стало быть, ими барыжишь? Твой бизнес? — уточнил для справки.

— Понимаешь ли, — заговорщицки подмигнул индус, — С годами осознаешь, что неплохо иметь альтернативный источник заработка!

Фраза «с годами» прозвучала несколько высокопарно: по виду ни мне, ни Джаешу не дашь больше тридцати. Впрочем, мудрость высказывания от этого не слишком уменьшилась. Несколько источников дохода всегда лучше, чем один, хотя бы из соображений безопасности. Что-то пойдет не так, уволят с работы, а у тебя будет запасной вариант.

— Так, с этим решили, — индус, между тем, вовсю химичил с «флешкой», — Ты сколько денег планируешь туда закинуть?

Я назвал сумму, и Джаеш на этот раз посмотрел весьма уважительно. Во взгляде айтишника проснулся неподдельный интерес.

— Смотри, — объяснял он, — Кошелек мы тебе сделаем, а потом поступим так... Ты мне деньги перекинешь через онлайн банк, а я тебе — через биткоин кошелек. Идет?

На все про все у нас ушел примерно час. Когда необходимые операции оказались завершены, Джаеш удовлетворенно причмокнул.

— Вот и все! — радостно заявил индус, — Теперь транзакция стала частью системы. Любой пользователь сможет увидеть, как с кошелька «а» определенная сумма перешла на кошелек «б». Но вот то, кому принадлежат эти кошельки... Это и есть анонимность.

— Понимаю, — подтвердил я, — А ты, получается, сейчас обналичил свои битки, да так, что никто никогда не подкопается.

— Именно! — просиял Джаеш, — Впрочем, ты сам не торопись выводить их в наличку. Курс растет день ото дня! Повезло тем, кто скупал биткоины на заре их существования. Представляешь, можно было приобрести тысячи битков за сущие копейки! А сегодня один биткоин стоит десятки тысяч долларов. Вот и думай. Изрядно, наверное, кто-то наварился!

— Держи! — индус вдруг принял необычайно серьезный вид, — Береги, как зеницу ока! — он протянул мне флешку-кошелек, — Потеряешь — пиши-пропало. Забудешь пароль — все, кранты. Запомни одно неоспоримое правило: если ты не владеешь ключами, ты не владеешь и биткоинами. Все понял?

Я помотал головой — чего уж тут не понять? Излишне усложнено, конечно, на первый взгляд. Если бы подобную систему проектировал я, сделал бы все гораздо проще. Наверное... Если бы вообще сумел.

А тут, получается, аппаратный кошелек, хранящий приватные ключи. Однако, само устройство защищено вполне обычным паролем, зная который, можно получить доступ к содержимому...

Что-то тут крутилось... Какая-то зацепка была в этой идее. Нечто новое, ценное. Дс чего я не додумался раньше и никак не мог ухватить теперь. Ладно, разберемся...

Искренне поблагодарил Джаеша. Вышло даже лучше, чем я рассчитывал: айтишник не только поделился информацией, но и принял живое участие в вопросе. По сути, он одним махом решил все мои проблемы. И кошелек помог создать, и битки сразу же перевел. Одним словом — комплексные услуги. Пришлось, конечно, и ему заплатить копеечку «за суету» и за само устройство. Но это сущие мелочи по сравнению с той суммой, какую я готовился отправить в никуда ради продолжения расследования.

Так что индус тоже не остался ни с чем. Мы попрощались вполне по-приятельски, каждый остался доволен общением и личностью собеседника.

Я пробрался обратно к собственному компу и битый час занимался тем, что настраивал оплату. Наконец, все заработало, как надо — у меня получилось перевести биткоины по указанному адресу.

В этом и был риск. Теоретически, в этот момент адресат мог бы просто исчезнуть, даже не махнув ручкой на прощание. Вычислить его и привлечь за невыполнение условий — практически нереально. Единственное, что дает хоть какую-то гарантию выполнения обязательства — репутация посредника. Он и сам ведь заинтересован в потоке клиентов, а не только в том, чтобы нагреть одного случайного простофилю.

К моему удивлению, статус заявки обновился почти сразу. Исполнитель действовал весьма оперативно — когда дело касалось денег. Не прошло и пяти минут, как под моим заданием красовалось резюме: «Оплату получил. Приступаю к выполнению».

Что ж, значит максимум спустя сутки я получу всю заказанную информацию. И пусть она будет добыта не вполне законным путем. Ни один суд не посчитает такие данные за улику. Но так ведь я и не в суде. Главное, доказать все для себя самого. А дальше — подумаю, что делать.

С облегчением развалился в кресле. Главное дело за день выполнено, дальше можно слегка и расслабиться. Процесс запущен, вспять его уже не повернуть. Тем лучше! Надоела неопределенность.

Механически крутил в руке свое новое приобретение: серый пластиковый прямоугольник, практически неотличимый от обычной флешки. Глаза не отрывались от миниатюрного устройства, а в голове, как заведенные звучали слова из разговора с Джаешем.

Как он там сказал? «...Можно было приобрести тысячи битков за сущие копейки! А сегодня один биткоин стоит десятки тысяч долларов... Изрядно, наверное, кто-то наварился!»

А ведь это, если задуматься, многое объясняет!

Я резко выпрямился, схватив «флешку» обеими руками. Черт возьми! Вот же он — тот самый «сейф» с деньгами, который я никак не мог отыскать! Да еще именно такой, к которому необходимо подобрать «ключик»!

И ведь как все просто и логично получается, если вдуматься!

Итак, допущение номер один.

Когда-то давным-давно, в то время, когда биткоин был еще чем-то загадочно-эфемерным, непонятым, чуждым «серьезным» людям, Виктор Иванович Теплов не побрезговал приобрести некое значимое количество битков. Зачем он это сделал? Кто теперь узнает... Возможно, из любопытства. Или в качестве весьма рискованной инвестиции. А учитывая то, что тогда криптовалюта практически ничего не стоила — может

быть, и вовсе ради шутки.

Купил... Вполне вероятно, что даже воспользовался таким же кошельком, как у меня — фирма-то тоже старинная.

И вот ведь ирония судьбы. Тысяча битков, купленная тогда за сущие гроши, в наши дни превращается...

Я посмотрел на курс криптовалюты и удивленно присвистнул. Проведя в уме нехитрые вычисления — присвистнул еще более выразительно.

Это же целое состояние! Миллионы! И отнюдь не рублей! Миллионы долларов, черт возьми! Это именно что *очень* большие деньги. Ради которых вполне можно рискнуть. А кое-кто не погнушается ничем — ни воровством, ни пытками, ни даже убийством.

Допущение номер два.

Теплов на долгие годы забывает о собственном приобретении. Кошелек-флешка тихо-мирно лежит, пылится где-нибудь в глубине темного ящика. И только когда спустя много лет Виктор Иванович решает сделать генеральную уборку, он натывается на некое странное устройство, разбудившее в памяти смутные ассоциации.

Недоумение. Узнавание. Изумление. Восторг.

Он вспоминает, что это. С трудом, но выуживает из памяти пароль от кошелька. Проверяет доступ — и убеждается, что запасенные на черный день биткоины все еще ждут владельца!

Неимоверная радость! Счастье!

Теплов понимает, что в одночасье стал сказочно богатым! В его руках громадное состояние, взявшееся буквально из воздуха. Все, что требуется от мужчины — грамотно им распорядиться. И в первую очередь — нужно как-то обналечить криптовалюту. Желательно, не привлекая лишнего внимания и максимально безопасно.

И тут мы делаем третье допущение. Теплов решает обратиться за помощью к Андрею Андреевичу, которого хорошо знает. Ведь он уже не раз имел дело с «Аналитическим Агентством», и каждый раз оно показывало себя с наилучшей стороны. Батя для Виктора Ивановича... ну... пусть не близкий друг, но вполне себе надежный и безотказный товарищ. Значит, именно к нему можно постучаться с неожиданно свалившимся на голову богатством! Попросить о помощи, подстраховке, защите...

И что же дальше?

Андрей Андреевич реагирует моментально. Прилетает к Теплому на работу, они заключают предварительный устный договор... Потом вместе едут в офис конторы, чтобы все основательно обсудить и составить план действий. Вот только добраться до места назначения Виктору Ивановичу не суждено.

Батя решает переиграть все по-своему. Соблазн велик — сумма, позволяющая наслаждаться не просто безбедной старостью, а по настоящему роскошной жизнью! К тому же, ради нее почти ничего не нужно делать... Легкие деньги! Лишь «уговорить» доверчивого человечешку поделиться нежданной находкой.

Андрей Андреевич уговаривает (или заставляет?) Теплова остановиться в безлюдном переулке. Дальше — под тем или иным предлогом отбирает у мужчины флешку. Зарождается конфликт, они начинают ссориться. Невольным свидетелем развязки пришлось стать мне. Батя убивает Виктора Ивановича и скрывается с места преступления, унося с собой баснословную ценность — биткоин-кошелек мертвеца.

А ведь потом он еще имеет наглость вернуться к трупу! Уверен, именно Андрей

Андреевич сидел в подвезавшем гелендвагене на пассажирском кресле. Именно он отдавал команды Диане. Только вылезать не стал, чтобы не вызывать у меня несвоевременных ассоциаций.

Так, стоп! Что же тогда выходит — Диана действует с шефом заодно? Она знает о его преступлении?

Не факт, конечно... Но и сбрасывать со счетов подобную возможность я бы не стал. Доверять красотке теперь можно лишь постольку поскольку...

Что дальше?

И тут, внезапно, Андрей Андреевич понимает, что жестоко просчитался! То ли он ничего не знал о пароле, то ли не успел его выпытать у Теплова. Однако, без нужной комбинации получить доступ к кошельку нереально. Значит и воспользоваться биткоинами невозможно. Прямо как в детской загадке: висит груша, нельзя скушать...

Начинается охота!

Батя выслеживает и пытается жену Теплова, надеясь узнать у нее пароль от кошелька. Да еще умудряется обставить все это так, будто бы мы охраняем бедную вдову! И как только слежка снята — бац! И камеры он отключил, и так ловко обошел все системы охраны... Возможно, Светлана Аркадьевна даже сама пригласила его в квартиру! Она ведь знала Батю. Наверняка ему доверяла.

Потом, не получив требуемого, Андрей Андреевич решает взяться за любовницу. Именно поэтому в прицел агентства попадает Голякова — а вовсе не из-за той суммы, что ее жмот-муж мог бы заплатить за слежку. Получается, Батя сам спровоцировал и развод, и посещение клуба, и нападение на меня. Сам ловко дожидался в номере отеля. У Евгения не было ни единого шанса — уж от кого-кого, а от Бати оперативник явно не стал бы ожидать подвоха!

Итог — смерть детектива, быстрый допрос Голяковой. Ничего!

В этот раз Андрей Андреевич убеждается, что излишне поспешил. Ни жена, ни любовница Теплова знать не знают не то что о пароле, но и том, что у Виктора Ивановича вообще был крипто-кошелек. В общем-то, даже слово «биткоин» вызывает у обеих женщин лишь недоумение.

Дело не выгорело. То, что изначально казалось легкой наживой, вылилось в череду бессмысленных смертей. Что же делать в таком случае? А ничего! Спустить случай на тормозах, дело закрыть из-за отсутствия рентабельности. Ну а полиция — пусть себе копает. Вряд ли они хоть что-то хоть когда-то найдут. Жалко, конечно, упущенной возможности. Но иных вариантов развития событий не остается.

Т-а-а-а-к-с... Вроде бы все логично?

Все сделанные допущения хоть и выглядят чисто умозрительными, но вполне подтверждаются фактами. К тому же, новая теория очень хорошо объясняет все произошедшее. И более того, она дает намеки на то, чего ожидать в будущем. А вернее — появляется пицца для ума. Много новых данных для того, чтобы решить — как действовать.

Первое — и самое главное — из того, что необходимо сделать: дождаться результатов запроса! А уж на их основании можно будет со стопроцентной уверенностью сказать, замешан тут Батя или нет.

Остаток рабочего дня прошел нелепо и скомкано. Настроение заниматься делами совершенно пропало, писать инструкции желания не было. А потому просто сидел за компом, предаваясь невеселым раздумьям.

Живой ум вкупе с богатой фантазией зачастую играют с людьми плохую шутку. Там, где человек приземленный и недалекий плюнет и пойдет дальше, некто более вдумчивый будет сто раз обмозговывать одну и ту же идею. Думать — как можно поступить лучше? И можно ли? И лучше ли? Одним словом — предаваться бессмысленным самокопаниям.

Вот и я был точно из этой породы. Вместо того, чтобы спокойно принять все случившееся, занялся самым бесполезным делом — перебирал в уме все события последних недель, склоняя их то так, то этак в сослагательном наклонении.

А что, если бы я сделал так? Что, если поступил бы по-другому? Вдруг Батя поведет себя не так, как я рассчитываю? Может, он вообще здесь не замешан? Маловероятно, но все же...

И так — раз за разом, по кругу. Мысли метались, не давая ни успокоиться, ни сосредоточиться на повседневных задачах. Я оказался слишком взволнован, чтобы работать. И, зная свою натуру, попытался хотя бы направить бесконечные размышления в более или менее конструктивное русло.

Очень меня заинтересовал весьма важный вопрос. Если за убийством Тепловых стоит Андрей Андреевич, то насколько замешана в преступлениях остальная команда? Посвящал ли он кого-то в собственные планы? Или действовал в одиночку? И как поведет себя дружный коллектив детективного агентства, когда узнает, что их шеф — хладнокровный убийца? И тот еще мерзавец, пытавший женщин?

Могу ли я доверять хоть кому-то из коллег?

Оглядел офис, ощущая внутри себя превеликое сомнение. Почему-то мне виделось, что, в случае прямого конфликта, на мою сторону не встанет никто. Даже если предоставить все доказательства, обосновать собственную позицию... За Батей люди идут не только из-за разумных доводов, но и по велению сердца. Он, как бы это сказать... настоящий лидер! Вселяющий в души подчиненных тот самый огонь, с которым хорошо жить и радостно умирать.

Диана? Вот кто-кто, а она-то наверняка с Батей повязана. Слишком уж близкие у них отношения. Не думаю, что они спят, хотя... кто знает. Во всяком случае, именно красотка приехала на место первого преступления. Вероятнее всего — вместе с шефом. А значит, должна быть в курсе всех передвижений Бати. И уж если она не знает точно, то догадываться должна наверняка! Значит — на Попову надежды нет.

А Василий? Этот вопрос заставил внутренне поморщиться.

Вот уж против кого не хотелось бы идти. Как никак он самолично спас мне жизнь. Дважды. А теперь, получается, я опосредованно копаю и под него тоже.

С Дианой они в хороших приятельских отношениях. Батю Василий не просто уважает — относится с нескрываемым почтением. Но насколько его чувства сильны? Сможет ли мужчина переступить через закон ради Андрея Андреевича? Пожалуй, да... Слишком многим тут все обязаны боссу.

Кто еще? Юля?

Я ощутил внезапный укол в области сердца. Не думал, что возможная причастность девушки меня так взволнует. Я что, влюбился, что ли? Ну уж нет, обойдемся без телячьих нежностей. Не до них сейчас. Вот разрулю ситуацию с убийствами, тогда можно подумать и о романтических приключениях.

И все же — неплохо бы выяснить, насколько блондинка завязана во всем этом? Как-то по тонкому намекнуть что ли... Или поговорить с ней начистоту?

За такими вот безрадостными раздумьями пролетел день. Результат моих трудов за сегодня — с точки зрения работодателя — оказался нулевым. Хорошо, что никого не нужно об этом оповещать. Пока что мы работаем на доверии. А потом — посмотрим, как все повернется.

Народ начал расходиться, засобиравшись домой и я. В этот день точно не стоит засиживаться допоздна. Наоборот — необходим качественный отдых. И планирование следующего дня. Но перед этим... Осталось одно незаконченное дело.

Некоторое время потусовавшись у окна, подловил момент, когда в фойе офиса не оказалось ни души. Сунулся, повертел головой. Так и есть — только секретарша за своим столом-конторой. Она-то мне и нужна. Очень хочется пообщаться с Юлей без лишних свидетелей. Все-таки вопрос о ее причастности никак не дает мне покоя.

Подошел вплотную к столу девушки, она подняла на меня усталые глаза. У меня аж дыхание перехватило от внезапно нахлынувших чувств. Странно, но именно сейчас Юлия показалась невероятно милой и неотразимой. Будто бы тусклый свет как-то по-особенному подчеркнул мягкие черты лица, глубину глаз, нарочитую небрежность сложной прически. Все же блондинка была прекрасна! Не той блестящей красотой небожителей, какой могла похвастать Диана. А вполне земной, обыденной и такой близкой.

— Привет, — пролепетал я, чувствуя, как ни с того ни с сего начинает заплетаться язык, — Как дела?

Пожалуй, более идиотское и избитое начало для разговора трудно себе представить. Достойным продолжением оказался бы ответ «нормально», но секретарша до подобного не опустилась. Она просто смотрела в упор — недоуменно и вопросительно.

Я начал было говорить какую-то чушь, чувствуя, что прямо-таки увязаю в собственной неловкости. Громадным усилием воли заставил язык заткнуться. Теперь взгляд Юли приобрел даже некоторую брезгливость — настолько ей хотелось сейчас от меня отделаться.

Собрав мысли в кулак, я, наконец, спросил то, что не давало покоя.

— Помнишь, ты рассказывала сказку про маленькую девочку и спасшего ее рыцаря?

Блондинка нетерпеливо нахмурилась, но я понял — помнит.

— Мне интересно, что бы сделала та девочка, если бы вдруг поняла, что рыцарь — вовсе не ангел во плоти. А, например, темный принц. Или чудовище, спрятавшееся под сверкающими доспехами?

— Откуда мне знать? — на секунду девушка растерялась.

Потом ее лицо исказилось столь искренним изумлением, что все остальные эмоции будто метлой вымело.

— погоди! Ты что, решил, что та девочка — это я?! — пораженно воскликнула блондинка, — Саша! Ты что — дурак? Да кто ж станет добровольно говорить о себе — *такое?!*

Я невольно отступил на шаг, а Юленька громко рассмеялась, схватившись ладошками за

щеки. Шаг, еще шаг — я продолжал пятиться, сопровождаемый громогласным хрипловатым хохотом секретарши. А когда вывалился за дверь — сразу же двинул прочь, едва не переходя на бег.

Вот и ответ, дуралей. Поделом тебе! И в самом деле — с чего это я решил, что девушка станет со мной откровенничать? Она ведь ни разу не упомянула ни одного имени. Рассказала страшную сказку, а я уж сам додумал все необходимое. Так за каким лешим, спрашивается, я решил, что девочка — это Юлия, а рыцарь — Андрей Андреевич?!

Вполне может быть, что вся эта история вообще не имеет ничего общего с реальностью! А рассказали мне ее в рамках... очередной проверки!

Дурак! Ну я и дурак! Напридумывал себе невесть что!

Совсем не заметил, как вырвался на улицу. Побег продолжался, будто за мной действительно кто-то гнался. Впрочем, мне и впрямь казалось, что сквозь уличный шум и рев машин, уши мельком улавливают отголоски издевательского смеха.

А в душе что-то выгорело. Исчезли последние остатки сомнений и жалости. Теперь я точно знал — все они одного поля ягода! Связаны густой сетью, покрывают друг друга. Так, что и не разберешь, где начало преступного конгломерата, а где конец. Одно ясно — в центре паутины восседает главный паук. Ответственный за всех.

Ну и черт с ними! Раз так — ни на кого рассчитывать не приходится. Зато и жалеть никого не нужно. Буду действовать максимально жестко и решительно.

Добрался домой, взмыленный, как скаковая лошадь после забега. Зато в голове установилась необычайная свобода и решительность.словно я принял давно назревающее решение, отбросил все лишнее, наносное. Больше никаких сомнений, никаких раздумий. Только действия — четкие, целенаправленные, продуманные. А продумать их нужно! Причем, чем скорее, тем лучше.

Быстрый ужин, состоящий из пельменей со сметаной, упал в пищевод, не вызвав никаких гастрономических эмоций. Зато чувство голода пропало, а значит, желудок больше не будет отвлекать от важных вещей. Забрался под душ — освежился. Вода смыла пот, а вместе с ним ушли негативные воспоминания. Откуда ни возмись изнутри вынырнули бодрость и готовность к новым свершениям.

Закончив домашние хлопоты, уселся за стол. Включил ноут. Рядом расположились ручка и чистый лист бумаги. Думать, по всегдашней привычке, лучше на бумаге.

Допустим, завтра все подтвердится. Информация с мобильных операторов покажет, что Андрей Андреевич принимал непосредственное участие в убийстве Теплова. Вернее — находился где-то рядом. Что в данном случае равносильно. И что же дальше? Достаточно ли этих данных для обвинения? Пожалуй, нет.

Нужна последняя проверка. Такая, чтобы сразу отделить зерна от плевел и вывести убийцу на чистую воду. Можно ли придумать нечто подобное? А почему бы, собственно, и нет?

Я знаю, чего хотел убийца, чего он жаждет — истово и безнадежно. Все, что нужно преступнику для счастья — верный пароль от кошелька. Он его искал — и не нашел. Что теперь? Разочарован? Сдался? Уже не рассчитывает на благоприятный исход?

А что, если дать противнику надежду на победу? Намекнуть, что я, мол, знаю кто ты, что ты делаешь и что разыскиваешь. И у меня есть то, что тебе нужно!

Предположим, у меня есть код. У убийцы — само устройство. Друг без друга обе эти

сущности бесполезны. Только вместе, в симбиозе, они приводят к вожделенной награде. Так давай намекнем врагу, что не все потеряно. Будто бы я знаю пароль! Что он предпримет в такой ситуации?

Как минимум, попытается выйти на связь и договориться. Как максимум... Что ж, судьба предыдущих жертв вполне однозначно напоминает, на что способен маньяк, жаждущий денег. Поэтому, нужно подготовиться к любой ситуации. В том числе к той, когда нападение будет совершено среди бела дня в толпе людей.

Остается еще один вопрос: каким именно образом связаться с убийцей? Если преступник — Андрей Андреевич, то, в теории, подойдет любой из вариантов. Письмо, звонок. Да хоть бы и личный разговор. Но у данных методов есть несколько значительных минусов.

Во-первых, вдруг Батя все-таки невиновен. Выйдет не только глупо, но и довольно неловко. Во-вторых, непосредственное взаимодействие кажется наиболее опасным. Что, если после разговора он съедет с катушек? И попросту придушит меня на месте? Попытка шантажировать матерого волка может привести к весьма печальным последствиям.

Что же тогда остается?

Стоило изложить придуманные варианты на бумаге, как ответ пришел словно сам собой. Мозг, освободившийся от необходимости удерживать внутри всю картину, заработал на полную силу, генерируя правильные мысли.

Зачем лишние сложности? Наверняка команда детективов — во всяком случае ее верхушка — крепко связана с шефом. Значит, достаточно вскользь намекнуть о моих достижениях той же Диане или Василию. А уж они сами побегут докладывать Бате. Тут сомнений никаких.

А как переговорить с Дианой? Очень просто! Наверняка сладкая парочка опять завтра устроит вечерние посиделки с разговорами. И тут уж мой выход: плавно присоединиться и, как бы невзначай, выдать собственную осведомленность.

Что ж, это похоже на план. Вернее, его часть. Так я смогу заинтересовать преступника, выманить его на открытую местность. Заставить действовать, причем действовать быстро, необдуманно, без подготовки. И тут уж только от меня зависит, как именно я заманю убийцу в ловушку.

Потому что, в отличии от злодея, у меня есть время как следует подготовиться. И вот этим я сейчас и займусь.

Прежде чем начать хоть какую-то подготовку к сложной операции, решил перестраховаться на случай полного провала. Как ни крути, я не слишком опытен и натренирован. А против меня действует противник, превосходящий, вполне возможно, на целую голову. Даже в равной схватке никто не может исключить шансов на поражение. Ну а при текущих раскладах...

На моей стороне — внезапность и продуманная подготовка. Убийца может похвастать великолепными навыками и безжалостностью. Что победит? А вот трудно сказать. По итогу может выйти так, что я пополнию список убиенных жертв. Значит, не помешает предусмотреть подобный вариант.

Усевшись перед ноутбуком, запустил онлайн-редактор. Как можно подробнее изложил свою версию произошедших событий. Начал с фактов, а потом плавно добавил к ним собственную теорию. Необходимые допущения, сделанные выводы, анализ следствий... И

описание предпринятых шагов.

Когда пальцы закончили печатать, внимательно перечитал написанное. Подкорректировал ошибки, неточности. Вышло, нужно сказать, довольно складно — прямо как приключенческий роман. В каких-то моментах, конечно, можно придраться. Но тут уж ничего не изменить. Главное — версия выглядит весьма обоснованно. По крайней мере с моей точки зрения.

Закончив писанину, заархивировал файл. Некоторое время искал адрес, куда можно отправить послание. В конце концов, просто выбрал электронную почту, указанную на сайте МВД. К сожалению, на визитке Курдюмова подобного контакта не было. Зато в письме указал и про Степана Васильевича, и про его участие в расследовании. Надеюсь, послание найдет адресата — рано или поздно.

И чтобы не откладывать дело в долгий ящик — поставил автоматическую отправку, задав отсрочку на три дня. Теперь, если со мной что-то случится, вся информация уйдет в полицию. А уж там разберутся, кому передать и что делать с полученными данными.

С другой стороны, если собственный план пройдет как надо, отправку письма всегда можно отменить. Зазор в три дня как раз для этого и нужен.

Решив этот вопрос и прикрыв, таким образом, тылы, запустил онлайн-карты. В смысле не игральные, а географические. Карту города, если быть точным. Вбил адрес офиса — сервис тут же нашел нужную точку. Настроив удобный масштаб, принялся рассматривать близлежащие окрестности в поисках нужного объекта.

Требуется разработать маршрут отхода — безопасный, быстрый, легкий. А главное — не вызывающий особых подозрений. Чтобы все выглядело вполне естественно: усталый парень бредет домой после долгого рабочего дня, не особо разбирая дорогу. И конечная точка пути должна привести в какое-то тихое укромное место, подходящее для последней схватки. Нечто не слишком удаленное, но достаточно пустынное, чтобы случайные свидетели не смогли помешать разыгравшемуся финалу.

Есть! Подходящая локация отыскалась. Даже удивительно, что сразу про нее не вспомнил — вроде не так давно проходил мимо. Приостановленная стройка, замершая на стадии, когда фундамент и стены вроде бы возведены, но на дальнейшее то ли не хватило денег, то ли еще чего. Вероятно, по задумке владельца, здесь должна образоваться многоярусная стоянка. Но сейчас, если память не изменяет, на месте едва выстроен первый этаж.

Что ж, территория достаточно пустынная. Во всяком случае, работы там точно не ведутся. На входе, конечно, должна быть какая-никакая охрана. Но то только на входе. А что там творится внутри — никому дела нет. Ну а проникнуть за ограду не такое уж невыполнимое дело.

Другой вопрос — последует ли за мной преступник? А почему, собственно, и нет? На его месте я бы только и ждал подходящего момента для атаки. Ну а что может быть лучше, чем полузаброшенное здание? Без свидетелей, без камер, без препятствий. К тому же — оттуда легко улизнуть по любой смежной улице.

Решено! Будем выманивать злодея именно туда. Единственное — место придется слегка подготовить. Значит, ночью нужно нанести визит. Разведать обстановку и выбрать площадку для разборки.

Теперь — вопрос оборудования. Порывшись в ящике стола, извлек из загашников две камеры. Не такие миниатюрные и навороченные, как у Джаеша, зато надежные, как

молоток. Главное — чтобы заряд держали. А то будет обидно, если вырубятся в самый ответственный момент.

Поставил устройства на зарядку. Карты памяти в порядке, свободного места на носителях предостаточно. Значит — отработают, как надо. Нужно лишь грамотно установить и не забыть вовремя включить оба аппарата.

Дальше — оружие. Без него не обойтись никак. Конечно, большую часть встречи планирую провести в разговорах... Но забывать про неблагоприятный исход не следует. В конце концов, противник — как это говорится в оперативных сводках — вооружен и опасен.

Первое — шокер. Не столь современный образец, как у Андрея Андреевича, но вполне сносная старинная модель. К сожалению, а может и к счастью, пользоваться в боевой обстановке им так и не пришлось. Только тренировочная стрельба. Ну вот и будет шанс оценить работоспособность.

Проверил аккумулятор, электроды. Послушал зазорный треск искрящегося тока. Подумал — и тоже поставил на зарядку. В таком деле лучше перестраховаться дважды. Пусть уж лучше всю ночь пролежит, включенный в розетку, чем потом, в самый ответственный момент, не сможет выдать даже искорки.

Газовый баллончик. Вот это, напротив, верный товарищ! Позволивший, в свое время, отбиться не от одной агрессивной компании. Не знаю, насколько в нем хватит давления... В любом случае, в серьезной схватке слишком на него полагаться не стоит. Максимум — слегка дезориентировать соперника, дать самому себе лишнюю секунду для активных действий.

И наконец — кастет. Вещь незаконная, зато легкая в изготовлении и весьма эффективная. Кто бы меня не пытался переубедить, а данная штукавина уравнивает шансы в любой драке. Ибо удар кастетом, даже не слишком сильный и умелый, легко дотягивается по убойной мощи к хорошо поставленному боксерскому хуку. Тут главное — попасть. Но это уже другой вопрос.

Не сказал бы, что особенно высоко оценивал собственные шансы в рукопашной схватке с Батей. Судя по рассказу того же Василия, Андрей Андреевич весьма опытен и тренирован в сфере рукопашного боя. Для того и нужны три моих оружия: свалить, деморализовать, ошеломить — и добить.

Если же убийца успеет применить, например, огнестрел... Тут мои шансы исчезающе малы. Именно поэтому нужно не дать ему времени на раздумья. Нужна грамотная тактика.

Тем и занимался остаток вечера — рисовал на бумаге возможные тактические расклады. Думал, что скажу. Оценивал вероятные ответы. Его реплики и мои. Когда начинать прямое противостояние, а когда не следует. Одним словом — попытался, по возможности, предусмотреть буквально все.

Лишь изрисовав запутанными схемами четыре листа, успокоился. Больше придумать вряд ли удастся. Нужно как-то выкроить время на отдых. А потом — не забыть наведаться на будущую сцену: расставить требуемые декорации, обеспечить необходимый реквизит.

Ночь коротка — а дел по горло!

Следующий день на работе выдался тяжелым, особенно первая его половина. Ночью удалось отдохнуть не то чтобы достаточно, так что клевал носом, едва не засыпая на ходу. Несколько раз ловил себя на том, что глаза помимо воли закрываются, хочется уснуть прямо так — сидя за компом.

В итоге кое-как досидел до обеда, периодически взбадривая себя дозой кофе. А в момент обеденного перерыва никуда не пошел. Решил, что доза сна — пусть и всего лишь часовая — лучше, чем пища для желудка. Перекусить-то всегда успею, даже за работой. А вот выспаться, особенно перед ответственным делом — архиважно.

Так что раскинулся в кресле и вырубился почти мгновенно. Хорошо, что будильник успел поставить. Потому что спал мертвым сном, не обращая внимания на окружающую суету и гомон. Интересно, конечно, что подумали коллеги. Впрочем, всегда ведь можно сослаться на бессонную ночь в объятиях страстной барышни. Как говорится, молодо-зелено.

Пока спал, невольно перебирал в уме сделанное за ночь. А проверить удалось много важного.

Навестил давешнюю недостроенную стоянку. Убедился, что она все в том же состоянии: наполовину законченный остов, а выше — только бетонные сваи.

Обошел вокруг, отметил возможные пути для бегства. Войти внутрь оказалось не так уж и сложно. Как и ожидал — сторожа обитали у себя в каморке, не особо заботясь о том, что происходит на объекте. Во всяком случае, проделать в заборе легкодоступный лаз труда не составило. Надеюсь, до завтра его не обнаружат.

Оказавшись внутри, обошел просторное пустынное помещение. Само пространство будущей стоянки для предстоящего дела подходило мало, по понятным причинам. Слишком много пустого места, слишком темно, да и на всеобщем обозрении, если задуматься. Зато сбоку имелась пристройка — некий закуток непонятного назначения. И вот он-то словно специально оказался выстроен для моих целей.

В меру просторный, но и не бесконечный. По периметру имелось несколько надежных укрытий в виде бетонных балок, где можно, в случае острой необходимости, схорониться на время. И, что гораздо важнее, здесь наличествовал свет. Уж не знаю для каких целей, но центр помещения оказался сносно освещен тусклой лампой, приспособленной на каменном выступе сверху. Правда, углы и стены по-прежнему утопали во тьме, но для меня это даже на руку: предостаточно укромных мест, чтобы установить камеры.

Итого: я разведал подходы и отходы, нашел отличное место для операции. Установил и протестировал камеры. Оставалась, конечно, вероятность, что за сегодняшний день их найдут особо ретивые работники... Но я в этом сильно сомневался. Не похоже, что во внутрь стройки вообще кто-то заглядывает, а тем более с внимательным осмотром. Одним словом, шансы на неудачу оценил, как исчезающе малые.

Проснулся по звонку будильника, и, вопреки ожиданиям, ощутил себя бодрым и отдохнувшим. Все-таки даже час сна дает разгрузку телу и мозгам. Единственный минус — очень уж неудобно почивать в обычном офисном кресле: спина затекла так, что еле разогнулся.

Пробежался по коридорам, разыскивая вендинговые автоматы. Закупился кофе и снеками: перекушу за работой. Так и принялся строчить очередную никому не нужную

инструкцию, чередуя глоток горячего напитка и порцию ударов пальцами по клавиатуре.

Еще через пару часов решил проверить заявку. И... есть! Ответ пришел, ответ положительный! Все заказанные данные нашлись в наилучшем виде! Сразу же скачал архив, перекопировав, на всякий случай, в телефон и облако.

Открыл досье, в очередной раз поражаясь творящемуся в стране бардаку. По сути, оказалось легко и просто достать выбранные конфиденциальные личные данные практически на любого человека. И ведь главное, я и заказывал-то далеко не полный перечень — так, самые вершки. А при желании можно озаботиться и куда более специфичной информацией.

Пока что даже просматривать все подряд не стал — промотал сразу к геолокационным данным. Глянул бегло — бинго! Стопроцентное попадание.

Данные мобильных операторов неоспоримы. И пусть сами по себе они не являются доказательством убийства, но в купе с прочей информацией...

Итак, телефон Андрея Андреевича передвигался вместе с машиной Теплова. А потом внезапно, аккурат за двадцать минут до момента «икс», он отключился. И заработал вновь только спустя десять минут после совершения преступления. Вот и ответ на вопрос — замешан ли Батя! Еще как замешан! Увяз по самые помидоры!

И ведь главное, если взять локальный «срез» всех номеров на секунду убийства, то ничего подозрительного не заметишь. При таком способе номер Бати не отследить — телефон-то выключен! Вот и выходит, что он ловко прикрылся. Осталась одна опасность: если только кто-то, как я, заподозрит его лично.

Ну что ж, пожалуй, участие Андрея Андреевича можно считать доказанным. Не для суда, естественно, но для себя самого. Значит, можно начинать операцию «ловля на живца».

Настолько взбудоражился прорывом в расследовании, что дотерпеть до вечера оказалось целым испытанием. Сон правда, как ветром сдуло. Накатило какое-то истеричное возбуждение, адреналиновая бодрость, как перед самой последней, решающей битвой. Что ж, по сути, так оно и есть. Личность преступника ясна, осталось выманить злодея на мою территорию, загнать его в ловушку, вынудить совершить ошибку. Неплохо бы еще, попутно, выдавить признание. Но это уж как пойдет.

Стараясь ничем не выдавать собственной радости, поглядывал по сторонам. Следующая решающая часть плана — появление Дианы и Василия. А их, как назло, видно не было. В какой-то момент я даже засомневался: придут ли. Вот будет весело, если все приготовления впустую! Ничто не мешает детективам просто заниматься своими делами, игнорируя офис и мои нелепые ожидания.

Василий заявился под вечер, когда большая часть «аналитиков» уже разбрелась по домам. Мужчина прошелся меж столов с хмурым выражением на бандитской физиономии, устало опустился на собственное кресло. Потер виски ладонями, прогоняя усталость.

Я следил за ним вполглаза, стараясь делать это максимально незаметно. В голове стучал барабаном единственный вопрос: «где же Диана?». Можно, конечно, начать операцию и без нее, но двое все же надежнее. На тот маловероятный случай, если Василий действительно не замешан ни в чем незаконном.

К моему искреннему удивлению, красотка вышла из кабинета шефа. Хоть убей, не смог припомнить момента, когда она оказалась внутри! Видимо, проскользнула, пока я спал или просто отвлекся. Ну и что же — сидела там весь день? Ладно, это теперь не слишком важно.

Главное, что два действующих лица на своих позициях.

Они вновь расселись, лениво переговариваясь через небольшое пустующее пространство. В опустевшем офисе не осталось ни единой лишней души.

Пора!

Поднявшись из-за стола, я сделал максимально усталый вид, благо сильно играть для этого не понадобилось. Потянувшись так, что хрустнули позвонки, глянул на детективную парочку. Они обернулись, наблюдая за мной с насмешливым одобрением.

Старательно шаркая ногами, подобрался ближе. Тяжело кивнул, давая понять, что не прочь перекинуться парочкой ничего не значащих фраз. Диана подняла подбородок, не обращая внимания на мою пантомиму. Василий, просмотрев заготовленный спектакль, громко хмыкнул.

— Хреново выглядишь, стажер, — с показной заботой протянул он, — Опять ночами не спишь? Досыпаешь на работе?

Я только пожал плечами, давая понять, что комментарии излишни. Пусть сами додумают все, что им кажется наиболее подходящим. Вместо этого брошу ту догадку, что сыграет роль лакмусовой бумажки.

— Помните дело Теплова? — громогласно зевнув, спросил я, — Похоже, отрыл новое обстоятельство...

— Какое? — воскликнули детективы почти в голос.

Только вот почему-то показалось, что вопрос Дианы скорее относился к тому, «какое еще дело Теплова»? В то время как Василию было интересно «какое обстоятельство?».

— Ну, то убийство, когда я стал свидетелем, — пробормотал, как о чем-то малозначительном, — Там человек, перед тем, как отдать богу душу, кое-что мне сказал...

— А ты все же промолчал! — резко перебила Диана, — Почему сразу не признался?

— Да потому что он чушь какую-то сморозил, — вполне искренне оправдался я, — Нечленораздельный поток звуков. Подумал, он просто бредит.

— И теперь, что же, уже так не думаешь?

— Ну тут... возникла кое-какая догадка... Кажется, я понял, чего добивается убийца. И в этом свете сказанное умирающим приобретает совсем иной смысл.

— Так что он сказал-то?! — азартно воскликнул Василий, даже привстав над сиденьем.

— А... какая теперь разница, — сонным голосом прогнусавил я, — Дело-то все равно закрыто. Завтра забегу в полицию, там и изложу все свои догадки.

Диана нахмурилась, глянув недоуменно и с явным сомнением. Василий выглядел слегка обескураженно, будто ему предложили сочное лакомство, а потом буквально вытащили изо рта.

— Ну... в общем-то оно и верно, — нехотя кивнула красотка, — Агентство больше Тепловым не занимается. Пусть хоть полиция что-то раскопает.

Они переглянулись, причем мужчина не скрывал недоумения. Может, подумали, что я просто хвастаюсь? Что ж, недалеко от истины. Только доложить начальству все равно придется.

После моего неожиданного заявления разговор как-то быстро угас. Диана засобиравалась и вновь скрылась в кабинете шефа. Не иначе побежала ябедничать. А Василий, почесав подбородок, направился к выходу из офиса.

Вот и все, дело сделано. Удовлетворенно вздохнув, я позволил себе кривую ухмылку. Теперь ход за противником. Наживка проглочена. Мосты сожжены. Обратного пути уже нет.

Остается не облажаться с последним этапом — провести схватку с убийцей строго в соответствии с планом.

Вышел из офиса отличным весенним вечером. Быстро стемнело, но больше от густой облачности, а вовсе не потому, что солнце село. Впрочем, уличные фонари вполне успешно разгоняли наступающий мрак. Ну а для моего плана темнота даже полезна: убийца будет смелее, да и мне, если что, найдется темный уголок для убежища.

Прошелся по улице в гордом одиночестве. Василий исчез из офиса чуть раньше, Диана же, напротив, будто и не собиралась никуда уходить. Что они там с Батей затевают? Неужто это все-таки дела сердечные? Не то чтобы я был таким уж любителем копаться в чужом интиме, но все же любопытно.

Шел свободно, не особо утруждая себя выбором пути. Главное выдержать общее направление и не дать шансов преследователю атаковать раньше намеченного срока. А потому — постоянно специально попадал под прицелы камер, не покидал хорошо освещенных участков дороги. И, как бы невзначай, поглядывал по сторонам.

Никого. Как ни старался, заметить преследование не удавалось. Хотя каким-то шестым чувством и чуял, что за мной наблюдают. В конце концов даже слегка засомневался — сработал ли вообще план? Заглотил ли преступник наживку?

Других вариантов я не видел. Если Батя — убийца, то он должен броситься вдогонку. Потому что на следующий день я обещался слить информацию полиции, а этого допустить злодей никак не может.

И тем не менее, хотя никаких признаков слежки не наблюдалось, разыгравшаяся паранойя прямо-таки вопила об осторожности. Чем ближе к пункту назначения, тем тщательней пришлось выбирать путь. Чурался даже внезапного куста или излишне темной тени. Вот что значит богатое воображение!

В то же время, всем своим видом старался изобразить крайнюю усталость и задумчивость. Пусть следящий — если он, конечно, имеется — решит, будто я совершенно беспомощная жертва. Чем больше нападающий недооценит дичь, тем больше шансов у последней выжить. А я намеревался не просто выжить — развернуть ситуацию в свою пользу.

Стоянка появилась в поле зрения как-то неожиданно. С одной стороны, я знал, что она вот-вот покажется; с другой — только повернул на перекрестке и уже оказался возле финишной черты.

Именно здесь и сейчас начинается та тропа, с которой пути назад уже нет. Сердце сжалось и забилося вновь — быстро и уверенно. Пробудившийся страх лишь добавил адреналина, привычная нервозность заставила все чувства обостриться, мозг работал необычайно отчетливо и быстро.

Пересек последний освещенный участок — и резко нырнул в темноту. Надеюсь, преследователь достаточно умен, чтобы не потерять мой след, и достаточно смел, чтобы не отступить на полдороги.

Я поскакал вдоль ограды быстрым шагом, едва не переходя на бег. Пожалуй, именно тут был самый скользкий момент плана. Если бы убийца догадался опередить и встретить меня на данном участке — все козыри были бы у него на руках.

Но я прошел. Специально несколько секунд помаячил у своего лаза — чтобы меня точно заметили. А потом сунулся внутрь стоянки. И уже оказавшись за бетонными стенами

— перешел на бег. Осталось последняя мелочь — успеть включить камеры.

Быстрые шаги отозвались в бетонной пустоте гулким стуком. Здесь было темно: достаточно, чтобы не различать мелких деталей в трех метрах, но не настолько, чтобы сломать себе шею. По сути, я толком не видел, куда наступаю. Благо пол настолько ровный, что даже споткнуться не обо что.

Преодолев открытое пространство, прошмыгнул в заранее примеченную каморку. Догадается ли преследователь, куда я делся? Ну, если не дурак, то легко. Здесь просто некуда больше спрятаться, на самом-то деле.

Сразу же метнулся к углам комнаты, выдохнул с облегчением: камеры на месте. Легким касанием запустил съемку. Теперь их точно хватит часа на три видеофиксации. Жаль, конечно, что аппаратов всего два — можно было понатыкать хоть десяток. Но сойдет и так: картинка с двух ракурсов запечатлеет и лицо, и действия злоумышленника.

Тусклая лампа под потолком создавала подобие освещенности в пятиметровом кругу. Дальше тьма накатывала так резко, что по контрасту словно становилась непроницаемой. Закончив последние приготовления, я вышел на светлую территорию. Проверил шокер — под рукой; баллончик — в противоположном кармане. Вот и все, готов. Теперь только ждать.

Еще вчера ночью, загодя, приволок старый деревянный ящик. Он оказался низковатым — едва доставал до колена — и чертовски хлипким. Но все же на нем, с горем пополам, можно сидеть. Аккуратно опустился на скрипнувшую конструкцию, ощутив себя натуральной приманкой в расставленном капкане. А что будет с живцом, когда ловушка захлопнется — об этом лучше не думать.

Интересно, конечно: о чем подумал убийца, когда я завернул на стройку? Наверняка ведь понятно, что человек просто так не полезет в полузаброшенные развалины. Тогда что? Может, у меня тут заначка на черный день. Или я решил принять нечто запрещенное в дали от лишних глаз. Или... возможно, преследователь вообще не задался лишними вопросами, воспринимая все случившееся, как подарок судьбы. Ибо жертва сама выбрала место, где ее удобно и допросить, и, при случае, убить.

Нервное напряжение нарастало. Я демонстративно вытащил телефон, с удивлением заметив, насколько сильно потряхивает руки. Пальцы отбивали чечетку, да так, что едва получилось разблокировать смартфон. Тем не менее, расположившись поудобнее, принялся просматривать соцсети. Вернее, я лишь делал вид, что невероятно увлечен этим процессом, в то время как в реальности превратился в комок нервов, сгорающий от напряженного ожидания.

И в то же время продолжал себе твердить, что я — никакая не наживка, не приманка, не жертва. Наоборот, именно я — охотник! Одинокий волк, вышедший на тропу войны. Ужас, крадущийся на крыльях ночи. Поехавший псих, пересмотревший голливудских боевиков.

Ожидание тянулось невероятно тяжело и томительно. По часам, должно быть, не прошло и пяти минут, но я извелся, будто сидел тут целую вечность. Чем больше длилась неизвестность, тем быстрее стучало сердце, тем мощнее взвинчивались нервы, а мозг работал, упрямо задавая целые вереницы неудобных вопросов.

Что, если не сработает? Что, если он не покажется? Или просто пристрелит, не вступая в расспросы? По результатам здравых размышлений весь план казался шит белыми нитками.

А если убийца явится не один?!

Внезапно возникший вопрос пронзил холодными щупальцами паники. Я чуть не подпрыгнул на месте, когда осознал эту до боли очевидную идею. Если убийца — Андрей Андреевич, а остальные детективы замешаны в афере, то что мешает подтянуть сюда всю команду? Один на один шансы у меня еще есть, но вот если врагов будет двое или больше... Раскатают, как блин на асфальте!

Позволил себе несколько секунд отчаяния, а потом — внутренне сжался, прикрикнув на струсившее подсознание. Все мы сильны задним умом, но теперь отступать поздно. Сам загнал себя в угол, и выход отсюда лишь один — через четко запланированную операцию.

Сжал до боли и вновь расслабил кулаки, ощущая закупоренность во всем теле. Попутно еще потел, как настоящий свин, так что приходилось то и дело вытирать рукавом пот со лба. Пожалуй, если ожидание продлится еще немного, я тут сам по себе окочурюсь, без всякого чужеродного вмешательства.

И как раз в этот миг почувствовал чье-то присутствие. Не глазами, не ушами, какой-то внутренней чуйкой ощутил, что теперь я в комнате не один. Дернулся, уловив отголосок плавного движения где-то за спиной. Вскочил с хрупкой сидухи, резко разворачиваясь. И, наконец, смог разглядеть размытый силуэт преследователя.

— Кто здесь?! — испуганный голос дал заметного петуха.

Не пришлось прилагать никаких усилий, чтобы добавить в тон страха и отчаяния. Единственное, чего я не показывал — нетерпения. Неужто этот гад так и не покажется? Вс что бы то ни стало нужно выманить злодея на свет!

А он и не стал испытывать мое терпение. Один единственный широкий шаг — и на самом краю освещенного круга застыла мрачная высокая фигура.

Пришелец оказался во всем черном. Брюки непонятного покроя; облегающая куртка с высоченным воротником; перчатки, полуботинки, плотная темная шапка-пидорка. Но больше всего меня неприятно поразила маска — целиком и полностью закрывающая лицо. Я даже глаз не видел: только два темных провала на скрытой под тканью физиономии.

— Не дергайся! — глухой безэмоциональный голос разнесся среди гробовой тишины бетонных стен, — Пристрелю!

Пришелец повел рукой, и только теперь я заметил сжатый в ладони пистолет. Почему-то не возникло никаких сомнений в подлинности оружия, как и в том, что убийца применит его без всяких зазрений совести. Попробовал раз — почему бы не сделать снова?

Неприятнее всего для меня оказалось то, что я никак не мог идентифицировать врага. Мощный силуэт явно принадлежал мужчине, но на этом особые приметы заканчивались. Ни лица, ни даже кожи видно не было. По сути, даже рост казался весьма зыбкой величиной в этих плескающихся полутенях.

А голос? Враг словно специально его изменил, настолько нечеловеческими интонациями отдавал звук. По таким приметам совершенно невозможно опознать никого. А что уж говорить про записи камер? Там и вовсе будет лишь размытое пятно, да глухой бубнеж.

— Ты кто? — спросил испуганно, стараясь перехватить инициативу.

Ответом послужил неразборчивый смешок. А сразу следом — неприкрытая угроза.

— Заткнись! — прогнусавил голос, в то время как оружие уставилось на меня широким дулом, — Лишнее слово, и я стреляю!

Сомнений в серьезности врага у меня не возникало. Я послушно замолчал, вытянувшись стрункой. По спине потек омерзительный ручеек пота.

— Ты знаешь, что я ищу, — констатировал незнакомец.

— Я не...

— Тихо! — он с досадой покачал головой, — Говори только то, что я спрашиваю. И только тогда, когда приказываю. Не строй из себя дурака, Саша. Ты ведь знаешь, что это может плохо закончиться.

Знает. Убийца меня знает, а я до сих пор так и не могу сказать со стопроцентной уверенностью, что это Андрей Андреевич. Вроде бы все улики против него, но хотелось бы убедиться. Посмотреть злодею в глаза. Поймать за руку.

— Так что ты собрался рассказать полиции? — требовательно продолжил враг, — Говори! И не вздумай юлить. Поймаю на лжи — стреляю без предупреждения!

В горле у меня пересохло, язык стал каким-то непослушным. Потому что весьма сложно сохранять самообладание, когда тебе в лицо смотрит взведенное оружие, а палец противника покоится на спусковом крючке. Пришлось нервно прокашляться, прежде чем нашлись силы ответить.

— У тебя есть электронный кошелек, устройство наподобие флешки, — я слегка взмахнул пальцами, демонстрируя маленькие размеры аппарата.

Как ни странно, такой простой жест произвел на убийцу сильное впечатление. Он как-то странно вздрогнул, даже дернулся рукой к нагрудному карману. Он что, подумал, что я его обокрал?

— Но к кошельку требуется пароль, — мягко продолжил, наблюдая за реакцией.

Впрочем, злодей почти моментально пришел в себя. Дрогнувшая было рука вновь поднялась, пистолет все также смотрел мне в лоб.

— И ты его знаешь? — с изрядной долей сомнения поинтересовался противник, —

Виктор Иванович все же проговорился?

«Нет! Он сказал мне твою фамилию!» — захотелось крикнуть в лицо врагу. Но я хорошо понимал, что в ту же секунду рискую получить пулю. А потому сдержался.

— Сказал, — едва заметно кивнул, — Но с чего бы мне делиться информацией?

— Потому что иначе, я убью тебя здесь и сейчас, — в злобном голосе послышалось столько угрозы, что страх внутри всколыхнулся новой волной.

И вдруг мне почудилось, что все планы рушатся. Потому что убийца и на самом деле все больше походил на безумного маньяка.

— Ты сообразителен, парень, даже слишком, — прошипел злодей, — Боюсь, это тебя и погубит.

Приступ паники едва не свел с ума. Я держался на последнем усилии воли. Зато теперь был совершенно уверен, что живым отсюда меня не выпустят — независимо от того, открою я пароль или нет.

— Сейчас ты мне все расскажешь, — с дьявольским смешком заявил враг, доставая откуда-то из-за спины нож внушительных размеров, — На колени, сопляк!

Чтобы изобразить ужас, великих актерских данных не требовалось. Страх и без того едва не сковал все мышцы. Слава богу, хватило выдержки не потерять сознание. Остальное тело сделало само, будто по заведенному ранее алгоритму.

С покорным видом бухнувшись на колени, максимально сильно зажмурился. Пальцы сдавили тугую кнопку. В тот же миг сверкнуло так, что я ослеп даже сквозь закрытые веки. Профессиональная вспышка — она такая. Жесткая.

Продолжая движение, растянулся на полу — и как раз вовремя. Противник взревел безумным зверем и нажал на спуск. Грохот выстрелов слился с визгом врезающихся в бетон пуль. Смертоносные снаряды прошли аккуратно над головой, рождая очередной приступ паники.

Дрожащими руками рванул из кармана электрошокер, и, прежде чем враг оклемался, всадил в него оба электрода.

Разряд! Тело противника скрючилось, едва удерживаясь на ногах, оружие выпало из ладоней. Стоило отжать кнопку, как мужчина рухнул ничком.

Еще разряд! Теперь уже ради профилактики, чтобы унять трясущиеся от ужаса поджилки. И не отпускал мучительно долго — пока пальцы не свело судорогой.

Враг дергался на бетонном полу. Когда я отбросил шокер — замер неподвижным кулем. Неужто скопытился? Вообще-то может быть всякое... Особенно с непонятными китайскими моделями. Если попасть куда надо и передержать разряд.

Я судорожно подхватился на ноги, в бешеном темпе подсакивая к поверженному убийце. Рука выхватила газовый баллончик, правда брызгать пока было не в кого. Злодей и так валялся без движения, а пшикнешь просто так — сам закашляешься.

С силой оттолкнул прочь валяющийся на бетоне пистолет. С ними разберемся потом. Сейчас главное — личность врага. Не позволить уйти, не дать шанса оклематься. Не переусердствовать, конечно. Но он вроде бы дышит, хоть больше никаких признаков жизни и не подает.

На секунду стало жалко поверженного противника, несмотря даже на то, что он убивал невиновных людей, стрелял в меня. Так нелепо и буднично все его усилия, все планы пошли прахом. И вот бедолага лежит безвольной массой, со скрюченными, сведенными судорогой

пальцами.

— Ну какого черта, Батя... — с горечью прошептал я, сдергивая со злодея маску, — Зачем ты ввязался в это дерьмо?

Намордник сполз с физиономии врага вместе с шапкой, и я пораженно отступил. Удивление оказалось так велико, что даже рот приоткрылся. Потому что вместо седовласой головы Андрея Андреевича увидел стриженную под ноль бандитскую черепушку. Расслабившееся лицо казалось на удивление добродушным, что никак не вязалось со всегдашним брутальным обликом мужчины. И тем не менее, никаких сомнений личность нападавшего не вызывала.

— Василий?!

Он подскочил так внезапно, будто кто-то подбросил размякшее тело в воздух. Из совершенно невозможной, неудобной позиции — лежа на животе с раскинутыми конечностями — Василий за миг оказался на ногах. Более того, он умудрился совместить этот маневр с атакой: мне в грудь полетел зверский тычок рифленой подошвы.

Среагировать я, конечно, не успел; защитился чисто машинально. Слегка отпрянул назад, руки кое-как сплели нечто, напоминающее блок. А потом — ботинок едва не выбил напрочь весь дух. Удар оказался настолько силен, что защита помогла лишь номинально. Большую часть урона приняла на себя грудная клетка, и ей это очень не понравилось.

Отлетел назад, словно отброшенный тараном. Грудь и предплечья отозвались пульсирующей болью. Газовый баллончик вылетел из разжавшихся пальцев, укатившись куда-то за пределы видимости. От неожиданности не успел толком ни вдохнуть, ни проморгаться.

— Детские игрушки тебя не спасут, щенок! — яростно выдохнул Василий, делая шаг навстречу.

Он качнул тело из стороны в сторону, кулаки взлетели к подбородку. Подошвы изобразили молниеносный танец, и мужчина как-то разом оказался поблизости, на расстоянии удара. Я успел принять защитную стойку, и когда град атак обрушился на голову и корпус, как мог прикрывался локтями и предплечьями.

Противник сыпал ударами, как отбойный молоток. Я почувствовал болезненный тычок под ребра и тут же — чувствительный зацеп по челюсти. Мне оставалось только отступать, всячески избегая попаданий. О контратаке и речи быть не могло — все мое внимание сосредоточилось на том, чтобы не пропустить смертоносную плюху.

И все же он достал. Мощнейший оверхенд, взявшийся, казалось, ниоткуда, мгновенно преодолел невеликое расстояние, играючи раскидал хлипкую оборону. Кулак врезался в скулу, разом выбив все мысли о сопротивлении. Я полетел на бетон — оглушенный и разбитый. В голове будто взорвалась бомба.

Шлепнулся, игнорируя боль от соприкосновения с полом. Перекатился в сторону, инстинктивно избегая вероятных добивающих ударов. Тряхнул головой — звон в ушах все еще не давал мыслить ясно, зато зрение кое-как сфокусировалось. Правая ладонь незаметно вытянула из кармана кастет. Я подтянул под себя ноги, готовясь подняться.

— Василий... Зачем? — тяжело прохрипел, кое-как выпрямляясь.

Враг лишь громко хмыкнул, вновь надвигаясь неимоверно опасной неуловимой походкой.

Все шло совершенно не по плану. Точнее сказать, о планах можно позабыть. Ни в одном

из вариантов событий, что я заранее прокручивал в голове, не значило беспощадного избиения.

Рукопашная драка тоже далеко выходила за мои представления о хорошо проведенной операции. Применение кастета — крайняя мера, последний шанс хоть как-то выправить ход сражения. Если не победить, то хотя бы подороже продать собственную шкуру. Потому что, хоть это оружие и славится грандиозной убойной силой, им еще нужно и попасть...

Левая рука изобразила отвлекающий джеб, на который враг, почему-то, совершенно не среагировал. Но останавливаться поздно — правая, с зажатым в кулаке металлом, летела в челюсть бандиту по широкой дуге.

Что случилось потом — я так и не понял. То ли это был встречный удар, то ли какая-то разновидность блока. В районе бицепса вдруг родилась такая вспышка боли, что я невольно заорал благим матом. В глазах помутнело; от невероятной муки невольно выступили слезы. Правая рука упала вдоль тела безвольной плетью, пальцы разжались, не в силах удержать даже пушинку. Кастет упал на бетон, жалостливо звякнув на прощание.

Василий легко наклонился вбок; удар, едва различимый глазом, прилетел по печени. Жесткий кулак впечатался в торс, выбив напрочь возможность дышать. Я рухнул на пол, разевая рот, как рыба, выброшенная на берег. Боль оказалась настолько адской, что на какое-то время затмила все остальное. Добрую половину минуты действительность виделась мне исключительно через призму чудовищной пытки, которую практически невозможно вытерпеть.

За это время противник мог бы сделать со мной все, что угодно — сопротивления точно бы не последовало. Чуть-чуть оклемавшись, сумел рассмотреть, что Василий, обойдя мое скрюченное тело по кругу, нагнулся к полу. В ладони детектива вновь блеснуло лезвие ножа.

— А теперь — поговорим по душам! — зловеще осклабился он, надвигаясь с неприкрытой угрозой.

Я пытался ползти прочь, скрипя зубами от боли. Правая рука по-прежнему не слушалась, дыхание едва прорывалось сквозь стиснутые губы. Бок, куда пришелся удар, болел так, будто там что-то разорвалось. Не удивлюсь, если заработал какое-нибудь внутреннее кровотечение.

Василий настигал со зловещей усмешкой. Рука мужчины помахивала ножом, как бы играясь. Подмигивающее сталью лезвие приковывало взгляд, будто гипнотическая спираль. Неимоверный страх придал сил. Очень не хотелось узнавать, каково холодное оружие на ощупь.

— Василий! Стой! Не надо! — жалобно прохрипел я, продолжая извиваться на полу.

Он оглушительно рассмеялся.

— Ты что возомнил, идиот? Я зря прошел весь путь, чтобы отступить в последний момент? — мужчина тряхнул головой с ледяной усмешкой, — Я убил идиота Теплова, пытал его баб... Думаешь, уговоры смогут тебя спасти?

Лезвие сверкнуло в стремительном выпаде, я с трудом откатился назад. Ножу не хватило считанных сантиметров, чтобы попробовать мою плоть.

— Знал бы ты, как они вопили, брыкались, молили о пощаде! — Василий вновь расхохотался, став окончательно похожим на спятившего мясника, — Твоим жалким потугам разжалобить далеко до настоящего чувства! Впрочем, это исправимо...

Злодей прыгнул вперед с той неотвратимостью, что отличает стоящего человека от

поверженного на пол. На этот раз нож чиркнул по боковине туловища — я судорожно успел отмахнуться рукой. На ладони появилась кровь, куртка тоже окрасилась красным.

— Ты спятил! — заорал я, дрыгая ногами, как безумный, — Ты убийца! Маньяк! Живо дер!

— Наверное, — на удивление спокойно согласился враг, обходя по сужающейся спирали, — Старые привычки оказалось так трудно изжить...

На этот раз увернуться не удалось. Противник прыгнул, обрушившись сверху всем весом. Из моих уст вырвался тяжелый стон, когда колено мужчины прижало грудину к полу. Руки врага уверенно контролировали мое положение. Я оказался зажат и распят, как насекомое на столе вивисектора.

Нож поднялся и размеренно двинулся вниз.

— Будь ты проклят, мразь! — выплюнул я, а потом зашелся диким воплем.

Потому что лезвие вошло в центр груди, погрузившись на пару сантиметров внутрь тела. Было не столько больно, сколько невероятно страшно. Особенно от осознания того, что злодей не остановится на парочке безобидных порезов. Он будет кромсать до тех пор, пока из остатков тела не уйдет всякое подобие жизни.

Словно в подтверждение этой мысли, Василий резко выдернул оружие. Одобрительно посмотрев на окровавленное лезвие, он вновь направил острие в плоть.

— Довольно!

Повелительный оклик прогрехотал настолько неожиданно и отрезвляюще, что мучитель едва не выронил нож. Василий подпрыгнул на месте, резко разворачиваясь к тому, кто отдал приказ. Получив чувствительный толчок, я чуть не потерял сознание, голова больно приложилась затылком о бетон. Мучительным усилием заставил себя не отрубаться. Затуманенный взор выхватил внушительную фигуру, застывшую на границе тени.

— Довольно, — мягко повторил Андрей Андреевич и сделал первый шаг.

Я смотрел на их сближение, не смея отвести взгляд. Эта была финальная сцена лучшего в мире боевика или, может быть, вестерна: два героя, неторопливо идут друг на встречу другу, предвкушая завершение давнего спора. Борьба взглядов оказалась настолько ощутимой, что стало не по себе от их мощи.

Батя шагал вперед расслабленно, спокойно, будто заслуженный пенсионер на прогулке. В его поступи было столько уверенности, словно он не рассматривал даже теоретическую возможность поражения. Руки мужчины болтались вдоль тела, голова слегка покачивалась из стороны в сторону.

Василий, напротив, шел, набычившись. Плечи бойца раздулись; руки разошлись в стороны, как у медведя; подбородок опустился к груди. Нож в ладони больше не плясал, он застыл тонкой смертоносной полоской металла. Ступни убийцы едва отрывались от бетона, походка действительно напоминала поступь крадущегося хищника.

Они сшиблись, как две горы.

На краткий миг тела сцепились в умопомрачительном сплетении рук и ног. Скорость движений обоих соперников оказалась такова, что я едва различал отдельные удары.

Секунда — и клубок тел распался.

Василий кубарем полетел на бетон. Андрей Андреевич остался стоять, держа руки перед собой в какой-то странной позиции. В левом кулаке оказался зажат нож, дотеле принадлежавший убийце. Батя небрежно взмахнул кистью, отбрасывая оружие подальше.

Надо отдать Василию должное — он вскочил на ноги почти тут же. По разбитому лицу злодея струилась кровь, что окончательно придало ему вид ополоумевшего маньяка.

Издав безумный рык, спятивший детектив бросился на Батю. И на этот раз упали оба.

Дикая куча-мала покатила по полу, не давая толком шансов различить — что же там происходит. Череду ударов и захватов, болевых и изворотов — кутерьма тел пронеслась по бетонному покрытию и внезапно остановилась.

Андрей Андреевич оказался сверху, навалившись на врага всем своим немаленьким весом. Мощные руки Бати обхватили шею злодея неразрывным хватом. Василий, отдав спину, ничего не мог поделаться с противником. Убийца только зверски хрипел, выкатив глаза, и никак не хотел отключаться.

На секунду показалось, что бычью шею маньяка просто невозможно продавить никаким захватом. Но Батя так не думал. Последнее титаническое усилие — и Василий обмяк, глаза убийцы стали пустыми, бессмысленными.

Шумно выдохнув, Андрей Андреевич поднялся на ноги. Он покачал головой и отряхнул руки, как после игры с песком.

Где-то позади раздался громкий цокающий звук. Обернувшись, я увидел Диану, грациозно шагающую по бетону. Как, интересно, она умудрялась двигаться бесшумно до этого момента? Или я настолько увлекся спасением собственной жизни, что ничего не слышал?

Отстучав каблучками по бетону, красотка прошла по освещенному кругу, как по подиуму. Элегантно склонилась над поверженным мужчиной; в руках дамы появились совсем не игрушечные наручники. Диана крепко стянула браслеты на запястьях бывшего товарища. А потом не поленилась сковать и ноги. Что было совсем не лишним, учитывая, какую прыть продемонстрировал Василий.

Завершив «арест», дама выпрямилась и отступила на шаг. Они с Батей переглянулись, уставившись на меня недоуменными взглядами.

Только тогда вдруг пришло понимание, что из моего рта вылетает какой-то хриплый истерично-ироничный смех, больше похожий на воронье карканье.

Кое-как захлопнул рот, прерывая нелепое ржание. Смех шел откуда-то изнутри, от самого живота, сотрясая все тело сдержанными конвульсиями. В конец концов опять не выдержал — сквозь сжатые губы прорвалось тихое похрюкивание.

— Вообще-то, я думал, что ловлю вас, — обратился к Андрею Андреевичу, немного отдышавшись.

Мужчина пожал плечами, позволив себе легкую ухмылку. Он наклонился, легко вздернув поверженного и скрученного Василия на колени. Тот приоткрыл глаза — уже успел очухаться. Правда вот пошевелиться при всем желании не мог.

— Не так уж мы и похожи... — задумчиво произнес Батя.

Василий презрительно сплюнул, глядя куда-то в пол. Я перевел взор с одного мужчины на другого: и впрямь, когда они стояли рядом, никакого особого сходства не было. Если только общий типаж спортивной фигуры — широкие плечи, мощная грудь, мускулистые руки. Но Батя, например, выше, а Василий — более коренастый. Даже в этом они отличались, не говоря уж о внешности.

Между тем, Диана, не обращая внимания на разговоры, стремительно подступилась ко мне. Она присела рядом, так что я сразу ощутил... запах молодой сексуальной женщины.

Требовательная рука сдернула куртку, жесткие пальцы без всякой жалости ткнули в область ножевой раны. Я поморщился и невольно отпрянул подальше от болезненных ощущений.

— Ой... какие мы нежные, — ехидно заметила красотка, не отпуская меня из цепких объятий.

Откуда ни возьмись, у нее в руках появился пузырек, нещадно опрокинутый на рану. Кровь зашипела; плоть отреагировала острой болью, плавно сходящей на нет. Когда я, чертыхаясь, посмотрел на место удара, там уже красовался кусок бинта, прихваченный пластырем.

Ну надо же — мастерица на все руки! И красавица, и умница, и медсестра... И браслеты у нее есть на всякий пожарный...

Диана протянула руку, довольно осторожно помогая мне встать. Выпрямился, прислушался к себе — больно, но не смертельно. Кажется, отделался обычными тумакami. Жестко пульсирует скула — тут наверняка будет внушительный фингал. Тяжело ноет бок в районе печени. Ножевые ранения — так, пустяки. Обычные уколы. Всерьез маньяк за меня взяться не успел.

— Я понял твои подозрения, — задумчиво проговорил Батя, обходя пленного со спины, — И они вполне обоснованы. Жаль, что ты не сделал последней проверки... Впрочем, так оно, наверное, и должно быть. Молодость всегда предпочитает действия лишним размышлениям. В данном случае это чуть не сыграло с нами злую шутку. Мы с Дианой едва успели среагировать.

— Вы... знали?

— Ну конечно! — Андрей Андреевич раздосадовано покачал головой, — Хреновым иначе я был бы детективом! Но, сказать по правде, противник на этот раз попался достойный... Враг подкрался с той стороны, откуда его меньше всего ждали... Помнишь, Саша, я тебе говорил, что нельзя доверять никому? Вот тебе и доказательство столь простой

истины. Сколько мы вместе, Вася? Девять лет? Почти десять... И вот такой удар в спину!

Поверженный мужчина вновь сплюнул — мощно, резко, даже с какой-то ненавистью.

— И ведь как он все мастерски провернул, да? — театрально восхитился Андрей Андреевич, — Все доказательства косвенно указывают на меня, не так ли?

Я кивнул, все еще находясь в какой-то отстраненной прострации.

— Это что, месть? — спросил, преодолевая накотившую слабость.

— Не думаю, — мягко возразил Батя, — Просто ему нужно было как-то экстренно замести следы. А так вышло... удобнее. К тому же, отличная перестраховка на случай излишне глубоких разбирательств.

— Признаться, до последнего думал, что вы заодно...

— Нет, Саша, — Андрей Андреевич ответил как-то на удивление душевно, — Я не имею ничего общего с убийствами.

— А... когда же вы узнали?

— Окончательно убедился только после смерти Евгения, — печально признался Батя, — К сожалению, лишь смерть хорошего человека открыла мне глаза на злодеяния плохого... Но было уже слишком поздно.

— Почему же тянули так долго?

— Не было доказательств, — он растеряно пожал плечами, — Одно дело убедиться самому, и совсем другое — суметь убедить суд.

— А теперь что же?

— Теперь... думаю, записей с твоих камер будет достаточно.

Он обернулся, небрежным движением руки точно указывая на положение скрытых во тьме аппаратов. А я, признаться, только сейчас и вспомнил, что все происходящее фиксируется.

Неловко рванулся с места, шаркая по бетону неуверенными шажками. Впотьмах подошел к первой камере, потом ко второй. Остановил запись, проверил заряд. На всякий случай вытащил карты памяти. Оба аппарата отработали как надо, в том, что записано все случившееся — я не сомневался. Под вопросом только качество видео. Все-таки темновато, да и сами камеры довольно старенькие...

— Если вы все знали, почему ничего не предприняли? — вернувшись на свет, я рассовал флешки по карманам, — Неужели требовалось так затягивать?

— Ну... во-первых, с чего ты взял, что так уж и «ничего»? — резонно возразил Батя, — Кое-что готовили... просто ты успел первым. А во-вторых... очень любопытно было, что же предпримет наш стажер? Неужели оставит все, как есть? Или будет бороться за справедливость, даже против своего прямого начальства?

Он одобрительно улыбнулся, давая понять, что все мои «секретные» действия не такая уж и тайна. Я хмурился, стараясь не выказывать явного облегчения.

— Скажите еще, что это была очередная проверка, — буркнул, имитируя недовольство.

— Любой выбор, который приходится совершать в жизни — в той или иной степени проверка. Тест на вшивость, если угодно. А тем более, если от того или иного варианта зависят жизни — твоя и других людей.

На какое-то время я выпал из разговора, целиком погрузившись в непростые размышления. Старался как можно подробнее рассмотреть собственную версию случившегося, исходя из того факта, что убийца — Василий.

Почему Теплов связался не с Андреем Андреевичем, а с детективом? Насколько мужчина доверял Василию? Были ли они вообще знакомы? Эти вопросы требовали дополнительной проработки.

В остальном... Что касается навыков и подготовки, Василий если и уступал Бате, то ненамного. Ему вполне по силам провернуть любое темное дельце... Но каков наглец! Как ему удалось обмануть всех в отеле? Мало того, что злодей сам, получается, бросил гранату, а потом от нее же меня и спас. Я-то думал, что он — герой. А выходит все наоборот...

Впрочем, кое-что все равно не сходится. Мои домыслы могут быть истинными, но я вполне могу и заблуждаться. А вот против фактов не попрешь!

— Ваш телефон, — собственный голос показался на удивление хриплым, — Я проследил за его геолокацией. Вы были рядом... в момент убийства Теплова.

— Я был в самолете! — раздраженно поморщился Андрей Андреевич, — Восьмичасовой перелет из Владивостока. Терпеть не могу летать! А тем более — с переменной часовых поясов. Потом полдня брожу, как живой мертвец.

— Но номер...

— А ты слышал про такую вещь, как корпоративная сим-карта? — с ехидцей заметил Батя, — Пора бы уже знать, что номер может быть зарегистрирован не только на физическое лицо, но и на юридическое. В момент моего отсутствия Василий оставался за старшего, получается и сим-карта находилась у него.

— Значит, Теплов звонил не вам, а... Василию?

Пожилой детектив кивнул, подтверждая очевидную, для себя, истину. Мне оставалось только недоверчиво хмуриться. Не знаю, чем мне не нравилась данная версия. Наверное, только тем, что я не додумался до нее самостоятельно.

— Не веришь? — устало фыркнул Андрей Андреевич, — У меня непробиваемое алиби. Целый самолет и сотрудники аэропортов. Мог бы просто спросить... Впрочем, если тебя и это не убеждает, поинтересуйся у Курдюмова. Помнишь старшего следователя? Поверь, кто-кто, а он-то меня проверял в первую очередь, да еще и с особой тщательностью!

Тут возразить мне оказалось нечего. Действительно, если за дело брался Курдюмов... Их странная вражда с Батей делала из следователя самого старательного проверяющего. И уж если он не нашел ничего подозрительного... Значит, Андрей Андреевич действительно не при чем.

— И ради чего все это... — разочарованно выдохнул я, — Неужели ради бесполезной безделушки?

Подошел вплотную к Василию, протянул руку. Мужчина дернулся, но отстраниться не давали наручники. Кисть скользнула в нагрудный карман чужой куртки, пальцы нащупали миниатюрный браслет. Вытащил кошелек-флешку, аккуратно держа устройство на открытой ладони. Удивительно, но аппарат и впрямь оказался чертовски похож на тот, что я приобрел у Джаеша.

— Неужели оно того стоило? — я внимательно наблюдал за выражением лица мужчины.

— Тебе не понять, паренек, — хрипло выплюнул Василий, — Потому что у тебя никогда не было по-настоящему много денег. И ты знать не знаешь, насколько крупное состояние меняет все!

Я отступил назад, встав рядышком с Батей. Теперь уже убийца не казался грозным. Скорее — жалким и потерянным.

— Пожалуй, ты прав, — тихо проговорил, обращаясь как бы ко всем сразу, — Так пусть эта вещичка побудет в надежных руках.

Протянул кошелек Бате. Тот спокойно кивнул, принимая пластиковую безделушку. Небрежно подбросил флешку на ладони и сунул куда-то за пазуху.

— История с паролем — это, конечно, выдумка? — невзначай поинтересовался Андрей Андреевич.

Говорить сил уже не было — ограничился тяжелым кивком.

— Я так и подумал, — вздохнул Батя, — Не слишком оригинально, но... все же сработало. Алчность настолько затмила разум, что Вася уже не мог мыслить рационально...

— И что... будет теперь? — как-то тускло выдавил я.

— С ним-то? — Андрей Андреевич кивнул на пойманного преступника, — Вообще, с точки зрения закона — ничего особо страшного. Сам подумай, какие улики мы можем предъявить. А самое главное, какую вину возможно доказать?

Батя тяжело покачал головой, будто оценивая собственноручно обрисованные перспективы.

— Даже если удастся доказать причастность Василия к убийствам — а это далеко не факт — максимум ему светит лет десять-пятнадцать тюрьмы. Да и то... за хорошее поведение скостят половину... Глядишь, годиков через семь будет наш «товарищ» снова разгуливать на свободе, как ни в чем не бывало.

Он рассказывал об этом настолько устало, будто бы сам чертовски огорчен сложившейся ситуацией. Ну и я, если честно, проникся... Как-то все это казалось... неправильно. Убийца отправил на тот свет троих, одна жертва все еще борется за жизнь; а сам, получается, будет жить припеваючи. Даже не слишком пострадает, если задуматься.

— Хреновая перспектива, — пробормотал сквозь зубы.

— Ну... есть и другие варианты, — глядя куда-то в сторону тихо выдохнул Батя, — Вот только выбрать должен ты. Сам изловил злодея, сам и решай, как с ним поступить.

Недоумевающе воззрился на детектива, а тот вдруг протянул мне непонятно откуда взявшийся пистолет. Я оказался настолько удивлен, что невольно взял оружие в руки, хоть умом и понимал, что делать этого ни в коем случае нельзя. Никогда не стоит лапать непонятное и чужое, ибо отпечатки пальцев никто не отменял. Впрочем, ситуация не та, да и компания не располагает к подобным подставам.

— Мы с Дианой сейчас выйдем, — мягко заговорил Андрей Андреевич, — Ты останешься один на один с данным... субъектом. Посмотри на него, поговори, подумай. И сделай то, что считаешь верным. Только не тьяни.

Мужчина спокойно пошел прочь, а девушка и так уже скрылась где-то в тени.

— Насчет полиции не переживай, — не оборачиваясь добавил Андрей Андреевич, — Нужную версию состряпаем... Вынужденная самооборона или что-то вроде того. В конце концов, никто не станет тебя судить за то, что остановил маньяка.

— Погоди! — от волнения я даже перешел на «ты», — Ты предлагаешь мне... убить Василия?

— Я предлагаю поступить по справедливости, — жестко отчеканил мужчина, притормозив на самой границе света и тьмы, — Надеюсь, ты хорошо понимаешь разницу между справедливостью и правосудием?

С этими словами он скрылся во тьме. Еще несколько минут до слуха доносился звук

удаляющихся шагов. Потом все стихло. Только дыхание двух людей: мое и скованного убийцы.

Разница... В теории, ее, наверное, не должно быть. Что такое правосудие, как не воздаяние по справедливости? Вот только справедливость каждый понимает по-своему. Для кого-то это «око за око». Другие придерживаются принципа «не убий». Я хорошо понимал и первых, и вторых. Не могу сказать, к какой категории склоняюсь. Вообще-то, я против насилия, но если некто угрожает мне или моей семье...

Еще одно убеждение, которое сформировалось из не слишком благополучного детства: правосудие должно быть неотвратимым и соразмерным. Только тогда оно и является правосудием, а не профанацией. Тот, кто убил трех невиновных людей, не может, да просто не должен спокойно жить и наслаждаться всеми благами жизни. Такое развитие событий не вписывается ни в одну концепцию справедливости.

Но что делать, если таково наше правосудие? Вероятно, все — и полицейские, и адвокаты, и судьи — будут твердо уверены в виновности подсудимого. Но важно не то, во что мы верим, а то, что сможем доказать. Что, если суд не сочтет доказательства весомыми? Что, если наказание будет формальным?

Готов ли я положиться на теоретическое правосудие? Осталась ли во мне вера в способность органов правопорядка наказать зло?

Или лучшее решение — вершить справедливость самостоятельно, здесь и сейчас? Быстро, четко, целенаправленно и жестко. Пока есть возможность сделать это безнаказанно.

Опустив взгляд, я посмотрел на ладонь, сжимавшую рукоять пистолета.

Я смотрел на Василия, и в голове проносились тысячи мыслей о его виновности и возможных последствиях. Мужчина лишь раз скрестил взгляды, потом отвел взор куда-то в сторону. Самое страшное, что в его глазах не было никакого раскаяния. Может быть, лишь отголосок разочарования в том, что попался в по-детски расставленную ловушку.

Так чего же я жду? Почему тяну время?

Вот человек, убивший троих и едва не отправивший на тот свет еще одну жертву. Он пытал двух женщин, резал их заживо. Он готов был сделать тоже самое и со мной. Можно сказать, процедура была прервана в самом разгаре.

И все ради эфемерной возможности сорвать большой куш. Или, может быть, если быть честным, нужно признать — этому подонку просто нравится убивать. Убивать и мучить беззащитных. Почему же он не сорвался раньше? А откуда я знаю, что не сорвался? Мало ли в городе нераскрытых смертоубийств?

Заслуживает ли он смерти? Да! Я бы даже сказал — мучительной смерти. Во всяком случае, жизни гад не заслуживает точно.

Я обошел коленапреклоненного мужчину сзади, оказавшись у него за спиной. Еще раз оглядел пистолет, взвесив оружие в руке. Смертоносная игрушка казалась на удивление холодной, будто вестник вечного холода по ту сторону жизни.

Василий даже не шелохнулся, так и стоял, опустив голову. Держался на удивление спокойно и отстраненно. Даже равнодушно. Будто ему абсолютно все равно, что я буду делать: уйду прочь или нажму на спусковой крючок.

Так каково же мое решение?

Рука поднялась вверх, дуло пистолета прижалось к затылку убийцы. Палец скользнул на спуск и замер.

Нет, не могу...

Я бы без всякой жалости расправился с Василием в бою, в драке, защищая собственную жизнь или даже любую другую. Но вот так — безжалостно, спокойно, выстрелить в затылок... Не могу. Убить, чтобы не быть убитым. Но не казнить.

Со злостью толкнул оружием в бритый череп врага. Сплюнул и пошел прочь. Не хотелось больше видеть эту бандитскую рожу. Надеюсь, все же, злодеяния мерзавца не останутся безнаказанными.

Выбрался наружу через тот же лаз в заборе, что служил мне входом. Андрей Андреевич и Диана поджидали тут. Батя спокойно прохаживался вдоль забора, поглядывая на звездное небо. Темноволосая красотка не отрывала взгляд от экрана смартфона, будто там происходило нечто гораздо более важное, чем реальная жизнь.

Батя глянул вопросительно, одним жестом выразив всевозможные вопросы.

— Я не палач, — мрачно покачал головой, аккуратно возвращая детективу оружие, предварительно очищенное от отпечатков.

— Хороший выбор, — лицо Бати осветилось на удивление живой улыбкой, — Я рад, что ты не уподобился Василию. Впрочем... не думай, что мы живодеры. Подставлять тебя никто не собирался.

Он рассмеялся, наблюдая за выражением удивления, рождающимся на моей физиономии.

— Патроны холостые, — продолжая паскудно ухмыляться, пояснил пожилой хитрец, — Гремят, как настоящие, но не убивают. Разве что напугаешь до смерти...

— Так какого рожна?! — возопил я, сдерживая гораздо более крепкие выражения.

— Проверка кровью. И ты ее прошел. Добро пожаловать в штат детективного агентства! Испытательный срок окончен.

Мой рот закрылся, клацнув зубами. Удивленные глаза едва не выкатились на лоб. Очередная проверка?! Вот же черти полосатые!

— Поздравляю! — томно проворковала красотка, ради такого дела даже оторвавшись на секунду от телефона.

Покрутив головой, вдруг обратил внимание на далекие завывания сирен. Похоже, звук приближался.

— Мы вызвали полицию, — заметив мой жест, спокойно подтвердил Андрей Андреевич, — Думаю, будет лучше теперь подключить официальные органы правопорядка. В конце концов, надо же куда-то деть задержанного. Жаль только, придется всю ночь проторчать в отделении... До утра вряд ли выпустят...

Я обреченно кивнул и устало опустил на корточки. Очень хотелось прилечь, но, к сожалению, отдыхать в грязи было бы не особенно комфортно. Голова заранее начала побаливать, предвкушая бесчисленные показания и объяснения. А ведь мне, помимо всего этого, нужно будет выяснить еще один — последний — вопрос.

Как обычно, хорошая мысль пришла опосля. Если Андрей Андреевич невиновен, то Теплов перед смертью прошептал вовсе не фамилию убийцы? Неужели моя идиотская догадка верна, и та фраза на самом деле означает пароль к найденному кошельку? Может ли такое быть? А вот и проверим...

Пусть Батя спокойно упрячет переданную флешку подальше в сейф. Действительно, различить два одинаковых с виду устройства почти невозможно. И я до сих пор не понимал, как у меня хватило смелости и ловкости подменить кошелек Теплова на свой.

«В конце концов, это деньги, — подумал, успокаивая сам себя, — *Очень* больше деньги...»

Больше книг на сайте - Knigoed.net